ИЗЪ ВОСПОМИНАНІИ

ГВІ
Л 692
Т. 4Т

ЖАНДАРМА

30 и 40 годовъ

въ двухъ частяхъ.

А. И. ЛОМАЧЕВСКАГО

Типографія В. Граціанскаго.
Невскій проспектъ, № 46.
1880.

ГВ1
1692/4Т

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЖАНДАРМА

30 и 40 годовъ.

Часть I.

ВИЛЕНСКАЯ ДРАМА

СЪ ПРОЛОГОМЪ.

Часть II.

ГОЛУБОЙ МУНДИРЪ

А. И. Ломачевскаго.

1880 года.

ВИЛЕНСКАЯ ДРАМА

А. ЛОМАЧЕВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1873.

1984

ГВІ
Л698
ИТ

331173 у

Типографія В. Граціанскаго.
Невскій проспектъ, № 46.

ВИЛЕНСКАЯ ДРАМА.

Глава I.

Назначеніе въ Вильну новаго генералъ-губернатора. Побѣгъ за границу двухъ студентовъ Медико-Хирургической академіи и одного гимназиста. Назначеніе слѣдственной коммиссіи. Результаты полугодовыхъ трудовъ ея. Знакомство автора съ членами коммиссіи и направленіемъ дѣла. Допросъ Ракицкаго и первый протестъ автора.

Мятежъ 1831 года былъ подавленъ, но съ того времени и по 1840-й годъ включительно, въ Варшавѣ, Кіевѣ, Гроднѣ и Вильнѣ не прекращались такъ называемыя политическія слѣдствія, какъ надъ недовольными новымъ складомъ вещей мѣстными агитаторами, такъ и проникавшими въ край заграничными эмигрантами, задачею которыхъ было — распространеніе въ массѣ народа, и особенно въ воспріимчивой и доброй по природѣ молодежи, либеральныхъ идей, привитіе туземцамъ непримиримой ненависти къ правительству Русскому и усиленная поддержка завѣтной и страстно любимой Поляками мысли о возможности возстановленія самобытнаго существованія Польши въ соединеніи съ искусственно ополяченною Литвою.

Послѣднимъ изъ выходцевъ этого рода, изъ агитаторовъ заграничной пропаганды, былъ долго скрывавшійся въ Подоліи и у помѣщика Пинскаго уѣзда Родзевича, извѣстный эмисаръ Симонъ Канарскій, казненный въ Вильнѣ 15 февраля 1839 года.

Еще мѣстныя власти неуспѣли покончить съ сообщниками Канарскаго и многочисленными его послѣдователями; еще монастыри Виленскіе, обращенные въ тюрьмы, наполнены были политическими арестантами разныхъ оттѣнковъ, какъ въ Вильну, на смѣну князю Долгорукову, этому строгому и искусстному администратору, переведенному въ Харьковъ, прибылъ (въ мартѣ 1840 года) новый генералъ-губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Ѳедоръ Яковлевичъ Мирковичъ, а черезъ пять недѣль (1 мая 1840) доставлены къ нему бѣжавшіе изъ Вильны и намѣревавшіеся пробраться въ Пруссію, но задержанные около Юрбурга, два студента и гимназистъ, надѣлавшіе большую тревогу, особенно, когда при одномъ изъ нихъ найдена была рукопись его сочиненія, наполненная политическими бреднями о вольности и отвратительно—преступными и дерзкими выраженіями противъ особы покойнаго государя и его августѣйшаго семейства.

Въ тотъ-же день назначена была слѣдственная комиссія изъ чиновниковъ, хотя и неизвѣстныхъ новому начальнику края, но рекомендованныхъ ему за людей особенно дѣльныхъ, опытныхъ въ дѣлахъ этого рода и благонамѣренныхъ.

Закипѣло шумное дѣло. Начались новые аресты, поднялась страшная суета; зазвенѣли колокольчики, поскакали жандармы, полетѣли эстафеты, возобновились старые, давно знакомые слѣдователямъ вопросы, смѣшались и перепутались съ новыми—и ровно черезъ 6 мѣсяцевъ, когда дѣло, повидимому, округлилось, разъяснилось и приближалось уже къ развязкѣ, когда, къ чести искусныхъ и торжествующихъ слѣдователей, новый страшный заговоръ, казалось обнаруженъ былъ вполнѣ, виновные схвачены, несомнѣнныя улики преступленія найдены, недоставало только собственнаго сознанія главнѣйшихъ заговорщиковъ (въ которомъ присуществованіи уликъ не-

было особой нужды)—въ это время (10 ноября 1840 года) прибылъ въ Вильну назначенный по высочайшему повелѣнію предсѣдателемъ слѣдственной коммисіи флигель-адъютантъ полковникъ Назимовъ, который, познакомясь поверхностно съ результатами 7-ми мѣсячныхъ трудовъ коммисіи и повѣря ихъ непогрѣшимости, обратилъ особенное вниманіе, какъ на чрезвычайно дурное помѣщеніе и содержаніе арестантовъ, такъ и на неимовѣрный хаосъ, запутанность и безпорядокъ собственно по канцелярской части коммисіи и, доведя объ этомъ до свѣдѣнія генералъ-губернатора, просилъ о пріисканіи болѣе удобнаго зданія для временной тюрьмы и о немедленномъ командированіи въ составъ ввѣренной ему коммисіи опытнаго оберъ-секретаря Сената, взамѣнъ чего ему обѣщано было прибавить еще однаго члена. Этотъ послѣдній выборъ палъ на меня и я получилъ съ эстафетою предписаніе немедленно явиться въ Вильну. Предписаніе это застало меня—что называется въ расплохъ, такъ, что по служебнымъ и семейнымъ обстоятельствамъ я не прежде января въ состояніи былъ переселиться въ Вильну.

По прибытіи моемъ въ Вильну я не засталъ тамъ предсѣдателя коммисіи флигель-адъютанта Назимова. Онъ уѣзжалъ за семействомъ въ Петербургъ, а генералъ-губернаторъ Мирковичъ и мой окружный генералъ Петръ Ивановичъ Фрейгангъ приняли меня чрезвычайно благосклонно. Оба они увѣряли, что порученное слѣдственной коммисіи дѣло приближается къ концу, но что оно требуетъ приведенія его въ систематическій порядокъ и внимательнаго разбора неисполненныхъ бумагъ и захваченной у арестантовъ переписки. При этомъ Федоръ Яковлевичъ упомянулъ, что дѣлопроизводитель коммисіи и (вмѣстѣ секретарь моего окружнаго начальника) Стратоновичъ, до того лѣнивъ, что какъ бы изъ милости занимается въ коммисіи и слегка намекнулъ на то, что считалъ

бы особенно выгоднымъ для успѣха дѣла, еслибъ, вмѣстѣ съ званіемъ члена, я согласился принять на себя и обязанность дѣлопроизводителя коммисіи.

Незнакомый съ дѣломъ этимъ и напуганный ожидавшими меня въ коммисіи безпорядками и упущеніями, я уклонился отъ косвенно предложеннаго мнѣ назначенія, покрайней мѣрѣ на первое время, но обѣщалъ всмотрѣться въ дѣло, не думать чужою головой и работать столько, сколько позволятъ мнѣ физическія и нравственныя силы мои. Вполнѣ ли сдержалъ я мое обѣщаніе, предоставляю судить другимъ.

На слѣдующій день отправился я въ коммисію. Какое-то безотчетно тяжелое чувство давило сердце мое, когда я переступалъ за порогъ Бернардинскаго монастыря, обращеннаго во временную тюрьму политическихъ арестантовъ. Если замыслы ихъ обнаружены, если степень участія въ нихъ приведена въ извѣстность, то къ чему послужитъ тутъ мое присутствіе, подумалъ я? Неужели только исправленіе канцелярскихъ безпорядковъ, подборъ бумагъ и тому подобная черновая работа достанется здѣсь на мою долю?—Смотритель и жандармы полутемными коридорами провели меня въ бывшія келіи настоятеля, въ которыхъ помѣщалось присутствіе коммисіи. Въ двухъ первыхъ комнатахъ я не нашелъ никого, кромѣ писарей, а въ третьей меня ожидало самое возмутительное зрѣлище! Два господина въ вицъ-мундирахъ, одинъ пожилой, съ сѣдиною, орденомъ на шеѣ и большими черными глазами, въ которыхъ выражалось что-то слишкомъ черствое, злое, а другой молодой, приглаженный, съ веселымъ, открытымъ и глуповатымъ лицемъ, стояли рядомъ, безпрестанно понукая какого-то смазливаго и чисто одѣтаго мальчишку уличать въ чемъ-то стоявшаго къ нему лицомъ и закованнаго въ кандалы молодаго человѣка, въ

которомъ я скоро узналъ бывшаго ученика Минской гимназіи Рокицкаго *).

Поклонясь слегка гг. членамъ, изъ которыхъ старшій, какъ оказалось, былъ совѣтникомъ губернскаго правленія Анисимовъ, а младшій чиновникъ Покровскій, привезенный новымъ генералъ-губернаторомъ изъ Петербурга, я остановился и принялся наблюдать за тѣмъ, что тутъ происходило. Смазливый мальчикъ съ полуулыбкой, какъ бы по заказу, толковалъ о чемъ-то Рокицкому и какъ бы уличалъ его, а тотъ, съ выраженіемъ глубочайшаго презрѣнія, смотрѣлъ изподлобья и упорно молчалъ. Такъ прошло минуты двѣ или три. «Почему, Рокицкій, вы ничего неотвѣчаете? спросилъ я его.—«Да помилуйте, полковникъ, сказалъ онъ: что я буду отвѣчать, если меня въ двадцатый разъ спрашиваютъ о какомъ-то заговорѣ или тайномъ обществѣ, когда я о нихъ не имѣю ни малѣйшаго понятія и скорѣе соглашусь идти на плаху, чѣмъ лгать? Я разсказалъ уже откровенно, прибавилъ Рокицкій, обо всемъ, что побудило меня разстаться съ родиной и рѣшиться на побѣгъ за границу. При этомъ я сдѣлалъ письменно такія признанія, которыхъ слишкомъ достаточно для того, что бы приговорить меня, какъ преступника, къ висѣлицѣ, а отъ меня, недовольствуясь этимъ, давно уже и настоятельно добиваются признанія въ такихъ вещахъ, которыхъ я и во снѣ невидалъ. Кромѣ того, добавилъ онъ съ горькою улыбкой, не угодно-ли посмотрѣть, какъ со мной обходятся, какъ меня допрашиваютъ? За двѣ минуты до появленія вашего г. Анисимовъ, схвативъ меня за волосы, толкнулъ головою въ стѣ-

*) Этотъ Рокицкій потому былъ замѣченъ мною, что на одномъ изъ гимназическихъ экзаменовъ въ Минскѣ, онъ превосходно нарисовалъ географическія карты на изданныхъ мною въ 1835 году сѣтяхъ, которыя, въ свое время, признаны были полезнымъ учебнымъ пособіемъ для занимающихся географіею и, съ высочайшаго соизволенія, были лично поднесены и объяснены мною Его Императорскому Высочеству, нынѣшнему предсѣдателю географическаго общества.

ну и обозвавъ неприличными словами, плюнулъ мнѣ въ лицо!... Скорѣе бы—одинъ конецъ, заключилъ Рокицкій и, отвернувшись въ сторону, утеръ рукавомъ слезы!...

Пробормотавъ что-то въ отвѣтъ Рокицкому, что-бы сколько нибудь скрыть отъ него взрывъ негодованія, произведенный на меня его разсказомъ, на который никто не возразилъ, я отворилъ двери въ слѣдующую комнату и учтиво пригласилъ гг. членовъ пожаловать замной. Когда мы остались втроемъ, я признался моимъ новымъ товарищамъ, что ни какъ не ожидалъ на первомъ же шагу наткнуться на подобную этой сцену и услышать жалобы въ родѣ тѣхъ, какая заявлена Рокицкимъ и, къ удивленію моему, не вызвала съ ихъ стороны ни какихъ возраженій!...: На это г. Анисимовъ, принявъ важную позу, съ насмѣшливою улыбкою, отвѣчалъ мнѣ, что я, какъ новичокъ въ дѣлахъ этого рода, недолженъ забывать, что здѣсь производится слѣдствіе не о какомъ нибудь публичномъ скандалѣ, не о карманщикѣ, пойманномъ съ поличнымъ и не объ украденной коровѣ, которою, быть можетъ, разговѣлись голодные солдатики, но о событіи чрезвычайномъ, угрожающемъ неминуемою опастностію всему государству, и что за тѣмъ онъ, какъ человѣкъ слишкомъ опытный въ дѣлахъ политическихъ, проситъ меня уволить ихъ отъ ненужныхъ замѣчаній и наставленій, какимъ образомъ должны они дѣйствовать для требуемаго отъ нихъ генералъ-губернаторомъ раскрытія всѣхъ нитей огромнаго заговора, слишкомъ глубоко и далеко пустившаго свои ядовитые корни и проникнувшаго даже въ войска!—Этимъ категорическимъ отвѣтомъ г. Анисимовъ видимо надѣялся вдругъ осадить и образумить меня и, какъ человѣкъ находчивый, тотчасъ же озаботился задобрить меня увѣреніемъ, что хотя порученное коммисіи дѣло приведено уже къ окончанію и, стало быть, я пріѣхалъ что называется къ ша-

почному разбору, но и меня, наравнѣ съ другими, ожидаетъ награда.

Тутъ мнѣ пришлось увѣрять моихъ новыхъ товарищей, что я вполнѣ понимаю и высоко цѣню ихъ пламенное усердіе и патріотическія стремленія, но слишкомъ далекъ отъ желанія пользоваться незаслуженными наградами и не только не искалъ чести быть членомъ политической коммисіи, но, напротивъ, всѣми мѣрами старался отдѣлаться отъ этого назначенія, *) а если, къ сожалѣнію, не успѣлъ въ этомъ, то пусть винятъ не меня, а мое начальство. Пусть, если угодно, уволятъ меня хоть сей часъ, но пока я буду носить званіе члена, никому и ни въ какомъ случаѣ, не позволю въ моемъ присутствіи не только безчеловѣчнаго, грубаго, но и неучтиваго обращенія съ арестантами, хотя бы они упорнымъ запирательствомъ своимъ и дѣйствительно тормозили успѣхъ столь важнаго государственнаго дѣла. Въ противномъ случаѣ буду настоятельно просить объ увольненіи меня отъ обязанности члена коммисіи.

Разговоръ мой, довольно долго продолжавшійся на эту тему, былъ конечно переданъ въ тотъ же день генералъ губернатору его домашнимъ человѣкомъ Покровскимъ и, по всей вѣроятности, въ самомъ искаженномъ видѣ, потому что какъ Мирковичъ, такъ и Фрейгангъ, при первомъ удобномъ случаѣ, дали мнѣ понять, что считаютъ меня слишкомъ увлекающимся чувствомъ не умѣстнаго, по ихъ убѣжденію, состраданія къ преступникамъ и совѣтовали

*) При первомъ извѣстіи о назначеніи моемъ въ эту коммисію, я дѣйствительно просилъ генерала Фрейганга назначить вмѣсто меня Могилевскаго штабъ-офицера Войцеха, (впослѣдствіи Костромскаго губернатора) которому, какъ человѣку одинокому, перемѣщеніе это не могло причинить такого разстройства, какъ мнѣ, но мнѣ отвѣчали, что познанія, способности и опытность служащаго не тогда дороги, когда можно безъ нихъ обойтись, но когда они должны быть употреблены въ дѣло, а затѣмъ замѣнить меня Войцехомъ, или другимъ штабъ-офицеромъ, генералъ признаетъ неудобнымъ.

воздерживаться односторонняго взгляда на вещи. При всемъ благородствѣ правилъ и добротѣ моего окружнаго начальника, онъ, какъ вскорѣ убѣдился я, довольно снисходительно смотрѣлъ на предосудительный образъ дѣйствій Анисимова, котораго считалъ особенно искуснымъ, незамѣнимымъ знатокомъ дѣла и пламеннымъ патріотомъ. Въ убѣжденіи, что цѣль оправдываетъ средства, противъ которыхъ я такъ сильно и такъ открыто вооружался, генералъ, хотя и въ шутку, но сказалъ мнѣ однажды: «объясните, пожалуйста, Асинкритъ Ивановичъ: что вы за адвокатъ поляковъ?—«Нѣтъ, я во все не адвокатъ поляковъ, было отвѣтомъ, но защитникъ невиннаго, кто бы онъ ни былъ, и такой защитникъ, который не способенъ скрыть преступленіе родного брата своего.» *)

Какъ бы то ни было, но главный двигатель дѣла Анисимовъ и рабски подражавшій ему Покровскій, въ которомъ сквозь напускной лоскъ свѣтскости ясно проглядывали угловатые пріемы, но и остальные члены коммисіи не со всѣмъ дружелюбно начали относиться ко мнѣ, какъ особѣ, такъ смѣло посягнувшей на порицаніе принятаго ими метода дѣйствій, особенно полковникъ Новицкій и дѣлопроизводитель Стратоновичъ, съ которыми читатель познакомится позднѣе, а остальной членъ коммисіи, армейскій подполковникъ Коростовцевъ игралъ роль совершенно нейтральную, никогда и ничему не удивлялся, всему охотно вѣрилъ, не вмѣшивался въ спорные вопросы и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія ни на ходъ дѣла, ни на занимательные разсказы Покровскяго о вчерашнемъ преферансѣ и долго задержавшихъ его сегодня генералъ-губернаторскихъ блинахъ, съ только что привезенною съ Урала свѣжею икрою. Этотъ физически сильный штабъ-офицеръ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, прочи-

*) Изъ рапорта подполковника Ломачевскаго генералу Фрейгангу, отъ 18 іюня 1841 года, за № 45.

тывалъ бывало журналы и протоколы коммисіи и наставивъ на удачу нѣсколько лишнихъ точекъ и запятыхъ, очень бойко и красиво подписывалъ свой чинъ и фамилію въ томъ мѣстѣ, которое неоспоримо принадлежало ему по табели о рангахъ. Этотъ почтенный, скромный, пожилой, но красивый, а можетъ быть и очень храбрый военный человѣкъ никогда не отказывался присутствовать при допускавшихся, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, свиданіяхъ больныхъ арестантовъ съ ихъ жонами и дѣтьми, хотя правду сказать, что при немъ не только на польскомъ, французскомъ или нѣмецкомъ, но и на родномъ русскомъ языкѣ можно было мѣняться мыслями такъ, чтобы свидѣтель ничего не понялъ.

Здѣсь необходимо замѣтить, что при началѣ слѣдствія были назначены членами коммисіи, но по разнымъ случаямъ выбыли до моего пріѣзда: полковникъ Юферовъ, подполковникъ Лобри и маіоры Гарижскій и Городецкій. Первый состоялъ при особѣ начальника края, пользовался неограниченнымъ довѣріемъ къ нему и завѣдывалъ его канцеляріею, второй былъ Виленскимъ губернскимъ штабъ офицеромъ, третій состоялъ для особыхъ порученій при жандармскомъ окружномъ генералѣ, а послѣдній занималъ постъ Виленскаго плацъ-маіора.

Глава II.

Посѣщеніе заключенныхъ и впечатлѣніе, произведенное ими на новаго члена. Поводы къ несогласіямъ его съ товарищами по коммисіи. Дикая ссылка на Тьера и Египетскаго пашу. Возвращеніе въ Вильну флигель-адъютанта Назимова. Знакомство его съ авторомъ. **Устраненіе канцелярскихъ безпорядковъ.**

Легко представить себѣ, что въ виду удостовѣренія генерала Мирковича, что порученное коммисіи дѣло приближается къ концу, я положительно не зналъ, за что мнѣ приняться, чтобы не быть праздным. Между тѣмъ,

желая, до возвращенія изъ Петербурга предсѣдателя коммисіи, ознакомиться сколько нибудь съ тѣмъ положеніемъ дѣла, въ которомъ застало его мое появленіе, я просилъ моихъ товарищей сказать мнѣ, за что именно прежде всего долженъ я взяться, чтобы скорѣе изучить смыслъ и положеніе дѣла?—Вамъ стоитъ только, отвѣчали они, взглянуть на дерзкія лица главнѣйшихъ государственныхъ преступниковъ и со вниманіемъ прочесть сперва отпускъ [1] съ увезеннаго въ Петербургъ предсѣдателемъ Назимовымъ краткаго обзора трудовъ и открытій коммисіи, а потомъ подлинныя показанія раскаявшихся молодыхъ людей: Павловскаго, Заливаки, Квицинскаго, Сержпинскаго и стараго слуги професора Мяновскаго, Пашковскаго и вы удостовѣритесь, что коммисія сдѣлала большую услугу правительству. Вы тотчасъ увидите, какъ въ зеркалѣ, всѣ низкія продѣлки этихъ безсовѣстныхъ, этихъ закоренѣлыхъ крамольниковъ и несомнѣнныя доказательства существованія затѣяннаго ими огромнаго заговора, глубоко и неимовѣрно далеко пустившаго свои корни и угрожающаго престолу русскаго монарха!

Послушавшись добраго совѣта, я прочиталъ съ большимъ вниманіемъ сперва мастерски изложенный общій обзоръ дѣла, а потомъ и подлинныя показанія какъ раскаявшихся, такъ и ни въ чемъ не сознавшихся арестантовъ. Первыя, при всей ихъ сбивчивости, подтверждали, казалось, правильность сдѣланныхъ коммисіею выводовъ и заключеній о существованіи заговора, а послѣднія походили на безотчетную упорность и бездоказательныя отрицанія, противопоставляемыя, очевиднымъ уликамъ.

Особенно выдающимися и существенно важными обстоятельствами, открытыми слѣдствіемъ, показались мнѣ:

а) Пребываніе эмисара Адольфа Залѣсскаго въ Вильнѣ и присутствіе его на лобномъ мѣстѣ при казни Ка-

*) Т. е. черновую бумагу.

нарскаго, гдѣ ему удалось, будто бы, шептаться съ нимъ и даже поправить на немъ смертную рубаху.

б) Непростительная и непостижимая распущенность, существовавшая, будто бы, въ Вильнѣ при князѣ Н. А. Долгоруковѣ, въ надзорѣ за политическими арестантами и оказываемое имъ явное послабленіе какъ мѣстными властями, такъ и военнымъ карауломъ *).

в) Пиршество, происходившее въ казематѣ преступниковъ Гильдебрандта и Мошинскаго въ первый день Пасхи, 26 марта 1839 года (по-Польски свенцоное), бытность на немъ толпы гостей, професоровъ академіи, помѣщиковъ, студентовъ, дамъ высшаго круга и эмисара Адольфа Залѣсскаго, который тутъ же, въ присутствіи караульнаго и другихъ офицеровъ, роздалъ три экземпляра сочиненной имъ организаціи заговора, на которыхъ присуствовавшіе подписывались кровію, добываемою черною стальною булавкою изъ мизинца лѣвой руки **).

г) Тринадцати-дневный арестъ (съ 4-го по 17-е марта 1839 года) эмпсара при Вилинской полиціи за какую-то уличную ссору съ военнымъ офицеромъ и освобожденіе, по ходатайству графини Забѣлло, вышедшей вслѣдъ за тѣмъ въ замужество за князя Н. А. Долгорукова; наконецъ—

д) Найденный въ подкладкѣ шинели у арестанта Заливаки подробный списокъ участниковъ заговора, съ ихъ собственными и условными по обществу именами ***) и

---

*) И то и другое показалось мнѣ крайне невѣроятнымъ.

**) И это происходило въ резиденціи князя Долгорукова!... Не вѣрилось мнѣ

***) Мяновскій, наприм., назывался Сократомъ, Велькъ—Эпаминондомъ, графъ Сапѣга—Титомъ, Богдановичъ—Алкивіадомъ, графъ Гинтеръ—Фокіономъ, Гильдебрандтъ—Даріемъ, Мошинскій—Діогеномъ, Де-Люсине—Мильціадомъ, Герасимовъ—Конономъ, Огонь-Догановскій — Фемистокломъ, Булатовъ — Аттиломъ Квицинскій—Франкеромъ, гимназистъ Павловскій — Фредрилемъ, самъ Заливако—Херувимомъ; изъ общества дамъ: Сядецкая—Іоанною д'Аркъ, графиня Пацъ—Флорою, графиня Забѣлло (тогда уже княгиня Долгорукова) — Гортен-

разными замѣтками, изъ которыхъ особенно бросилась мнѣ въ глаза та, гдѣ сказано было, что 23 марта 1841 года назначено одновременное возстаніе въ Познани, Кіевѣ, Москвѣ, Вильнѣ, Варшавѣ и Краковѣ *).

Хотя по прочтеніи заключавшихся въ дѣлѣ извѣтовъ, а особенно послѣ неожиданнаго обнаруженія общаго списка заговорщиковъ, казалось невозможнымъ сомнѣваться въ дѣйствительномъ существованіи какихъ-то преступныхъ замысловъ противъ правительства и, слѣдовательно, въ существенной пользѣ, принесенной ему опытными членами коммисіи, но я позволилъ себѣ заявить мое недоумѣніе о томъ, какимъ образомъ произошло, что нѣкоторыя изъ собственноручныхъ показаній молодыхъ людей, мало знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, и даже объясненія безграмотнаго слуги професора Мяновскаго, Пашковскаго, написаны хорошимъ слогомъ, съ употребленіемъ такихъ выраженій (напр. лобное мѣсто!), точный смыслъ которыхъ недоступенъ мальчикамъ, а тѣмъ болѣе полуидіоту Паликовскому, а остальныя ихъ же показанія изложены несвязно, сбивчиво, большею частію безтолково и вполнѣ по-дѣтски? На это отвѣчалъ мнѣ г. Анисимовъ, что члены коммисіи, при допросахъ арестантовъ, гнались только за сущностію показаній, а отнюдь не за слогомъ, который въ болѣе важныхъ показаніяхъ исправляли сами и давали потомъ переписывать арестантамъ. На это я не возражалъ и не распространялся о впечатлѣніи, произведенномъ на меня обходомъ арестантскихъ камеръ и выслушаніемъ жалобъ, которыми меня, какъ новое лицо, засыпали со всѣхъ сторонъ. Притомъ я не прежде рѣшился обойти казематы и взглянуть на аре-

---

зіей, графиня Лопацинская—Минервою, Г-жа Ромеръ — Викторіей, сестра ея Копча—Магдалиной—de Pais и т. д. (см. донесеніе Мирковича, отъ 25 октября 1840 года, № 857; приложеніе № 1 (глава XII).

*) До этого возстанія оставалось только 2 мѣсяца!

стантовъ, какъ ознакомясь предварительно съ упадающими на каждаго изъ нихъ обвиненіями и объясненіями, данными на предложенные имъ вопросы. Мнѣ нельзя было не предвидѣть, что при появленіи моемъ, какъ новаго члена коммисіи, каждый изъ арестованныхъ непремѣнно пожелаетъ говорить со мною и вывѣдать мой взглядъ на дѣло и потому я приготовился слушать, но уклоняться отъ всякихъ объясненій. Помню только, что всѣ арестованныя лица, за незначительными исключеніями, принадлежавшія къ привилегированнымъ классамъ, показались мнѣ болѣе, или менѣе раздраженными, а особенно полковникъ Богдановичъ, который жаловался на то, что не взирая на пролитую имъ за отечество кровь и взятый съ бою георгіевскія крестъ, его давно мучатъ, держатъ въ казематѣ по безсмысленному оговору какимъ-то уличнымъ мальчишкою въ принадлежаніи къ тайному обществу и заговору противъ правительства. Сосѣдъ Богдановича, изнуренный болѣзнію *) и тяжкой разлукой съ восемнадцати-лѣтнею женой, професоръ Велькъ съ запальчивостію требовалъ объявить ему, долго-ли еще продлятся ни чѣмъ незаслуженныя его страданія? Обросшій бородою (которая тогда не была еще въ модѣ) и длинными ногтями професоръ Мяновскій, не взирая на чрезвычайно доброе, умное и симпатичное выраженіе лица, показался мнѣ если не помѣшаннымъ, то близкимъ къ помѣшательству: онъ быстрыми шагами прохаживался по своей комнатѣ, иногда что-то бормоталъ, разсуждая самъ съ собою и довольно часто останавливался для перекладыванія съ одного мѣста на другое сотни булокъ, симметрически разложенныхъ по деревяннымъ перекладинамъ окна, замѣнявшимъ желѣзную рѣшетку. Потомъ,

*) Велькъ съ молодыхъ лѣтъ страдалъ костоѣдою ноги и только за 3 года до кончины рѣшился на ампутацію. Это былъ знаменитый акушеръ, извѣстный не только въ Вильнѣ, но и за границею.

1173

какъ-бы очнувшись, вперилъ въ меня глаза и наморщивъ брови, спросилъ: «вы, вмѣстѣ съ палачомъ Анисимовымъ, считаете меня виновнымъ?» На отвѣтъ: «къ сожалѣнію не сомнѣваюсь въ этомъ» онъ горько захохоталъ и еще скорѣе сталъ бѣгать изъ угла въ уголъ *). Не говорю о Чигаревѣ; арестованныхъ по настоянію Кучковскаго студентахъ и военныхъ офицерахъ. Всѣ они умоляли не о пощадѣ, въ которой, по ихъ увѣренію, вовсе не нуждались, но о добросовѣстномъ и безотлагательномъ разрѣшеніи **ихъ жалкой участи.**

Здѣсь я долженъ сказать, что при изученіи содержанія до крайности сбивчивыхъ и нерѣдко противорѣчившихъ одинъ другому извѣтовъ, сдѣланныхъ раскаявшимися въ преступленіи мальчиками—арестантами, я вынужденъ былъ замѣтить моимъ товарищамъ, что въ показаніяхъ главнаго изъ нихъ, Заливако, относительно пребыванія въ Вильнѣ эмисара Залѣсскаго, какъ не сомнѣннаго факта, на который опираются всѣ остальныя доказательства дѣйствительнаго существованія заговора, видна непостижимая несообразность и натяжка: сперва сказано, что онъ, Заливако, припоминаетъ о слухѣ, будто эмисаръ Адольфъ Залѣсскій жилъ въ Вильнѣ и во время казни Канарскаго, былъ на лобномъ мѣстѣ, подходилъ къ нему и даже шепталсяя къ нимъ. Но это былъ только слухъ. Позднѣе тотъ же Заливако показалъ, что ему самому случалось встрѣчать Залѣсскаго въ квартирѣ Возняковскаго (по чему же онъ не началъ съ этого?) Наконецъ онъ же увѣрялъ, что Залѣсскій не только былъ

*) Чрезъ нѣсколько дней пришлось мнѣ пригласить Мяновскаго для взятія съ него подписки на счетъ объявленія ему производства за выслугу лѣтъ въ коллежскіе совѣтники». Къ чему мнѣ этотъ чинъ, сказалъ онъ, подписываясь, если меня считаютъ здѣсь преступникомъ, заслуживающимъ каторжной работы?!... Могъ-ли онъ представить тогда, что его ожидаютъ почести, блестящее положеніе и близость ко двору?—І. И. Мяновскій скончался въ декабрѣ 1878 года, въ чинѣ тайнаго совѣтника и съ Владимірской звѣздой.

знакомъ съ Возняковскимъ, но даже жилъ у него нѣсколько дней, а какъ Заливако, въ свою очередь, постоянно квартировалъ съ Возняковскимъ въ Базиліанскомъ монастырѣ, *) то ему нечего было припоминать о слухѣ на счетъ пребыванія въ Вильнѣ Адольфа Залѣскаго, если онъ жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ.

Члены коммисіи, ни сколько не отрицая отсутствія смысла въ этихъ важныхъ извѣтахъ Заливаки, возразили мнѣ однакожъ, что если я вздумаю требовать подобныхъ этому разъясненій отъ раскаявшихся преступниковъ, то рискую испортить все дѣло, стоившее имъ неимовѣрныхъ трудовъ и усилій въ продолженіи почти цѣлаго года. Я отвѣчалъ что не могу дать полной вѣры такимъ показаніямъ, которыя, противорѣча здравому смыслу, ни чѣмъ не подкрѣпляются.—Да развѣ лучше, отвѣчали мнѣ, если замѣчаніями вашими вы собьете съ толку раскаявшихся и сознавшихся арестантовъ и заставите ихъ отпереться отъ всѣхъ сдѣланныхъ ими показаній?—Если сознаніе преступниковъ искренне, отвѣчалъ я, если они чистосердечно раскаялись и желаютъ сколько нибудь загладить вину свою откровеннымъ признаніемъ, то требованіе дополнительныхъ разъясненій не можетъ и не должно испугать ихъ и испортить дѣло, но если, паче чаянія, они почему либо лгали, то признаніе ихъ можетъ еще спасти не основательно вовлеченныхъ въ дѣло лицъ, которыя, можетъ быть, безвинно томятся въ строгомъ заключеніи. Въ этомъ случаѣ—чѣмъ скорѣе послѣдуетъ это признаніе, тѣмъ лучше.

— Читайте дальше, отвѣчалъ мнѣ г. Анисимовъ, и вы сами убѣдитесь что требованіе дополнительныхъ объясненій во все не нужно; что существованіе открытаго нами заговора и тайнаго общества и безъ всякихъ даль-

*) Не мѣшаетъ замѣтить, что до перехода къ Возняковскому Заливако жилъ у надзирателя училища Хрульковича и прислуживалъ ему вмѣсто лакея.

нѣйшихъ разъясненій не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Неужели вы думаете, продолжалъ онъ, что нашъ генералъ-губернаторъ, безъ разрѣшенія котораго ни кто нами арестованъ не былъ, менѣе васъ справедливъ и не умѣетъ постоянно и зорко слѣдить за ходомъ производимаго нами дѣла, за которое и вы, повторилъ онъ, получите награду, хотя подоспѣли къ самому концу его.

Тщетно повторялъ я возраженія мои что отнюдь не думаю о незаслуженной наградѣ, но если добиваюсь разъясненія того, что нахожу не яснымъ, непонятнымъ, а иногда и вовсе безсмысленнымъ, то дѣлаю это единственно изъ опасенія, чтобы вмѣстѣ съ виновными не пострадали невинные и дѣлаю это въ полномъ убѣжденіи, что государю нашему не нужны жертвы, нужна одна правда *); что подозрѣніе, не подкрѣпленное фактами, ни въ какомъ случаѣ не должно служить основаніемъ къ принятію строгихъ мѣръ, а тѣмъ болѣе къ лишенію свободы, лицъ по одному, лишь сомнѣнію въ ихъ неблагонамѣренности къ правительству; что для блага общаго столько же необходимо безпощадно преслѣдовать виновныхъ, сколько вредно обвинять невинныхъ.

Мнѣ отвѣчали на это новымъ намекомъ на мою неопытность и совѣтовали принять въ соображеніе, что чѣмъ выше преступленіе и чѣмъ ужаснѣе ожидаемая за него отвѣтственность, тѣмъ искуснѣе оно прикрывается и тѣмъ труднѣе человѣку не опытному склонить преступниковъ къ сознанію, безъ котораго, впрочемъ, можно обойтись, когда существуютъ неопровержимыя улики.—Но этому-то, объясняли члены коммисіи, не совѣтуемъ вамъ

*) Не только въ первое десятилѣтіе послѣ мятежа 1831 года, въ эту эпоху нескончаемыхъ слѣдствій по политическимъ дѣламъ, но и теперь многіе изъ полякующихъ вѣрятъ еще, что правительство наше постоянно ищетъ предлоговъ къ отнятію имѣній у католиковъ для ослабленія вліянія ихъ на древнеправославный, но усиліями іезуитовъ ополяченный литовскій край!!. Пора убѣдиться имъ, что правительство не нуждается въ этомъ.

портить дѣло, добиваясь не нужныхъ разъясненій. Если только дать малѣйшій поводъ думать сознавшимся преступникамъ, что заговоръ, въ принадлежаніи къ которому они сознались, могъ и не существовать во все, они обрадуются случаю, избавляющему ихъ отъ тяжкой обязанности уличать другихъ, охотно отопрутся отъ своихъ показаній, и тогда правительству нашему будетъ угрожать величайшая опасность, а враги его, на погибель русскимъ, восторжествуютъ. Наконецъ если всѣ открытія, сдѣланныя коммисіей и основанныя на чистосердечномъ сознаніи раскаявшихся преступниковъ, недостаточны для того, чтобы убѣдиться въ существованіи заговора, стоитъ только, заключилъ г. Анисимовъ, взглянуть на дѣйствія Тьера *) и египетскаго паши, прочитать издаваемый въ Парижѣ журналъ 3 го мая и брошюру: «Юная Польша» и тогда будетъ ясно, что заговоръ охватилъ не одну Россію, но и всю Евпропу и даже Египетъ.—Не надо забывать, что все это говорилось въ 1841 году, когда не только Анисимовымъ и Покровскимъ, но и особамъ, выше ихъ поставленнымъ, о политикѣ судить было очень трудно.

Но подобныя этимъ фразы, которыми любилъ щеголять г. Анисимовъ, отвѣчать было очень не трудно, но по обстоятельствамъ видно было, что эти споры и мои возраженія постоянно передавались генералъ-губернатору и, всего вѣроятнѣе, въ самомъ искаженномъ видѣ и односторонно. Много было основанія предполагать, что и возвратившемуся изъ Петербурга флигель-адъютанту Назимову я былъ рекомендованъ, по происками моихъ товарищей, за человѣка, который для того только, чтобы выставиться, порисоваться передъ другими, готовъ былъ кассировать все, что сдѣлано до его появленія въ ком-

*) Противники ex-президента подкапывались подъ него: стоило бы назначить Анисимова слѣдователемъ...!

миссіи и потому только, что оно сдѣлано безъ его участія.

При первомъ свиданіи моемъ съ Назимовымъ, я услышалъ отъ него комплименты и увѣреніе, что по общему убѣжденію главнаго начальника края и его собственному, содѣйствіе мое въ трудахъ коммиссіи принесетъ существенную пользу. Къ этому полковникъ Назимовъ прибавилъ, что и шефъ жандармовъ графъ Бенкендорфъ, отпуская его изъ Петербурга, увѣрилъ, что съ прибытіемъ моимъ въ коммисію окончательно устранится надобность въ командированіи въ составъ ея опытнаго обер-секретаря сената, чего, какъ я уже сказалъ, добивался флигель-адъютантъ Назимовъ. Я, съ своей стороны, разсказалъ ему, какъ о возмутительной сценѣ съ Рокицкимъ, такъ и обо всемъ, что успѣлъ замѣтить въ дѣйствіяхъ коммиссіи и въ чемъ могъ убѣдиться изъ первоначальнаго и конечно поверхностнаго обзора главнѣйшихъ отраслей порученнаго ей дѣла. Назимовъ, выслушавъ замѣчанія мои, благодарилъ меня за ту осторожность, съ которою я отношусь къ дѣлу, совершенно для меня новому. Мы разстались. Но на другой день, при свиданіи съ Владиміромъ Ивановичемъ, я замѣтилъ въ немъ нѣкоторый оттѣнокъ перемѣны. Онъ сдѣлался съ мною довольно сухъ, видимо присматривался ко мнѣ и осторожно взвѣшивалъ всѣ мои замѣчанія. Это, однакожъ, не остановило меня подать ему формальный рапортъ о необходимости воздержаться дальнѣйшими допросами арестантовъ и производствомъ заведенныхъ коммисіею особыхъ дѣлъ до разъясненія найденныхъ мною противорѣчій и несообразностей и до приведенія въ порядокъ и положительную извѣстность множества неисполненныхъ предписаній начальства и разбора захваченныхъ при арестованіи нѣкоторыхъ лицъ принадлежащихъ имъ бумагъ, писемъ и книгъ.

Предсѣдатель вполнѣ одобрилъ мое предположеніе и на другой же день поручилъ всѣмъ наличнымъ членамъ общими силами заняться разборомъ и распредѣленіемъ бумагъ, при чемъ въ валявшихся на полу узлахъ съ бѣльемъ, книгами и платьемъ арестантовъ найдены были принадлежащія арестантамъ деньги (въ количествѣ около 200 р.) пистолѣтныя пули, разбитые серебряные часы и разныя мелочи.

Мало по малу бумаги приведены были въ возможный порядокъ, дополнены входящій и исходящій журналы, заведенъ настольный реестръ и составлены списки арестантовъ по категоріямъ, сдѣлана также опись производимыхъ коммисіею дѣлъ, а дѣлопроизводителю Стратоновичу, по представленію предсѣдателя, присланъ былъ усердный и трудолюбивый помощникъ Лукьяновъ *); для перевода же съ Польскаго на Русскій языкъ чѣмъ-либо замѣчательныхъ бумагъ учрежденъ особый комитетъ изъ лицъ, на благонадежность которыхъ можно было вполнѣ положиться.

Такимъ образомъ исправленъ былъ собственно канцелярскій порядокъ. Оставалось повѣрить, какъ велись самыя дѣла.

Глава III.

Чтеніе дѣла и разборъ поводовъ къ арестованію лицъ, заподозрѣнныхъ въ преступныхъ намѣреніяхъ противъ правительства.

По приведеніи въ возможный порядокъ канцелярской

*) Чиновникъ этотъ совершенно неожиданно сдѣлалъ большую пользу. Намѣреваясь сжечь огромную массу черновыхъ бумагъ, онъ предварилъ меня объ этомъ. При разборѣ ихъ я нашелъ множество собственноручныхъ показаній Заливаки и Павловскаго, исправленныхъ и дополненныхъ по личному усмотрѣнію и соображенію членовъ коммисіи. По сличеніи этихъ брульоновъ съ подшитыми къ дѣламъ извѣтами найдено было, что въ послѣднихъ всѣ вставки и добавленія исправно включены и, какъ оказалось позднѣе, послужили поводомъ къ аресту лицъ, добавленныхъ самою коммисіею! Ниже будетъ упомянуто о показаніяхъ тѣхъ же извѣтчиковъ, данныхъ коммисіи 25 сентября 1840 года.

части г. предсѣдатель пожертвовалъ еще нѣсколькими днями на чтеніе, въ общемъ присутствіи, и критическій разборъ какъ главнѣйшихъ показаній сознавшихся въ преступленіяхъ арестантовъ и возраженій оговоренныхъ ими лицъ, такъ и всѣхъ предписаній, данныхъ въ руководство коммисіи.

При чтеніи этомъ, которое было вмѣстѣ и строгимъ разборомъ прежнихъ дѣйствій коммисіи, мнѣ поручено было записывать замѣчанія относительно всего, что было упущено изъ виду и касалось не разъясненныхъ обстоятельствъ, разнорѣчій въ показаніяхъ и вообще того, что предсѣдателемъ, или кѣмъ либо изъ членовъ признавалось заслуживающимъ вниманія и требующимъ дальнѣйшаго разъясненія.

Когда при этомъ чтеніи дошла очередь до совершенно голословнаго оговора професора Велька въ принадлежаніи его къ какому-то заговору и въ присылкѣ имъ пищи содержавшемуся въ полиціи эмисару Адольфу Залѣскому, предсѣдатель возбудилъ чрезвычайно интересный и мѣткій вопросъ о томъ, если Велькъ дѣйствительно зналъ что либо о заговорѣ и потому могъ опасаться быть привлеченнымъ къ слѣдствію, то чѣмъ можно объяснить его не простительную не осторожность, заключающую же въ томъ, что будучи уволенъ въ заграничный отпускъ и, выѣхавъ съ молодою женою изъ Вильны послѣ начала слѣдствія, онъ возвратился на родину ранѣе окончанія срока даннаго ему отпуска? Кромѣ того, флигель-адъютантъ Назимовъ замѣтилъ, неужели Велькъ. этотъ опытный и уже не молодой человѣкъ, въ виду угрожавшей ему опасности, не распорядился бы заблаговременно взять обратно изъ опекунскаго совѣта хранившійся въ немъ, въ именныхъ билетахъ. значительный капиталъ и не съумѣлъ бы распорядиться продажею принадлежащаго ему каменнаго дома въ центрѣ Вильны? —

На это всѣ прежніе члены единогласно возразили Владиміру Ивановичу, что въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго и что въ этомъ-то и заключается тонкая хитрость опытнаго заговорщика. Велькъ, по ихъ мнѣнію, не продалъ дома и не вынулъ капитала изъ банка именно для того, чтобы въ случаѣ нужды можно было прикинуться невиннымъ, сославшись на не принятіе мѣръ къ своему матеріальному обезпеченію. Искренно-ли было ихъ убѣжденіе и на сколько оно было логично, вопросъ этотъ остался тогда не разрѣшеннымъ.

Такого же рода не достаточность обвиненій замѣчена была и по отношенію къ професору Мяновскому, *) Богдановичу, Чигареву и офицерамъ. Оставалось ожидать дальнѣйшаго разоблаченія тайны.

Чтеніе наше продолжалось съ недѣлю и послужило къ ознакомленію моему съ сущностію и взаимной связью всѣхъ отраслей дѣла и къ освѣженію въ памяти прочихъ членовъ тѣхъ обстоятельствъ и подробностей, на которыя прежде не было обращено должнаго вниманія. Безъ этой подготовки мнѣ не возможно было идти впередъ и дѣйствовать самостоятельно.

И вотъ, въ какомъ видѣ представилось наше главное дѣло, возбужденное попмкою въ Юрбургѣ двухъ студентовъ и одного гимназиста, намѣревавшихся уйти за границу:

---

*) Замѣчательно. что къ числу признаковъ принадлежанія Мяновскаго къ заговору г. Анисимовъ приписывалъ и то обстоятельство, что этотъ знаменитый медикъ имѣлъ большую практику въ знатнѣйшихъ домахъ, города и пользованія общею любовію и уваженіемъ. Еще замѣчательнѣе, что хотя при произведеніомъ въ квартирѣ Мяновскаго строжайшемъ обыскѣ ничего подозрительнаго не оказалось, но присутствовавшіе при обыскѣ члены с о ч л и н у ж н ы м ъ з а б р а т ь его в и з и т н ы я к а р т о ч к и Парижской работы, потому, только, что на изнанкѣ ихъ нарисованы были кувыркающіяся чертики!

Впослѣдствіи Мяновскій былъ постояннымъ врачемъ великой княгини Маріи Николаевны, которая и скончалась на его рукахъ.

Въ первоначальныхъ показаніяхъ студентовъ Возняковскаго, Рокицкаго и гимназиста Павловскаго (данныхъ 2 и 3 мая 1840 года) объяснялось, что всѣ они рѣшились на побѣгъ безъ всякой опредѣленной и обдуманной цѣли, въ надеждѣ встрѣтить участіе къ нимъ въ землякахъ, подобно имъ оставившихъ родину и съ помощію ихъ найти средства къ жизни. Намѣреніе свое они тщательно скрывали, ни кому о немъ не объявляя, изъ опасенія огласки. Изъ нихъ Возняковскій, сознаваясь вполнѣ въ непреодолимой ненависти его къ русскимъ вообще и къ нашему правительству въ особенности, объяснялъ, что главнѣйшею приманкою его бѣжать за границу была надежда напечатать тамъ свое твореніе «Вильянку» и тѣмъ стяжать себѣ громкую извѣстность между поляками, подобно ему ненавидящими русскихъ. Онъ признался также, что опасаясь бѣжать одинъ, успѣлъ склонить къ побѣгу двухъ остальныхъ товарищей. Рокицкій, не менѣе Возняковскаго озлобленный на правительство и, подобно ему, сильно возстававшій противъ деспотической власти, причину своего побѣга объяснялъ тѣми же мотивами, какъ и Возняковскій, а третій товарищъ ихъ, ученикъ Виленской гимназіи Павловскій, побѣгъ свой приписывалъ излишней строгости гимназическаго начальства и невозможности выполнять сверх-сильныя требованія преподавателей.

Первымъ дѣйствіемъ слѣдственной коммисіи было, какъ показало дѣло, немедленно арестовать тѣхъ изъ товарищей Возняковскаго, которымъ, по словамъ его, случалось читать поэму Вильянку, или которые помѣщались въ одной съ нимъ камерѣ и потому болѣе или менѣе были знакомы съ образомъ мыслей его.

При строжайшихъ обыскахъ, которыми сопровождалось арестованіе товарищей Возняковскаго и Рокицкаго, у нихъ отбирались частныя письма знакомой имъ моло-

дежи. Между этими письмами оказывались и такія, которыя изобличали корреспондентовъ въ предосудительномъ и особенно вредномъ образѣ мыслей. Такъ у студента Петковича было найдено письмо изъ дворянъ рядоваго Костромскаго егерскаго полка Побаевскаго, изобличавшее послѣдняго въ преступномъ настроеніи противъ особы государя императора. Побаевскій тотчасъ же по арестованіи его, признавъ найденное у Петковича письмо за свое, показалъ, что юнкеръ симбирскаго егерскаго полка Гасманъ и рядовые Костромскаго полка Андржейковичъ и Дмуховскій болѣе или менѣе раздѣляли образъ мыслей его. Оговоренные Побаевскимъ молодые люди, послѣ обыска и доставленныя въ Вильну, подвергнуты были аресту.

Въ захваченныхъ у нихъ бумагахъ находили, въ свою очередь, имена другихъ личностей, у которыхъ, по требованію коммисіи, также производились строгіе обыски и если при этомъ случалось находить у нихъ запрещенныя книги, или двусмысленное выраженіе въ письмѣ, ихъ хватали, и по привозѣ въ Вильну, подвергали сперва аресту, а потомъ и строжайшему допросу о связяхъ съ злоумышленниками и о какомъ-то заговорѣ. Послѣ отобранія первоначальныхъ отвѣтовъ привлеченные къ дѣлу, но ни въ чемъ необличаемые, вмѣсто освобожденія, сажались въ отдѣльныя казематы съ тою цѣлію, чтобы преждевременнымъ (по словамъ членовъ коммисіи) освобожденіемъ не повредить дальнѣйшему успѣху дѣла, а надъ дверьми ихъ вывѣшивалась обыкновенно черная доска съ громкою надписью: «государственный преступникъ такой-то».

Около этого времени, а именно 7 мая 1840 года, ректоръ Виленской академіи, д. с. сов. Кучковскій, вошелъ съ представленіемъ къ генералъ-губернатору, въ которомъ, оправдываясь противъ признанныхъ на него жалобъ на дурное содержаніе воспитанниковъ,

увѣрялъ его, что подписавшіеся на прошеніи студенты самаго возмутительнаго духа и что у особенно подозрительныхъ онъ счелъ нужнымъ сдѣлать повальный обыскъ, при которомъ хотя ненайдено явныхъ доказательствъ тайнаго заговора, но у многихъ оказались бумаги, исполненныя вольнодумствомъ и воспоминаніемъ бывшаго мятежа, навлекающія на нихъ подозрѣніе въ принадлежаніи къ тайному обществу, быть можетъ (!!!) внѣ академіи существующему, тѣмъ болѣе, что, въ бумагахъ одного изъ нихъ, Машевскаго, найдено было при обыскѣ особенно подозрительное выраженіе: «бунтъ ночи». Къ донесенію этому Кучковскій приложилъ списокъ 17-ти не благонадежныхъ студентовъ, убѣдительно требуя ихъ ареста и въ списокъ этотъ по понятному разсчету включилъ бѣглецовъ Возняковскаго и Рокицкаго *).

Всѣ эти молодые люди на первоначальномъ допросѣ показали, что знали Возняковскаго и Рокицкаго, какъ товарищей по академіи, а нѣкоторые изъ нихъ добавили, что слышали о его Вильянкѣ, но ни къ заговору, ни къ заговору, ни къ тайному обществу никогда не принадлежали и о существованіи ихъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, а между тѣмъ въ предписаніи генералъ-губернатора, при которомъ присланы были въ коммисію захваченныя у нихъ бумаги, сказано было начальникомъ края, «что онъ, подозрѣвая, что духъ академіи въ какой-либо связи съ дѣломъ о побѣгѣ 3-хъ студентовъ поставляетъ въ обязанность коммисіи изслѣдовать источникъ возмутительнаго духа, поселившагося между воспитан-

*) На помѣщенной далѣе отчетной картѣ моей, въ особомъ квадратикѣ, означено 19 студентовъ, т. е. вмѣстѣ съ бѣглецами. Для арестованія студентовъ Кучковскій выпросилъ цѣлую роту солдатъ. Можно представить себѣ, до какой степени событіе это взволновало умы жителей и какіе вызвало толки!

никами академіи и раскрыть всѣ отрасли подозрѣваемыхъ тайныхъ обществъ».

Въ виду такого убѣжденія генералъ-губернатора и данной имъ широкой программы коммисія конечно не могла повѣрить на слово вновь арестованнымъ молодымъ людямъ, что они ни въ чемъ не виновны, не могла также не уважить засвидѣтельствованія ближайшаго начальника ихъ Кучковскаго, но при всемъ томъ не сочла себя вправѣ, оставя въ сторону всѣ прочія отрасли дѣла, занятыя псключительно новыми 17-ю арестантами, а потому ограничилась первоначальными ихъ объясненіями и, не успѣвъ даже разобрать захваченныхъ у нихъ бумагъ, отложила этотъ трудъ до болѣе удобнаго времени, а молодыхъ людей, для отнятія возможности къ стачкѣ, разсадила по отдѣльнымъ казематамъ.

Такимъ образомъ переписка продолжалась, — число арестованныхъ возрастало съ каждымъ днемъ и пополняли стѣны бывшаго Бернардинскаго монастыря, но самое дѣло, которому успѣли уже дать политическую окраску, ни сколько не подвигалось впередъ, ни сколько не уснялось и все еще не оправдывало возбужденныхъ доносомъ Кучковскаго догадокъ и подозрѣній о существованіи заговора, потому что общій смыслъ показаній большей части арестованныхъ лицъ ничего иного недоказывалъ, какъ только давно извѣстную и высосапную съ молокомъ матери болѣзнь края—ненависть поляковъ къ русскимъ, ненависть побѣжденныхъ къ побѣдителямъ и болѣе или менѣе основательная жалоба молодыхъ людей на претерпѣваемыя ими, за то только, что они католики, лишенія, стѣсненія и не справедливости, допущеніе которыхъ, по ихъ недозрѣлости и неопытности, они приписывали инициативѣ самого государя.

Всѣ труды, всѣ участія слѣдователей и то напряженное вниманіе, съ какимъ взвѣшивалось каждое, сколько

нибудь подозрительное выраженіе, каждое двусмысленное слово, находимое въ бумагахъ арестантовъ, оказывались тщетными и ничего новаго не обнаруживали. Судя по ходу дѣла, видно было, что члены коммисіи до того растерялись, что убивая безполезно время, рѣшительно не знали, за что имъ приняться для выполненія категорически предложенной задачи объ изслѣдованіи источника возмутительнаго духа, поселившагося между воспитанниками академіи и раскрытія всѣхъ отраслей тайныхъ обществъ. Въ воображеніи слѣдователей сложилось однакожъ то убѣжденіе, что поимкою бѣглыхъ студентовъ и арестомъ указанныхъ Кучковскимъ 17-ти товарищей ихъ, коммисія попала на твердую почву и на вѣрный слѣдъ громаднаго заговора, который такъ или иначе непремѣнно откроется и что пойманные на границѣ молодые люди, по всей вѣроятности, посланы были мѣстными заговорщиками въ Познань или Парижъ, для извѣщенія послѣдователей знаменитыхъ эмигрантовъ Лелевеля и Черторижскаго о совершенной готовности края къ новому возстанію. Мысли эти, эти убѣжденія вполнѣ раздѣляли тогда мѣстныя власти, тѣмъ болѣе, что ни Марковичъ, ни Фрейгангъ не были до того времени знакомы съ складомъ жизни западнаго края. Понятно, что въ этомъ настроеніи умовъ ни кѣмъ не признавалось за нужное стѣсняться въ выборѣ мѣръ къ открытію, во что́ бы то ни стало, заговора или тайнаго общества. Вотъ, чѣмъ объяснялась мнѣ та возмутительная сцена, на которую неожиданно наткнулся я при допросѣ Рокицкаго. Но догадки оставались догадками; время уходило и арестованные томились въ казематахъ безъ всякой пользы. Такъ прошло почти три мѣсяца, какъ вдругъ, совершенно не ожиданный случай ввелъ въ дѣло новое лицо, которому суждено было содѣлаться орудіемъ замѣчательнаго переворота въ положеніи слѣдствія и разыграть одну изъ

самыхъ выдающихся ролей въ описываемой мною Виленской драмѣ.

Глава IV.

Появленіе Заливаки: подражатель его Павловскій. Протестъ губернатора Доппельмайера. Эмисаръ съ паспортомъ коновала. Фугасъ подъ рѣкой Виліей во время крещенной церемоніи. Кровію написанный списокъ заговорщиковъ. Удаленіе изъ коммисіи Анисимова.

Такъ какъ князь Паскевичъ принималъ близкое участіе въ ходѣ слѣдствія потому, что много офицеровъ и юнкеровъ его арміи, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ политическими преступниками категоріи Канарскаго, съ давняго времени содержались подъ арестомъ и военно-судное дѣло о нихъ передано было въ виленскую коммисію для соображенія не откроется-ли въ немъ какой-либо связи съ цѣлію побѣга студентовъ,—то отъ намѣстника Варшавскаго, которому до нѣкоторой степени подчиненъ былъ и сѣверо-западной край, 20 іюля 1840 года, получено было секретное свѣдѣніе о томъ, что студентъ Возняковскій, находясь еще на свободѣ, читалъ богатому помѣщику Одынцу воззваніе къ литовцамъ Канарскаго и другія сочиненія въ возмутительномъ духѣ.

Спрошенный объ этомъ Возняковскій подтвердилъ справедливость этого слуха, сказавъ, что воззваніе къ литовцамъ досталъ онъ отъ дворянина Подберезскаго, а потомъ, чрезъ два дня, признался, что не отъ Подберезскаго досталъ эти бумаги, но отъ жившаго съ нимъ вмѣстѣ въ Базиліанскомъ монастырѣ, при смотрителѣ Хрулькевичѣ, ученика Серафима Заливаки; на Подберезскаго же сложилъ эту вину, полагая его уже умершимъ.

Казалось бы, что въ этомъ случаѣ коммисіи понадобился для спроса одинъ только Заливако, но по дѣлу видно, что вмѣстѣ съ нимъ доставлены и арестованы Одынецъ, Подберезскій и даже Хрулькевичъ!

При первомъ допросѣ (4 августа 1840 года) Заливако откровенно разсказалъ все, что только зналъ о связяхъ и образѣ мыслей Возняковскаго, разсказалъ также о спорахъ и толкахъ, часто случавшихся при немъ, у Возняковскаго съ другими молодыми людьми, и что любимымъ предметомъ разговора Возняковскаго было — порицать правительство наше, читать запрещенныя сочиненія и увѣрять неопытныхъ товарищей его въ возможности возстановленія Польши и Литвы. — «Этого-то мы и добиваемся давно; это-то и называется тайнымъ обществомъ», объяснилъ ему допрашивавшій его членъ коммисіи Анисимовъ. «Къ тому же члены заговора обыкновенно присвоиваютъ себѣ, кромѣ собственныхъ, условныя по обществу имена, добавилъ г. Анисимовъ, а Возняковскій всегда подписывался подъ своими сочиненіями «Крестителемъ». Тщетно, призванный къ новому допросу Возняковскій оправдывался тѣмъ, что Крестителемъ подписывался по той причинѣ, что называется Иваномъ, празднуемымъ въ день св. Іоанна Крестителя. Ему не вѣрили и объяснили Заливакѣ, что правила, проповѣдуемыя Возняковскимъ, суть не иное, что какъ организація тайнаго общества и заговора.

Послѣ этого обласканный за откровенность и повѣрившій Анисимову Заливако далъ письменное показаніе о существованіи какого-то тайнаго общества, основаннаго студентомъ Возняковскимъ и знакомымъ ему молодымъ человѣкомъ Подберезскимъ *), но ни о цѣли, ни о членахъ этого общества ничего объяснить не могъ, давъ однакожъ слово (такъ сказано въ его показаніи 4 августа) объявить коммисіи впослѣдствіи, если припом-

*) Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что имя одного изъ организаторовъ тайнаго общества, Подберезскаго, потому только и появилось на сценѣ, что намѣстникъ Варшавскій сообщилъ объ Одынцѣ, и Возняковскій, щадя Заливаку, назвалъ мнимо-умершаго Подберезскаго.

нить что-либо такое, что тогда, т. е. 4 августа, ускользнуло изъ его памяти. (См. отчетную карту квадратъ № 10).

Анисимовъ и остальные члены коммисіи, обрадованные этимъ первымъ успѣхомъ, оставя всѣ другія дѣла и текущую по нимъ переписку, занялись исключительно ежедневными распросами смѣтливаго мальчика, котораго, за отличіе, не только надѣляли русскими книгами, журналами, чаемъ и табакомъ, но пріодѣли прилично и и посадили въ чистую комнату, снабженную всѣмъ нужнымъ, но при всемъ ихъ усиліи готовый къ услугамъ и благодарный за милости Заливако, въ продолженіи 23-хъ дней, не высказалъ ничего особенно замѣчательнаго до 27 августа, а въ этотъ день вспомнилъ, что ускользнуло изъ его памяти и объявилъ, что въ Вильнѣ, въ февралѣ 1839 года, во время казни эмисара Симона Канарскаго, былъ на лобномъ мѣстѣ другой эмисаръ, Адольфъ Залѣсскій, о чемъ ему, Заливакѣ, положительно извѣстно, какъ изъ неоднократныхъ разсказовъ Возняковскаго, такъ и изъ общихъ слуховъ, ходившихъ въ то время въ городѣ. (См. отчет. карту, кругъ 27 августа).

Для большаго же убѣжденія въ своемъ чистосердечномъ признаніи Заливако въ тотъ же день добавилъ, — сперва, что эмисара Залѣсскаго онъ часто самъ встрѣчалъ въ Вильнѣ,—а потомъ, что Залѣсскій, за два дня до казни Канарскаго (15 февраля 1839 года) перешелъ на квартиру Возняковскаго въ Базильянскомъ монастырѣ, гдѣ и онъ жилъ вмѣстѣ съ Возняковскимъ!!! *).

*) При той ролѣ, какая досталась въ этомъ дѣлѣ на долю всемогущаго Анисимова, не постижимо, почему онъ не распорядился осмыслить этого показанія Заливаки? Почему это не пришло въ голову ни одному изъ его сотрудниковъ? Читателю извѣстно уже, какого рода исправленія и добавленія въ показаніяхъ позволяли себѣ дѣлать гг. слѣдователи, увѣрявшіе, что они не гнались за слогомъ, а дорожили только сущностію показаній раскаявшихся преступниковъ (!!!)

Хотя члены коммисіи не могли не видѣть въ этомъ послѣднемъ показаніи обласканнаго ими мальчика положительное отсутствіе здраваго смысла; не могли повѣрить, чтобы такое важное обстоятельство, какъ знакомство съ эмисаромъ, могло ускользнуть изъ памяти откровеннаго Заливаки, но они не могли также не восхищаться успѣхомъ открытія и не сосувствовать восторгу орудовавшаго всѣмъ дѣломъ Анисимова, который вообще считался большимъ знатокомъ въ дѣлахъ этого рода и не задолго передъ тѣмъ участвовалъ въ слѣдствіяхъ по дѣлу Канарскаго и по доносу подсудимаго подпоручика Григорьева о существованіи другаго тайнаго общества между офицерами квартировавшаго въ Вильнѣ Эстляндскаго егерскаго полка.

Для большаго распложенія, если не затемнѣнія, дѣла, по настоянію г. Анисимова, тотчасъ же вытребованы были, на предметъ совокупнаго соображенія съ показаніями Заливаки, слѣдующія изъ прежнихъ дѣлъ:

1) Часть слѣдственнаго дѣла объ эмисарѣ Канарскомъ.

2) Два дѣла о выходцѣ изъ эмиграціи Мошинскомъ и Дерптскомъ студентѣ Гильдебрандтѣ, разсмотрѣнныя военно-судною коммисіею и рѣшенныя, но пріостановленныя по случаю доноса подпоручика Григорьева объ учрежденномъ будто бы ими новомъ тайномъ обществѣ человѣколюбія (l'humanité).

3) Дѣло о подпоручикѣ новоингерманландскаго пѣхотнаго полка Кузминѣ Караваевѣ, обвиняемомъ въ связяхъ съ преступниками Гильдебрандтомъ и Мошинскимъ и извѣстною патріоткою, помѣщицею Снядецкою, которая раздавала чугунныя кольца, сдѣланныя будто бы изъ цѣпей Канарскаго.

Найденныя мною черновыя бумаги, послужившія ключомъ къ дѣлу, доказывали противное.

4) Дѣло объ арестованныхъ въ апрѣлѣ 1839 года офицерахъ Эстляндскаго егерскаго полка, возникшее по доносу того же подпоручика Григорьева о принадлежаніи прапорщика Де-Люсине къ тайному обществу, и —

5) Вся переписка о 14-ти арестованныхъ Дерптскихъ студентахъ, членахъ тайнаго общества, основаннаго Гильдебрандтомъ.

Но прежде, чѣмъ коммисія успѣла разсмотрѣть всѣ эти разнохарактерныя дѣла съ цѣлію доискаться въ нихъ какой нибудь связи съ обстоятельствами побѣга Возняковскаго, Рокицкаго и Павловскаго, она не ожиданно отвлечена была присылкою изъ Ставрополя юнкера эриванскаго карабинернаго полка Чесновскаго, вмѣстѣ съ произведеннымъ о немъ на Кавказѣ слѣдственнымъ дѣломъ, къ которому подшито было найденное при обыскѣ оговореннаго Чесновскимъ рядоваго изъ дворянъ Ропчинскаго, — письмо лекаря Ловицкаго, содержаніе котораго обнаруживало въ послѣднемъ дѣятельнаго послѣдователя ученія Канарскаго.

О содержаніи бумагъ, найденныхъ при обыскѣ Ловицкаго и также доставленныхъ въ коммисію, доведено было до свѣдѣнія покойнаго государя, вслѣдствіе чего и состоялось высочайшее повелѣніе о внезапномъ обыскѣ всѣхъ 45-ти медиковъ, по воспитанію современныхъ Ловицкому *).

Всюду полетѣли эстафеты съ требованіемъ немедленнаго обыска у молодыхъ врачей. По письму найденному

---

*) Между бумагами Ловицкаго найдено было въ рукописи сочиненіе его: «Очеркъ духа Виленской академіи». Въ очеркѣ этомъ упомянуты всѣ лица, болѣе или менѣе дѣйствовавшія въ то время въ духѣ Канарскаго, но объ Эмисарѣ Залѣсскомъ не было и помину. Вотъ почему коммисіи, если бы она добивалась правды, не слѣдовало безусловно довѣрять показаніямъ Заливаки объ эмисарѣ Адольфѣ Залѣсскомъ, а тѣмъ болѣе прибѣгать къ арестамъ лицъ, оговоренныхъ въ связяхъ съ эмисаромъ, который будто бы извѣстенъ былъ одному Заливакѣ и во все—неизвѣстенъ Ловицкому!

въ Пензѣ, у лекаря Макулича, открытъ студентъ Казанскаго университета Вейштортъ, переведенный туда изъ виленской академіи. Изъ письма его къ Микуличу между прочимъ оказалось, что родной братъ Вейшторта тайно принялъ на Кавказѣ католическую религію, а самъ онъ, разсуждая о русскихъ студентахъ, говорилъ: «ихъ сердце—бѣлый листъ бумаги, но я начинаю вписывать туда мои молитвы».

Вейштортъ также привезенъ въ Вильну и арестованъ.

Хотя вся масса скопившихся къ этому времени въ коммисіи свѣдѣній въ совокупности все еще сводилась къ тому только, что польская, или правильнѣе сказать ополяченная молодежь, разбросанная по всему пространству Россіи, сильно воспламенена была свѣжими воспоминаніями о мятежѣ и ученіемъ Канарскаго и потому не переставала бредить объ освобожденіи изъ подъ ига Россіи, но члены коммиссіи, задавшись убѣжденіемъ въ дѣйствительномъ существованіи прочно-организованнаго, огромнаго заговора, сочли излишнимъ немедленное разслѣдованіе степени виновности каждаго изъ вновь оговоренныхъ, заподозрѣнныхъ и арестованныхъ молодыхъ людей. Они все свое вниманіе исключительно устремили на бѣглыхъ студентовъ Возняковскаго, Рокицкаго и гимназиста Павловскаго, настоятельно добиваясь сознанія ихъ въ заговорѣ, но изъ сущности отбираемыхъ отъ нихъ показаній можно было вывести точно тоже заключеніе, что и они, какъ истые поляки *), ненавидятъ русскихъ вообще и наше правительство въ особенности.

Выводъ этотъ,—какъ вещь во все не новая, ни сколько не подтверждалъ показаній Заливаки и не оправдывалъ предвзятаго убѣжденія членовъ коммисіи, что они имѣютъ дѣло съ заговорщиками, желающими, изъ стра-

*) Изъ нихъ одинъ только Рокицкій принадлежалъ къ числу дворянъ Минской губерніи, а остальные двое были мѣщане агустовской губерніи.

ха наказанія, скрыть свое преступленіе, и потому слѣдователи съ усиленною настойчивостію добивались сознанія каждаго изъ арестованныхъ молодыхъ людей въ принадлежаніи къ тайному общеттву, но за исключеніемъ Заливаки, никого не могли склонить къ подобному сознанію. Время и усилія тратились во все безъ пользы. Но чего не могли достигнуть остальные члены коммисіи, то вполнѣ удалось наконецъ искусному и неутомимому товарищу ихъ Анисимову. Подѣйствовавъ на Заливаку ласками и убѣжденіями, онъ употребилъ точно такую же мѣру и въ отношеніи къ другому мальчику, гимназисту Павловскому, который также повѣрилъ, что его сообщество съ бѣжавшими студентами и ихъ общая цѣль проникнуть за границу, есть ничто иное, какъ замаскированный отъ него заговоръ и потому скоро призналъ себя заговорщикомъ. Это признаніе, въ свою очередь, еще болѣе удостовѣрило мѣстныя власти въ совершенной непогрѣшимисти ихъ завѣтной мысли, ихъ догадокъ.

Между тѣмъ показанія Заливаки часъ-отъ-часу становились важнѣе и грандіознѣе и дошли до того наконецъ, что всѣ догадки, всѣ предположенія коммисіи, или вѣрнѣе сказать Анисимова, о существованіи въ Вильнѣ тайнаго общества между студентами и знакомыми Возняковскому молодыми людьми, Заливако, а за нимъ и Павловскій, разновременно подтвердили въ собственноручныхъ показаніяхъ, о содержаніи которыхъ каждый разъ доводимо было чрезъ генералъ-губернатора до высочайшаго свѣдѣнія.

Въ это время, и именно въ половинѣ августа 1840 года, Виленскій гражданскій губернаторъ Григорій Гавр. Доппельмайеръ, по случаю отъѣзда генерала Мирковича на маневры въ Прусію, вступилъ въ завѣдываніе дѣлами края, посѣтилъ коммисію и, желая ближе ознакомиться съ положеніемъ слѣдствія, сдѣлалъ нѣкоторые весьма

мѣткіе вопросы арестантамъ, сличилъ всѣ прежнія ихъ показанія и, послѣ продолжительнаго и внимательнаго совѣщанія съ членами коммисіи, выразилъ сильное сомнѣніе въ справедливости бездоказательныхъ извѣтовъ Заливаки, и Павловскаго. Сомнѣніе это губернаторъ Доппельмайеръ основывалъ на томъ, что въ показаніяхъ обоихъ этихъ мальчиковъ — арестантовъ замѣчена имъ взаимная подражательность и нерѣдко сбивчивость *).

Этотъ взглядъ умнаго, честнаго, опытнаго, осторожнаго и высоко-образованнаго человѣка долженъ бы, казалось, вызвать, по меньшей мѣрѣ, повѣрку тѣхъ показаній, въ которыхъ г. Доппельмайеръ, смотря на дѣло безъ предвзятыхъ убѣжденій, замѣтилъ сбивчивость. но это, столько же честное и полезное, сколько и безпристрастное замѣчаніе не только оставлено было безъ послѣдствій, но даже вызвало къ нему неудовольствіе начальника края, который малѣйшее сомнѣніе въ непогрѣшимости его убѣжденій готовъ былъ въ то время принять за явную измѣну Русскому дѣлу.

Вскорѣ новыя показанія Заливаки и Павловскаго заставили коммисію обратить строгое вниманіе на распространившуюся молву объ арестованномъ Виленскою полиціею неизвѣстномъ и чрезвычайно подозрительномъ человѣкѣ, освобожденномъ безъ всякаго допроса, вслѣдствіе посторонняго ходатайства. Къ этому присоединились и другіе толки, будто бы эмисары открыто ходятъ по улицамъ Вильны и дѣлаютъ разныя буйства для воспламененія умовъ молодежи. Такъ какъ Заливако оговорилъ

---

*) Донесеніе объ этомъ г. Доппельмайера, полученное въ Петербургѣ 31 августа 1840 года, я нашелъ въ дѣлахъ канцеляріи военнаго министерства, въ октябрѣ 1861 года, когда мнѣ разрѣшено было военнымъ министромъ, графомъ Милютинымъ, дѣлать нужныя изъ Виленскаго дѣла выписки. Помянутое донесеніе, по всей вѣроятности, не было извѣстно и флигель-адъютанту Казимиру, до командированія котораго въ Вильну Заливако выдалъ, какъ увидимъ ниже, знаменитый списокъ заговорщиковъ.

професора Мяновскаго, между прочимъ, въ знаніи о побѣгѣ студентовъ, въ прощаньи съ ними и въ ходатайствѣ его объ освобожденіи эмисара Адольфа Залѣсскаго изъ подъ-ареста въ полиціи, то обстоятельство это послужило поводомъ для коммисіи требовать особаго слѣдствія надъ Виленской полиціей и немедленнаго ареста професоровъ Вельска и Мяновскаго: перваго за то, будто онъ присылалъ въ полицію пищу эмисару, а втораго—за ходатайство о его освобожденіи, при чемъ коммисія и настояла, какъ о безотлагательномъ удаленіи отъ должности полиціймейстера подполковника Серебрякова, такъ и о заключеніи въ казематъ слѣдственнаго пристава Еленскаго и Виленскаго плацъ-маіора полковника Богдановича, оговоренныхъ въ сочувствіи къ преступникамъ, знаніи о тайномъ обществѣ и потворствѣ арестованнымъ *).

Коммисія при этомъ случаѣ приняла самыя дѣятельныя мѣры къ изобличенію начальствующихъ лицъ виленской полиціи въ сознательномъ освобожденіи эмисара Залѣсскаго. Слѣдствіе это, подъ наблюденіемъ и руководствомъ **) коммисіи, поручено было чиновнику особыхъ порученій генералъ-губернатора Вашклевичу. Вскорѣ коммисія напала и на другой слѣдъ преступленія Виленской полиціи, обнаруживъ, что 13 іюля 1840 года приведенъ былъ съ главной гауптвахты въ полицію человѣкъ, взятый за то, что, идучи по тротуару съ кувшиномъ воды отъ площади св. Яна, толкнулъ часоваго, стоявшаго на углу дома, называемаго кардиналіей. Человѣкъ этотъ, подъ именемъ Андрея Кобецкаго, былъ освобожденъ изъ подъ ареста. При дальнѣйшемъ развитіи

*) Должность Богдановича досталась члену коммисіи, плацъ адъютанту капитану Городецкому, пожалованному въ маіоры!!! Подкопавъ яму своему начальнику, онъ занялъ его мѣсто, но на долго-ли?

**) Хорошо руководство! Малѣйшее уклоненіе отъ плановъ Анисимова могло послужить поводомъ къ аресту и погибели самого Вашклевича.

дѣла этого Заливако показалъ, что эмисаръ Адольфъ Залѣсскій былъ освобожденъ изъ полиціи по ходатайству графини Забѣлло, и въ подтвержденіе этого показанія коммисія обнаружила, что дѣйствительно взятъ былъ въ полицію не извѣстный человѣкъ за неприличные поступки на улицѣ, но по ходатайству какой-то знатной дамы его освободили.

Оба упомянутые случая послужили достаточнымъ для коммисіи основаніемъ къ заключенію, что тотъ или другой не извѣстный человѣкъ, освобожденный полиціей безъ всякихъ формальностей, былъ не кто иной, какъ давно отыскиваемый эмисаръ Адольфъ Залѣсскій и что Серебряковъ и члены полиціи хорошо знали, кого освобождаютъ подъ именемъ Кобецкаго.

Дѣло еще болѣе запуталось, когда явилось новое показаніе Заливаки, что эмисаръ Адольфъ Залѣсскій путешествовалъ иногда и проживалъ у своихъ единомышленниковъ съ паспортомъ коновала Антонія Карпюка, что бы удобнѣе было наблюдать за духомъ въ войскахъ и разсѣявать между военно-служащими идеи вольнодумства и ненависти къ законному правительству.

При такомъ стеченіи обстоятельствъ вопросъ о заговорѣ болѣе и болѣе усиливался и принималъ угрожающій характеръ. Мѣстныя власти сочли необходимымъ принять самыя дѣятельныя, самыя энергическія мѣры къ подавленію на первомъ шагу могущаго вспыхнуть возстанія. Каждое новое заявленіе Заливаки, каждое показаніе Павловскаго убѣждали, что опасность слишкомъ близка, что измѣннически освобожденный изъ Виленской полиціи эмисаръ неутомимо работаетъ въ главѣ заговорщиковъ. Всѣ въ Вильнѣ ожидали тревоги. Войска были на—готовѣ. Не одно мѣстное начальство, но и большинство жителей повѣрило наконецъ что заговоръ существуетъ и вполнѣ созрѣлъ, особенно когда былъ пущенъ слухъ, что подъ

р. Вилiей, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ко дню св. крещенія (6-му января 1841 года) будетъ устроена іордань, приготовленъ огромный фугасъ, долженствующій поднять на воздухъ всѣхъ, кто будетъ присутствовать на церковной церемоніи!

Въ виду такой очевидной опасности выраженное губернаторомъ Доппельмайеромъ сомнѣніе, относительно неправдоподобія показаній Заливаки и Павловскаго, считалось едва не преступленіемъ. Генералъ-губернаторъ, возвратясь изъ Пруссіи, обратилъ вниманіе коммисіи на необходимость, во что бы то ни стало, изобличить виновныхъ въ выпускѣ изъ полиціи эмисара Залѣсскаго, столь опытнаго врача государственнаго спокойствія. Антонія Карпюка разыскивали по всей дѣйствующей арміи. Въ Смоленскѣ *) возбуждено было особое слѣдствіе о неправильной будтобы выдачѣ паспорта мнимому коновалу, но ни какихъ признаковъ, ни какихъ слѣдовъ этой выдачи не обнаружено. Повсемѣстныя справки о прописке паспортовъ равномѣрно не привели къ желаемымъ результатамъ.

Въ это тревожное время, когда генералъ-губернаторъ вполнѣ увѣренъ былъ, что опаснѣйшій послѣ Канарскаго эмисаръ скрывается гдѣ-то въ предѣлахъ нашего государства и воспламеняетъ умы народа съ цѣлію ниспровергнуть существующій порядокъ, къ чести неутомимыхъ слѣдователей, явилось еще новое, самое убѣдительное доказательство несомнѣннаго существованія заговора и надежное средство къ преслѣдованію и уликѣ несознающихся преступниковъ. У Заливаки найденъ былъ зашитый въ воротникѣ шинели подробный списокъ заговорщиковъ съ ихъ собственными и условными по тайному обществу именами. Списокъ этотъ написанъ былъ кровію и на обложкѣ его сдѣлана была

*) Согласно новому показанію неистощимаго Заливаки.

надпись рукою Заливаки: «до смерти ни кому не покажу Серафимъ Заливако.»*)

Списокъ этотъ представленъ былъ въ подлинникѣ на высочайшее возрѣніе и послужилъ къ окончательному подтвержденію большей части обстоятельствъ, которыя до того времени (16 октября 1840 года) были обнаружены слѣдственною коммисіей.

Этимъ закончился длинный рядъ извѣтовъ Заливаки, подтвержденныхъ его подражателемъ Павловскимъ, и закончился, какъ дальше увидимъ, потому, что главный руководитель слѣдствія Анисимовъ, по распоряженію начальника края, уволенъ былъ отъ занятій по коммисіи. **)

Вскорѣ послѣ выдачи Заливакою списка прибылъ въ Вильну (10 ноября 1840 года) назначенный по высочайшему повелѣнію предсѣдателемъ слѣдственной коммисіи флигель-адъютантъ Полковникъ В. И. Назимовъ. Поводомъ къ этому назначенію было ходатайство самаго генерала Мирковича, который безъ сомнѣнія былъ увѣренъ, что избранный государемъ человѣкъ будетъ вполнѣ солидаренъ съ нимъ во взглядѣ на важныя открытія, сдѣланныя коммисіей подъ личнымъ его руководствомъ; что онъ оцѣнитъ ихъ и убѣдится въ безпристрастіи, которымъ руководствовалась Виленская коммисіи въ арестованіи оговоренныхъ въ преступленіяхъ лицъ, безъ различія званій, состояній и вѣроисповѣданія и что наконецъ аккредитованное самимъ императоромъ лицо на мѣстѣ убѣдится, въ какомъ жалкомъ и разстроенномъ положеніи достался Мирковичу край послѣ 9-ти лѣтняго управленія имъ его предмѣстникомъ княземъ Н. А. Долгоруковымъ, при которомъ распущенность въ надзорѣ

---

*) Рапортъ Мирковича военному министру, отъ 25 октября 1840 года, № 857. Приложеніе № 1, гл. XII.

**) Но онъ снова возвратился въ коммисію, по ходатайству самаго предсѣдателя Назимова, который удаленіе его приписывалъ интригамъ.

очевидно дошла до самыхъ крайнихъ предѣловъ, если, какъ показывали Заливако и Павловскій, эмисары открыто разгуливали по улицамъ Вильны и дѣлали разныя безчинства для воспламененія умовъ молодежи; если къ политическимъ преступникамъ былъ свободный во всякое время доступъ; если они изъ подъ военнаго караула могли свободно отлучаться въ отдаленныя захолустья города къ своимъ коханкахъ (любовницамъ); если эти свободные арестанты потому только не бѣжали изъ казематъ, что жили въ нихъ комфортабельно и надѣялись выдти изъ подъ ареста также комфортабельно какъ ихъ вождь и руководитель Адольфъ Залѣсскій; если у однаго изъ арестантовъ, Мошинскаго, въ первый день Пасхи 1839 года, былъ великолѣпный завтракъ (свенцоное), на которомъ, по словамъ очевидцевъ Заливаки и Павловскаго, присутствовало до 80-ти городскихъ посѣтителей обоего пола и высшаго полета *) и подписывались кровію на 4-хъ экземлярахъ организаціи, тутъ же розданной эмисаромъ Адольфомъ Залѣсскимъ.

Но для избѣжанія повтореній я не буду болѣе утомлять вниманіе читателя разсказами такихъ вещей, о которыхъ по необходимости придется упомянуть позднѣе. Ограничусь описаніемъ тѣхъ остальныхъ обстоятельствъ, на которыя указывали мнѣ члены коммисіи, какъ на явные признаки открытаго ими политическаго заговора.

---

*) Все это великолѣпно описано въ 1 и 2-й книжкахъ Русскаго архива 1870 года и заимствовано г. Бергомъ изъ подлинныхъ бумагъ, сообщенныхъ автору высшими властями, (стр. 268) дозволившими и печатаніе этихъ свѣдѣній. Несовсѣмъ понятно, какимъ образомъ въ комнатѣ Мошинскаго, площадь которой имѣла какихъ нибудь пять квад. сажень, могла помѣститься т о л п а гостей и д в а б о л ь ш і е с т о л а съ пасхами, куличами и проч. Еще менѣе понятно, какимъ образомъ попали въ общество академиковъ, профессоровъ и дамъ гимназистъ Павловскій и ученикъ школы, устроенной въ Базиліанскомъ монастырѣ Заливако!

Глава V.

Продолженіе разоблаченій. Ссылка на домашніе телеграфы. Вѣнокъ изъ ржаныхъ колосьевъ. Арестъ Князя Огинскаго. Перехваченная записка Мяновскаго. Его объясненія. Архимандритъ Платонъ. Объясненіе молодой дамы Кончи о значеніи упоминаемыхъ въ письмѣ мужа ея козловъ, свиней и ословъ. Доносъ на автора.

Возвращаюсь къ продолженію чтенія дѣла. Мнѣ остается сказать, что въ продолженіи цѣлой недѣли, употребленной на разборъ всего производства дѣла. всякое осмысленное замѣчаніе мое на счетъ разнорѣчій, не естественности, не опредѣленности или сбивчивости доводовъ къ убѣжденію въ существованіи преступныхъ замысловъ противъ правительства и положительной недостаточности уликъ къ обвиненію того или другого изъ арестованныхъ коммисіею лицъ, вызывало обыкновенно не прямое, дѣльное и спокойное возраженіе со стороны членовъ, но пустыя фразы, а иногда и указаніе на какіе либо отвлеченные признаки таинственности между заключенными, доказывающіе будто бы несомнѣнность существованіе заговора.

Такъ, въ защиту непогрѣшимости этого убѣжденія, г. Анисимовъ не разъ ссылался на то, что большая часть заключенныхъ въ отдѣльныхъ камерахъ арестантовъ постоянно разговаривала съ сидѣвшими въ сосѣднихъ нумерахъ товарищами или чрезъ окна (для чего преклоняли головы плотно къ желѣзнымъ рѣшеткамъ), или чрезъ печныя трубы, или—наконецъ—посредствомъ придуманныхъ ими телеграфныхъ сигналовъ *). Хотя желаніе аре-

*) Въ то время не былъ еще извѣстенъ нынѣ введенный способъ примѣненія электрическаго тока къ проволокѣ, но телеграфъ существовалъ уже между Варшавой и Петербургомъ (съ 1832 года) На всемъ этомъ разстояніи устроены были башни, одна отъ другой не далѣе 7-ми верстъ и вверху каждой по два циферблата, обращенные одинъ къ западу, другой къ востоку. Положеніемъ передвигаемыхъ стрѣлокъ выражались буквы. Въ ночное время циферблаты освѣщались. Сильный туманъ, дождь и снѣгъ препятствовали оптическому способу передачи депешъ.

станта знать, кто заключенъ въ сосѣдствѣ съ нимъ, что онъ думаетъ и что съ нимъ дѣлаютъ,—очень естественно, очень понятно, но оно само собою нисколько не доказываетъ, даже и при дѣйствительномъ существованіи заговора, что сосѣди эти прикосновенны къ заговору; но при всемъ томъ указанный Анисимовымъ телеграфическій способъ разговора заслуживаетъ серіознаго вниманія слѣдователей въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда успѣхъ открытій зависитъ преимущественно отъ отнятія возможности у грамотныхъ арестантовъ сговариваться между собою. Нужда всему научитъ и придуманный арестантами способъ весьма простъ и удобенъ. Онъ заключается въ постукиваніи въ стѣну, раздѣляющую двухъ сосѣднихъ арестантовъ. Желающій начать разговоръ съ сосѣдомъ подаетъ ему сигналъ, ударяя пальцемъ нѣсколько разъ въ капитальную стѣну. Если сосѣдъ въ это время не спитъ, чуткое ухо его услышитъ сигналъ и сосѣдъ отвѣчаетъ ему тою же дробью, замѣняющею отвѣтъ: слушаю. Послѣ этого бесѣда начинается выстукиваніемъ съ интервалами желаемаго числа ударовъ, означающихъ буквы, напримѣръ—сперва 8, потомъ 11, 4, 23, 7, 1, 14 и т. д. Не трудно сосѣду догадаться, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и получить намекъ чрезъ сторожа, какъ должно понимать число ударовъ. Естественно, что если этимъ способомъ можно телеграфироваться съ сосѣдомъ, то легко говорить, при его посредствѣ, и съ сосѣдомъ сосѣда и получить желаемый отвѣтъ отъ арестанта, сидящаго въ отдаленіи, при томъ только условіи, если всѣ, рядомъ расположенные казематы до его комнаты заняты грамотными арестантами и если между стѣнъ нѣтъ интервала, или никѣмъ незанятой комнаты.

На этомъ основаніи нѣкоторые изъ арестованныхъ молодыхъ людей признавались, что не только имѣютъ возможность знать, кто именно ихъ сосѣди, зачѣ и когда

арестованы, но даже и то, о чемъ были спрашиваемы и что показали на допросахъ. *)

Соглашаясь вполнѣ съ существенною пользою сдѣланнаго коммисіей открытія, я доказывалъ однакожъ, что оно нисколько неразъясняетъ еще занимающаго правительство темнаго вопроса о существованіи или несуществованіи заговора, но можетъ быть употреблено, въ видѣ опыта, какъ косвенное средство къ приблизительному только разрѣшенію этого вопроса.

Съ этою цѣлію флигель-адъютантъ Назимовъ согласился на предложеніе мое прибѣгнуть къ слѣдующему способу испытанія: неожиданно перевести Заливаку или Павловскаго изъ настоящаго помѣщенія въ камеру, сосѣднюю съ той, въ которой помѣщался арестантъ, не сознающійся въ существованіи заговора. Вмѣстѣ съ Заливакою посадить расторопнаго, благонадежнаго и вполнѣ понимающаго описанный способъ жандарма, въ присутствіи котораго велѣть Заливакѣ просить у сосѣда отвѣтовъ на придуманные слѣдователями вопросы. Сосѣдъ, не зная цѣли разговора и не подозрѣвая въ немъ ловушки, даетъ положительный или отрицательный отвѣтъ, который, для свѣдѣнія и соображенія съ дѣломъ, записывать въ протоколъ.

Замѣчательно однакожъ, что и при повтореніи подобныхъ опытовъ, при которыхъ присутствовали секретно и члены коммисіи, никто изъ арестантовъ и въ этомъ тайномъ разговорѣ, не только не высказалъ чего либо пригоднаго къ разъясненію дѣла, не только не подтвердилъ увѣреній Заливаки и Павловскаго о существованіи заговора, но отвергалъ и самую мысль о немъ. Въ большинствѣ же случаевъ спрашиваемые безпощадно порицали

*) Мудрено-ли послѣ этого, говаривалъ Анисимовъ, что заговорщики ни въ чемъ не сознаются?—Но они вѣдь могли и въ этомъ не признаваться. Могли отрицать существованіе телеграфа, но не отрицали.

Анисимова или Покровскаго, сообразно тому, кѣмъ изъ нихъ были допрашиваемы и склоняемы къ сознанію въ какомъ то заговорѣ. Этимъ господамъ слѣдователямъ случалось самимъ присутствовать при выбиваніи выраженій слишкомъ оскорбительныхъ для честнаго человѣка, на примѣръ: ослы, скоты, подлецы и т. п.....

Казалось бы, что для безпристрастнаго и ничѣмъ не связаннаго слѣдователя, для человѣка чуждаго предвзятыхъ убѣжденій, одного этого обстоятельства достаточно было, чтобы какъ можно осторожнѣе относиться къ извѣтамъ Заливаки и Павловскаго и не вѣрить имъ безусловно, но члены коммисіи, разъ задавшись мыслію, что заговоръ долженъ быть и что имъ велѣно генералъ-губернаторомъ, во что бы то ни стало, раскрыть всѣ нити подозрѣваемыхъ (а не дѣйствительныхъ) тайныхъ обществъ, дѣйствовали иначе, не взирая на то, что постоянно видѣли въ показаніяхъ мальчиковъ взаимную подражательность. Къ этому добавить нужно, что членамъ коммисіи по опыту извѣстна была привычка этихъ безхарактерныхъ школьниковъ знать, что именно показалъ его товарищъ на счетъ обстоятельства, о которомъ былъ спрашиваемъ.

Такъ въ свѣжей памяти у членовъ коммисіи былъ замѣчательный случай, который обратилъ на себя справедливое вниманіе предсѣдателя Назимова, когда онъ, не отъ нихъ, но стороною, узналъ о немъ, а именно:

Въ письмѣ одного удаленнаго изъ края лица къ женѣ его, въ Вильну, найденъ былъ вѣнокъ изъ ржаныхъ колосьевъ. Генералъ-губернаторъ, препроводивъ его въ комиссію, предписалъ спросить Заливаку и Павловскаго: не могутъ ли они объяснить значенія этого вѣнка? — Павловскій умно, или глупо, но тотчасъ же придумалъ и написалъ условное (и ужь конечно припаровленное къ мысли о заговорѣ) значеніе этого вѣнка, а сидѣвшій съ

перомъ въ рукѣ въ сосѣдней комнатѣ Заливако. при всемъ его усердіи и при обычной готовности подлаживаться подъ взглядъ и вкусъ слѣдователя, ничего на этотъ разъ придумать не могъ и наконецъ, безъ церемоніи, спросилъ проходившаго мимо члена Стратоновича: «а что показываетъ Павловскій объ этомъ вѣнкѣ?» — Желая испытать Заливаку, Стратоновичъ объявилъ ему объясненіе Павловскаго совершенно въ иномъ смыслѣ, и Заливако, нисколько не затрудняясь, тотчасъ же написалъ: «я слышалъ отъ самого эмисара Адольфа Залѣсскаго» — тутъ онъ помѣстилъ цѣликомъ слова Стратоновича!!! *).

При докладѣ объ этомъ г. Стратоновичемъ присутствію коммисіи (это было еще до назначенія предсѣдателя), Анисимовъ, съ видимымъ неудовольствіемъ, отозвался, что такъ сбивать откровеннаго арестанта не годится и что случай этотъ нисколько не долженъ ослаблять довѣрія къ прочимъ показаніямъ Заливаки. Это же убѣжденіе смѣло повторилъ онъ и при повѣрочномъ чтеніи дѣла. Мнѣніе его раздѣлялъ и сильно поддерживалъ Покровскій и частію полковникъ Новицкій, который эту безстыдную ложь приписывалъ извинительному, по его мнѣнію, желанію Заливаки не уступать въ усердіи Павловскому! А. г. Анисимовъ, не остановясь на этомъ, жаловался въ свое время на Стратоновича начальнику его, Фрейгангу, увѣряя, что онъ мѣшаетъ успѣху дѣла своими ненужными замѣчаніями. Съ этого времени Стратоновичъ благую часть избра. Онъ не мѣшалъ болѣе Анисимову дѣлать все что ему угодно, ни сколько не стѣсняясь его присутствіемъ!

Часто повторявшіяся въ коммисіи, подобныя этому, неосновательныя сужденія заставили Владиміра Ивановича Назимова обратиться однажды къ полковнику Новицкому

*) Рапортъ подполковника Ломачевскаго окружному генералу Фрейгангу, отъ 18 іюня 1841 года, за № 45.

съ слѣдующимъ вопросомъ: «скажите, полковникъ, что, по вашему мнѣнію, лучше для государя, не раскрыть вполнѣ преступленія, или, напутавъ небылицъ, обвинить невиннаго»?—Новицкій отвѣчалъ рѣшительно: «Лучше обвинить невиннаго, потому что они здѣсь всѣ виноваты, ракаліи»!

Этотъ, въ высшей степени, замѣчательный отвѣтъ, по настоянію моему, тогда же записанъ былъ въ протоколъ, засѣданія. Новицкій спохватился, но уже поздно было! Впрочемъ ниже познакомится читатель еще ближе, насколько Новицкій полезенъ былъ успѣху порученной коммисіи работы. Можно представить себѣ, какъ велико было негодованіе ко мнѣ полковника Новицкаго и прочихъ членовъ коммисіи, когда, причтеніи дѣла, въ ихъ присутствіи, мнѣ часто случалось обращать вниманіе предсѣдателя на такія вещи, которыя не выдерживали самой снисходительной критики и возбуждать вопросы въ родѣ слѣдующихъ:

а) Какимъ образомъ могло случиться, что въ выданномъ Заливакою спискѣ заговорщиковъ, навербованныхъ вождемъ и руководителемъ ихъ, Адольфомъ Залѣсскимъ, —спискѣ, въ которомъ вмѣстѣ съ магнатами помѣщены и гимназисты, препущены такія крупныя личности, какъ князь Огинскій и ректоръ академіи Кучковскій?

б) Правдоподобно-ли, чтобы Заливако съ 4 августа по 10-е января *) при всей неистощимости сдѣланныхъ имъ извѣтовъ, не могъ припомнить о принадлежаніи князя Приней Огинскаго къ заговору и припомнилъ объ этомъ тогда только, когда въ Вильну (8-го января 1841 года) пріѣхалъ флигель-адъютантъ Баратынскій и арестовалъ Огинскаго?!? и

*) Это показаніе было послѣднимъ извѣтомъ Заливаки. Съ прибытіемъ моимъ и возвращеніемъ предсѣдателя—ни онъ, ни Павловскій ничего новаго не заявляли уже коммиссіи.

в) Съ какою цѣлію замѣчательный списокъ заговорщиковъ, выданный Заливакою вслѣдствіе настоятельнаго требованія членовъ коммисіи (какъ видно изъ протокола ея, отъ 16 октября 1840 г.) названъ былъ въ донесеніи коммисіи не выданнымъ Заливакою, но найденнымъ въ воротникѣ шинели Заливаки? Развѣ это все равно *) ?!

Но и въ виду всѣхъ этихъ несообразностей, которыя встрѣчены въ производствѣ дѣла, всѣхъ разнорѣчій въ показаніяхъ арестантовъ Заливаки и Павловскаго, мнѣ никогда не приходило на мысль, чтобы они постоянно лгали. Мнѣ казалось, напротивъ, что эти не опытные мальчики не вполнѣ понимали козни заговорщиковъ, которымъ они принесли себя въ жертву и потому иногда увлекались въ своихъ разсказахъ. Вотъ почему, независимо отъ ихъ извѣтовъ, я постоянно напрягалъ всѣ мои усилія къ обнаруженію истины побочными путями, чего такъ искренно желалъ присланный государемъ флигель-адъютантъ Назимовъ.

Въ этихъ видахъ, съ разрѣшенія Владиміра Ивановича, я распорядился, чтобы смотритель тюрьмы постоянно докладывалъ мнѣ, когда Богдановичу, Мяновскому или Вельку приносили изъ города пищу и тщательно наблюдалъ, не попадется-ли какъ нибудь письмо или записка, содержаніе которыхъ могло бы пролить новый свѣтъ на дѣло, или послужить ключомъ къ полезнымъ открытіямъ!

Черезъ нѣсколько дней найдена была, въ рыльцѣ кофейника, вынесеннаго изъ каземата професора Мяновскаго, записочка на французскомъ языкѣ, свернутая на подобіе обыкновенной бумажной пробки. Записка эта, писанная вмѣсто пера ногтемъ, при пособіи разведенной

*) Въ числѣ найденныхъ Лукьяновымъ черновыхъ бумагъ отпускъ съ рапорта со спискомъ изложенъ былъ совершенно согласно съ содержаніемъ протокола, но рукою Стратоновича исправленъ въ смыслѣ найденъ вмѣсто выданъ. Развѣ это не натяжка? *Авторъ.*

сажи, заключала просьбу професора къ матери его покойной жены,, m-me Бекю, чтобы она, черезъ князя Витгенштейна, просила генералъ-губернатора о скорѣйшемъ окончаніи дѣла и обнаруженіи причинъ незаслуженныхъ страданій Мяновскаго, который, при этомъ случаѣ, приписывая причину своего несчастія единственно злобѣ на него Анисимова, называлъ его у б і й ц е ю и п а л а ч о м ъ.

По прочтеніи перехваченной записки професора Мяновскаго предсѣдатель пригласилъ его въ присутствіе коммисіи и поручилъ мнѣ отобрать отъ него письменное объясненіе о томъ: почему онъ, будучи оговоренъ въ преступныхъ намѣреніяхъ противъ правительства не только посторонними людьми, но и собственнымъ слугою *), этимъ постояннымъ свидѣтелемъ сношеній его съ отъявленнымъ врагомъ самодержавной власти, причину своего несчастія приписываетъ не собственной винѣ, но единственно личной ненависти къ нему члена коммисіи Анисимова, котораго по этому называетъ убійцею и палачомъ?

Сильно взволнованный Мяновскій клялся всѣмъ, что для него свято, что онъ невиновенъ, но дѣйствительно никому болѣе не приписываетъ причины пятимѣсячныхъ страданій своихъ въ тюрьмѣ кромѣ Анисимова, потому что остальнымъ членамъ неизвѣстно было, какого рода преступленіе совершилъ этотъ бездушный фанатикъ, изобрѣтя средство къ оговору его въ небываломъ преступленіи! Далѣе професоръ просилъ позволенія изложить свое показаніе на французскомъ языкѣ, на которомъ онъ свободнѣе объясняется, чѣмъ на Русскомъ.

Вотъ буквально переведенное мною объясненіе професора Мяновскаго.

---

*) Слуга Мяновскаго, Пашковскій, былъ совершенный идіотъ и при томъ безграмотный. При желаніи Анисимова онъ могъ пожалуй запутать въ дѣло знаменитаго Тьера или тогдашняго интригана, Египетскаго пашу.

14 февраля 1841 года.

«Я употребилъ слова: убійца и палачъ, и отъ нихъ не отпираюсь, потому что если называютъ убійцею того, кто убиваетъ человѣка и скрывается потомъ отъ закона, котораго онъ не уважаетъ, но по крайней мѣрѣ боится, то это слово недовольно выразительно, когда дѣло идетъ о такомъ человѣкѣ, который, единственно для утоленія своей личной ненависти, не убиваетъ другого однимъ ударомъ, чтобы кончить все разомъ, но который обманываетъ правительство, употребляетъ во зло врученную ему власть и тотъ самый законъ, который долженъ защищать невиннаго человѣка, онъ употребляетъ на то, чтобы отнять у него свободу и плоды трудовъ всей его жизни; чтобы разрушить его счастіе и его надежды, а вмѣсто будущности оставить одно отчаяніе и безчестіе!... Всѣмъ этимъ, всѣмъ я обязанъ личной ненависти г. Анисимова и я ожидаю минуты сказать ему это въ глаза предъ цѣлою коммисіей *) сказать ему, что онъ совершилъ надо мною преступленіе, котораго устыдился бы и убійца; преступленіе, котораго свѣтъ (если бы онъ могъ видѣть всю истину) ужаснулся бы, не въ разсужденіи моего несчастія; желаніе, чтобы кто нибудь въ мірѣ принялъ участіе въ моемъ бѣдствіи, было бы болѣе, чѣмъ смѣшно и оно далеко отъ моей мысли, но свѣтъ ужаснулся бы этого преступленія по его нравственному дѣйствію, потому что если въ образованномъ государствѣ, въ глазахъ правительства, въ присутсвіи того закона, который обѣщаетъ защиту невинности, злой человѣкъ можетъ спокойную жизнь, которую никакое подозрѣніе не должно бы возмутить, довести до того, до чего онъ довелъ мою жизнь—это что-то ужасное, наносящее печаль и скорбь въ сердце каждаго человѣка, имѣющаго сердце, способнаго мыслить и разсуждать, если только онъ достигнетъ

*) Не помню, почему въ этотъ день Анисимова не было въ коммисіи.

того, чтобы видѣть и различить истину!! А если спросятъ: за что? Въ первый разъ я видѣлъ этого человѣка въ 1839 году, въ коммисіи, предсѣдателемъ которой былъ князь Трубецкой, куда позвали меня для вопроса: какія деньги одна дама давала студентамъ, отсылаемымъ на Кавказъ? Послѣ того, онъ встрѣчалъ меня на довольно частыхъ представленіяхъ князю Долгорукову, бывшему генералъ-губернатору, и видѣлъ меня всегда разговаривающимъ съ нѣкоторымъ г. Чигаревымъ, котораго я зналъ съ молодости моей и котораго онъ ненавидѣлъ, почитая его за величайшаго своего врага, разсѣявавшаго обидные слухи, носившіеся въ городѣ на счетъ г. Анисимова. Онъ полагалъ, что я помогалъ ему въ распространеніи этихъ слуховъ (онъ самъ говорилъ мнѣ объ этомъ; здѣсь въ коммисіи онъ сказалъ мнѣ тоже, въ присутствіи своихъ сотрудниковъ, что онъ мнѣ врагъ потому что почитаетъ меня за злонамѣреннаго для правительства человѣка. Такъ какъ онъ ничего не могъ сдѣлать Чигареву *), онъ хотѣлъ излить месть свою на меня, пользуясь случаемъ, замѣшавшимъ мое имя въ политическое дѣло, бывшее въ его рукахъ. Онъ употреблялъ всѣ усилія еще во время первой *) коммисіи, чтобы завлечь меня, но не успѣлъ въ томъ, потому что имѣлъ дѣло съ пожилыми людьми, въ которыхъ говорила совѣсть и которые не могли обвинить невиннаго человѣка. Этотъ же разъ онъ встрѣтилъ между заключенными молодого ученика, который умѣлъ его понять и былъ готовъ замѣшать въ

---

*) Въ то время, къ которому относится настоящее объясненіе Мяновскаго, ни предсѣдатель, ни я не знали еще, правду-ли говоритъ онъ, или маскируется, но то вѣрно, что Мяновскій могъ еще не знать тогда, что и пріятель его Чигаревъ раздѣляетъ его участь и давно уже содержится въ казематѣ, въ числѣ политическихъ преступниковъ.

*) Подъ словами первой коммисіи Мяновскій разумѣетъ дѣло Канарскаго, въ разслѣдованіи котораго, къ несчастію для многихъ, участвовалъ и Анисимовъ.

Авторъ.

своемъ показаніи всякого, кого бы ему ни захотѣли назвать. Въ этомъ несчастномъ расположеніи, когда одной искры было достаточно, чтобы вспыхнуло пламя, 5 сентября, Анисимовъ, идучи въ коммисію, встрѣтилъ меня разговаривающимъ съ Чигаревымъ. Онъ остановился для того, чтобы бросить на меня взглядъ, до такой степени свирѣпый и дикій, что не умѣя отдать себѣ въ томъ отчета, я прочелъ въ немъ несчастіе всей моей жизни! Этимъ взглядомъ, который онъ долго остановилъ на мнѣ, онъ хотѣлъ сказать: «Ты увидишь, что тебѣ будетъ стоить эта связь»!!! Съ тѣхъ поръ я былъ какъ пораженный ударомъ, какъ убитый! Вечеромъ того же дня, я встрѣтилъ плацъ-маіора *); я почти слово въ слово разсказалъ ему то, что теперь написалъ, и я не ошибаюсь и клянусь въ томъ передъ евангеліемъ, что этотъ человѣкъ, (т. е. Анисимовъ) взволнованный впечатлѣніемъ, возбужденнымъ этой встрѣчей, прямо пошелъ къ этому не годному школьнику (конечно Заливакѣ) который безъ сомнѣнія во время слѣдствія не одинъ разъ слышалъ и зналъ мое имя, и нашелъ средство заставить его рѣшиться вывести его на сцену: 9-го я былъ уже въ тюрьмѣ!!! Онъ зналъ, что дѣлаетъ преступленіе, онъ хотѣлъ бы скрыть его отъ Бога; ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ, какъ опытный человѣкъ, умѣлъ скрыть его отъ людей и умѣлъ уладить его такъ, что его товарищи, ничего не подозрѣвая, полагали, что я названъ потому, что дѣйствительно былъ виновенъ! Когда, по несчастію, слуга мой (Пашковскій) попалъ въ ихъ руки, они думали, что онъ скрываетъ истину, тогда какъ онъ защищалъ ее. Напирая на этого человѣка, они выходили изъ границъ справедливости и съ помощію увѣщаній, этого средства, которое въ

*) Плацъ-маіоръ, полковникъ Богдановичъ, вслѣдъ за арестованіемъ Мяповскаго, лишился мѣста и также попался въ казематъ по оговору того же Заливаки.

рукахъ безсовѣстнаго человѣка не можетъ не достигнуть своей цѣли, когда онъ имѣетъ дѣло со школьникомъ или глупымъ слугою, у него вырвали ложное признаніе! Тотчасъ послѣ того показали его генералъ-губернатору и коменданту, какъ одержанную ими важную побѣду!

«Если въ томъ, что я теперь сказалъ, естъ хотя одно сло несправедливое, въ которомъ я не былъ бы убѣжденъ по совѣсти, я буду жалкій трусъ, достойный одного презрѣнія! Но если говоря, какъ я теперь говорилъ, я былъ справедливъ и чистосердеченъ, то я ссылаюсь на людей безпристрастныхъ и правдолюбивыхъ и спрашиваю: имѣлъли я право, неупоминая уже о лицахъ, которыя хочу забыть, почитать ихъ моими убійцами и палачами?!!?

Іосифъ Мяновскій.

Случай съ перехваченною запискою, послужившею поводомъ къ такому рѣзкому, смѣлому и чрезвычайно оскорбительному для Анисимова и его сотрудниковъ объясненію профессора Мяновского произошелъ, какъ замѣтитъ читатель, въ то время, когда предсѣдатель успѣлъ уже, по просьбѣ моей, окончить критическій разборъ дѣла и убѣдиться если не въ совершенной невинности Велька, Мяновскаго, Чигарева, Богдановича и, въ особенности, Хрульковича *) то по крайней мѣрѣ въ положительной недостаточности доказательствъ къ уликѣ ихъ въ близкомъ знакомствѣ и дружескихъ связяхъ съ эмисаромъ Залѣсскимъ, самое пребыванія котораго въ Вильнѣ, вслѣдствіе противорѣчій въ показаніяхъ и по отсутствію осязательныхъ признаковъ, подлежало нѣкоторому сомнѣнію и потому требовало строжайшей повѣрки.

Не трудно понять, что въ первыя 5 или 6 недѣль

---

*) Поводъ къ арестованію смотрителя училища Хрулькевича дѣйствительно оригиналенъ. Онъ содержался потому только, что у него жилъ когда-то въ передней мальчишка Заливако, близко знакомый студенту Возняковскому, автору вышеупомянутой поэмы «Вильянка».

пребыванія флигель-адъютанта Назимова въ Вильнѣ (послѣ чего онъ уѣзжалъ за семействомъ въ Петербургъ и возвратился только 27 января) онъ, какъ человѣкъ новый, конечно былъ подъ вліяніемъ убѣжденій Мирковича, Фрейганга, членовъ коммисіи и, въ особенности, ловкаго и хитраго полковника Юферова и получилъ самое темное, мутное и сбивчивое понятіе обо всемъ, что до его назначенія успѣла выработать коммисія, но послѣ окончанія повѣрки, когда предсѣдатель ближе ознакомился съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, когда онъ вполнѣ убѣдился, что оно далеко не кончено и когда ему были извѣстны уже нѣкоторыя обстоятельства, доказывавшія, что члены коммисіи не безпристрастно смотрятъ на вещи, что они съ видимымъ удовольствіемъ, съ злорадствомъ, принимаютъ только тѣ показанія, которыя болѣе или менѣе, прямо или косвенно, совпадаютъ съ ихъ убѣжденіями въ существованіи заговора и общими силами, упорно отвергаютъ все то, что противорѣчитъ этому убѣжденію—въ это время болѣе образованные изъ арестантовъ, при дѣлаемыхъ имъ вопросахъ, не могли не замѣтить въ Владимірѣ Ивановичѣ перемѣны, не могли не понять, что онъ строгъ, но вовсе не односторонъ и добивается не скораго, подобно прежнимъ членамъ, окончанія дѣла, но добросовѣстнаго обнаруженія истины. Вотъ чѣмъ только можно объяснить себѣ ту смѣлость, съ какою доведенный до отчаяннаго положенія професоръ Мясовскій рѣшился, въ защиту свою, доказывать, что Аннимовъ, для утоленія личной къ нему ненависти, посягнулъ на такое преступленіе, котораго устыдился бы и кровожадный убійца!

Естественно, что если бы Мяновскій осмѣлился говорить такимъ языкомъ прежде назначенія Назимова предсѣдателемъ, его непремѣнно засадили бы въ темную комнату, на хлѣбъ и на воду, какъ это было уже сдѣлано

съ нимъ одинъ разъ членомъ Покровскимъ *), а можетъ быть и забили бы въ кандалы, но въ то время ни Назимовъ, ни я, не допустили бы подобной этому пытки и потому, при докладѣ объясненія Мяновскаго, члены коммисіи ограничились, съ своей стороны, тѣмъ, что признали его пасквилемъ, не заслуживающимъ вниманія и весьма понятною хитростію закоренѣлаго преступника, употребленною съ цѣлію избавиться отъ ожидающей его отвѣтственности, а оскорбленіе, сдѣланное при этомъ случаѣ лично Аниcимову, заключено было имѣть въ виду при окончательномъ рѣшеніи дѣла Мяновскаго.

Такъ шли занятія коммисіи. Новыхъ показаній ни Заливако, ни Павловскій не дѣлали болѣе; густой, непроницаемый мракъ все еще покрывалъ затронутые, но ни чѣмъ не разрѣшенные вопросы о заговорѣ и тайномъ обществѣ; оговоренныя въ преступленіяхъ лица не сознавались; Аниcимовъ настоятельно увѣрялъ, что въ сознаніяхъ этихъ людей не предстояло ни какой надобности потому что трехъ свидѣтелей (Заливако, Павловскаго и Пашковскаго) достаточно, по закону, чтобы уличить упорныхъ преступниковъ; генералъ-губернаторъ не переставалъ настаивать, какъ и при самомъ началѣ * чтобы коммисія непремѣнно раскрыла всѣ отрасли подозрѣваемыхъ тайныхъ обществъ, которыя, по его собственнымъ словамъ, не осязаемы, хотя всѣ ихъ чувствуютъ. (!!!) Дѣло нисколько не подвигалось впередъ, заключенные не переставали жаловаться на не заслуженныя ничѣмъ страданія, а нѣко-

---

* Это видно изъ рапорта полковника Назимова генералу Мирковичу, отъ 2 августа 1841 года, за № 144. Тамъ же упомянуто о жестокихъ истязаніяхъ, которыя претерпѣли Павловскій и Пашковскій, прежде чѣмъ рѣшились лгать **Прилож. № 3, глав. XII.**

* Рапортъ Мирковича къ Военному Министру, отъ 21 мая 1840 года, за **№ 310.**

торые изъ нихъ, въ томъ числѣ и професоръ Велькъ, потерявъ терпѣніе, покушались на самоубійство!... *).

Въ этомъ безвыходномъ положеніи флигель-адъютанъ Назимовъ, какъ человѣкъ религіозный, рѣшился испробовать еще одно средство. Онъ убѣдительно просилъ достойнѣйшаго изъ достойныхъ о. архимандрита Платона (нынѣшняго архіепископа Одесскаго), посѣтивъ въ казематахъ одиночно содержавшихся арестантовъ православнаго исповѣданія, подѣйствовать на нихъ силою религіи и уговорить, что бы они, по случаю наступленія великаго поста, очистили свою совѣсть чистосердечнымъ признаніемъ во всемъ, что предпринималось ими къ нарушенію спокойствія и благоденствія, которыми наслаждалась тогда Россія. Но и эта мѣра не привела къ желанному разъясненію, не взирая на то даже, что Владиміръ Ивановичъ, снова собиравшійся отправиться на нѣсколько дней въ Петербургъ къ бракосочетанію нынѣ царствующаго государя * обѣщалъ преступникамъ исходатайствовать при этомъ случаѣ помилованіе, если только раскаяніемъ и полною откровенностію они окажутся достойными помилованія.

Но всѣ эти усилія, всѣ благородныя стремленія Назимова добиться правды неувѣнчались ни малѣйшимъ успѣхомъ. И Богдановичъ, и Мяновскій и Велькъ, и всѣ офицеры (заисключеніемъ Кузьмина-Караваева и де-Люсине, со множествомъ оговоренныхъ Заливакою и Павловскимъ лицъ разнаго званія, клялись всѣмъ, что для нихъ свято что не знаютъ никакого тайнаго общества, ни какого за-

*) Намѣреніе Велька повѣситься было замѣчено часовымъ и вовремя остановлено, а зарѣзавшійся студентъ Горничъ оставилъ письмо на имя государя, приписывая причину самоубійства невыносимому съ нимъ обращенію бывшаго члена коммисіи, корпуса жандармовъ подполковника Лобри, человѣка образованнаго, бывшаго инженера, но лѣнтяя, усвоившаго себѣ образъ дѣйствій Анисимова (см. 26, X).

**) Которое совершилось 16 апрѣля 1841 года.

говора и страдая совершенно невинно, не видятъ конца своимъ мученіямъ!! *)

Между тѣмъ прежніе члены коммиссіи начали болѣе и болѣе обращать вниманіе на осторожность, съ какою Владиміръ Ивановичъ относился ко всѣмъ открытіямъ коммисіи, сдѣланнымъ до его пріѣзда въ Вильну и происшедшую въ немъ перемѣну приписывали непосредственно моему вліянію и потому зорко слѣдили за мною и сильно заботились объ изысканіи случая уронить меня въ мнѣніи начальника края.

Поводъ къ этому нсзамедлилъ представиться,

Утромъ, 24 марта 1841 года, приглашена была въ коммисію молодая дама, г-жа Конча, мужъ которой, по подозрѣнію въ сочуствіи къ Конарскому, былъ высланъ административнымъ порядкомъ на жительство въ Великій-Устюгъ Вологодской губерніи. Ей слѣдовало вручить полученное на ея имя письмо мужа, который описывалъ какъ убиваетъ онъ скучное время въ разлукѣ съ нею и какъ ему отрадно было видѣть въ первый день Рождества Христова восторгъ приглашенныхъ имъ со всего города гостей—малютокъ, долго любовавшихся приготовленными имъ къ елкѣ подарками, заключавшимися въ шеколадныхъ и сахарныхъ лошадкахъ, козликахъ, собачкахъ, пѣтушкахъ, кошечкахъ, свинкахъ, коровкахъ, волахъ, ослахъ и т. п.

Госпожу Кончу коммисія вытребовала для того, чтобы, по предписанію генералъ-губернатора, спросить объ условномъ значеніи всѣхъ поименованныхъ въ письмѣ мужа ея животныхъ. Блѣдная, какъ смерть, она облобызала письмо мужа, пробѣжала его наскоро и, прочитавъ приготовленный ей на бумагѣ вопросъ, горько улыбну-

*) Караваевъ и де-Люсине были преступники, но не политическіе. Они виновны были въ отступленіи отъ обязанностей гарнизонной службы и передачѣ въ городъ переписки ярестантовъ.

лась и спросила: неужели это простое описаніе елки съ козлами, свиньями и ослами, можетъ кинуть новую тѣнь подозрѣнія на ея несчастнаго мужа? Но прежде, чѣмъ молодая красавица собралась съ силами взять въ руки перо, чтобы написать свое краткое объясненіе, съ нею сдѣлался обморокъ и она едва не свалилась со стула: подали воду, спиртъ, уксусъ и eau de cologne. По приведеніи въ чувство, она спросила: неужели меня отсюда не выпустятъ?»—Когда ее успокоили, она написала свое объясненіе и поспѣшила уѣхать.

Въ тотъ же день, послѣ 11-ти часовъ вечера, въ присутствіи заблаговременно приглашеннаго мною члена Покровскаго, я отобралъ отъ профессора Мяновскаго письменное объясненіе по дѣлу, относившемуся не до него собственно, но до другого аретанта, помѣщика Зенона Залѣскаго (однофамильца эмисара.) Въ этотъ день, по случаю говѣнья, мнѣ довелось, кромѣ утреннихъ занятій, быть три раза на церковномъ, довольно продожительномъ служеніи. Отъ усталости и изнеможенія я едва сидѣлъ; при распрашиваніи былъ нетерпѣливъ и часто хватался за голову, которая сильно болѣла. Замѣтивъ это и видя предо мною принесенные утромъ для г-жи Кочи атрибуты, Мяновскій боязливо спросилъ меня: «Что вы чувствуете, полковникъ? Недурно ли вамъ?—Не имѣя надобности въ его совѣтахъ, но и не желая оскорбить его отрывистымъ отвѣтомъ, я сказалъ, что страдаю съ нѣкотораго времени сильнымъ растройствомъ нервъ и чувствую иногда что-то похожее на внутренній выстрѣлъ изъ желудка въ темя. Выслушавъ отвѣтъ мой, професоръ оторвалъ клочокъ бумаги и, написавъ на немъ слова: lapis infernalis и мѣру пріема, подалъ мнѣ клочокъ и просилъ, показавъ его какому либо врачу въ городѣ, посовѣтоваться съ нимъ и принимать это лекарство. Я свернулъ эту бумажку и засунувъ за обшлагъ сюртука,

забылъ о ней и скоро потерялъ гдѣ-то. потому что на леченіе положительно не имѣлъ времени.

Антогонисты обрадовались удобному случаю сдѣлать доносъ, что я, при снятіи допросовъ съ арестованнаго доктора Мяновскаго, позволяю себѣ пускаться съ нимъ въ разговоры, вовсе до дѣла не касающіеся и совѣтуюсь съ нимъ о моемъ здоровьѣ.

Генералъ-губернаторъ, сообщивъ объ этомъ флигель-адъютанту Назимову, предписалъ потребовать отъ меня, объясненіе, которое нисколько не затруднило меня, а напротивъ дало надежду, что по происками моихъ добрыхъ товарищей буду скоро уволенъ изъ коммисіи, чего я искренно желалъ, но судьбѣ угодно было распорядиться мною совершенно иначе!

Кончился великій постъ; приближался праздникъ Пасхи. Коммисія закрылась по 7-е апрѣля. Предсѣдателемъ сдѣланы были всѣ нужныя распоряженія, какъ по присмотру за арестантами, такъ и относительно очереди между членами, долженствовавшими присутствовать при свиданіи заключенныхъ съ ихъ родственниками въ продолженіи праздниковъ. Возвращаясь домой, я невольно задумался и, повѣряя себя, спрашивалъ: что же сдѣлалъ я путнаго въ теченіи этихъ 2-хъ мѣсяцевъ? что открылъ новаго?— Правда, я нашелъ много безпорядковъ, много несообразностей, много недомолвокъ и пробѣловъ, но къ чему повели всѣ эти открытія? — Подкараулилъ записку Мяновскаго и заставилъ его высказаться, но въ объясненіи Мяновскаго, кромѣ справедливыхъ или незаслуженныхъ нападковъ на Аниспмова, ничего новаго не высказано и— что всего важнѣе—вовсе не упомянуто объ эмисарѣ, въ сношеніяхъ съ которымъ профессоръ оговаривался не только посторонними людьми (Заливакою и Павловскимъ), но и собственнымъ его слугою, Пашковскимъ. Признаюсь, что воображеніе мое было такъ настроено, что я во вся-

комъ встрѣчномъ подозрѣвалъ Адольфа Залѣсскаго — и тутъ только пришло мнѣ на мысль подробнѣе распросить Заливаку, Павловскаго и въ особенности Пашковскаго о наружности, лѣтахъ и особыхъ примѣтахъ эмисара. Какъ ни глупъ этотъ Пашковскій, подумалъ я, все же онъ въ состояніи отличить стараго отъ молодаго, брюнета отъ блондина, бородатаго отъ бритаго, великана отъ карлика и здороваго толстяка отъ чахлаго скелета. Изъ сличенія этихъ показаній и разъясненія нѣкоторыхъ противорѣчій я все еще надѣялся добиться чего нибудь похожаго на правду.

Въ продолженіи праздниковъ мнѣ не только приходилось часто совѣщаться съ флигель-адъютантомъ Назимовымъ, но и просиживать у него по цѣлымъ ночамъ за перечитываніемъ матеріаловъ, изъ которыхъ мало по малу, какъ бы мозаическимъ способомъ, выработалась картина бѣдствія, угрожающаго спокойствію Россіи!...

Праздники кончились; наступилъ замѣчательный день 7-е апрѣля. Мы снова очутились въ коммисіи.

Глава VI.

Пріятная и вмѣстѣ потрясающая новость, или улика слѣдователей въ преступномъ вымогательствѣ явной лжи. Длинный рядъ неоспоримыхъ доказательствъ преступленія и полное сознаніе главнаго виновника Анисимова. Крайне неловкое положеніе Мирковича.

— Что это съ вами, спросилъ меня Владиміръ Ивановичъ Назимовъ, когда я возвратился въ присутствіе коммисіи изъ камеры арестанта Павловскаго, куда ходилъ для разъясненія нѣкоторыхъ противорѣчій въ его показаніяхъ? На васъ лица не видно, вы сильно встревожены чѣмъ-то: скажите, что это значитъ?

— Да отвѣчалъ я, садясь на свое мѣсто. Я не могу опомниться послѣ того, что сію минуту услышалъ и по-

корнѣйше прошу сейчасъ-же послать за Павловскимъ и распросить его подробно о томъ, зачѣмъ я приходилъ къ нему и что узналъ отъ него?

Предсѣдатель позвонилъ и, приказавъ привести Павловскаго, снова обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «что-же такое случилось съ вами»?

— Вамъ извѣстно, господа, отвѣчалъ я, относясь къ предсѣдателю и членамъ коммисіи, что при чтеніи снятыхъ съ арестантовъ показаній, въ числѣ многихъ другихъ замѣтокъ, порученныхъ моей повѣркѣ, было обращено вниманіе и на то обстоятельство, что Павловскій, въ двухъ разновременно данныхъ имъ показаніяхъ, одно и тоже дѣйствіе приписываетъ двумъ разнымъ лицамъ, а потому, для выигрыша времени, я самъ зашелъ въ его камеру и, предъявивъ ему оба разнорѣчивыя показанія, велѣлъ хорошенько припомнить и собственноручно написать, гдѣ вкралась ошибка?—Онъ, послѣ долгаго молчанія, на повторенный мною нѣсколько разъ вопросъ, отвѣчалъ наконецъ, что ему кажется, что я отъ него требую настоящей правды, а на отвѣтъ мой: «Какъ вы смѣете сомнѣваться въ этомъ?—Павловскій, поблѣднѣвъ какъ полотно и почти задыхаясь, боязливо выговорилъ, что хотя отъ него и прежде не требовали, чтобы онъ лгалъ, но при допросахъ наводили обыкновенно на мысль, какъ и что именно онъ долженъ отвѣчать на предлагаемые ему вопросы.

— Вы поймете, господа, что послѣ такого заявленія мнѣ не возможно было продолжать одному мои распросы.

Едва только введенный въ присутствіе и дрожавшій отъ страха и сильнаго смущенія Павловскій началъ, по требованію предсѣдателя разсказывать происходившій между имъ и мною разговоръ и дошелъ до словъ, что его наводили на мысль какъ и что именно онъ долженъ показывать, какъ членъ Анисимовъ, вско-

чивъ съ мѣста, сдѣлалъ угрожающее движеніе и, казалось, готовъ былъ задушить Павловскаго, но предсѣдатель, понимая вполнѣ всю важность этой минуты, поспѣшилъ строгимъ голосомъ остановить неожиданный порывъ Анисимова, пригласивъ его сидѣть смирно и молча, слушать, а Павловскому велѣлъ спокойно продолжать прерванный разсказъ, но помнить, что новая ложь подвергнетъ его сугубой отвѣтственности.

Трудна была въ это мгновеніе роль Павловскаго! Видно было, что ему невыносимо тяжело стоять лицомъ къ лицу съ особами, которыхъ онъ обязанъ былъ уличать въ истязаніяхъ и вымогательствѣ отъ него ложныхъ извѣтовъ, уличать въ ужасномъ преступленіи! Но, собравшись съ силами, онъ разсказалъ присутствію, что новый членъ, войдя сегодня въ его камеру со смотрителемъ и предъявивъ ему разнорѣчіе, найденное имъ въ двухъ разновременно данныхъ показаніяхъ по одному и тому-же предмету, потребовалъ отъ него объясненія: которое изъ двухъ показаній справедливо: то-ли, гдѣ онъ разсказываетъ о Мяновскомъ, или то, гдѣ тоже самодѣйствіе приписываетъ онъ другому профессору, и именно Вельку? . . . . . .

Далѣе Павловскій объяснилъ, что хотя онъ и понялъ хорошо предложенный ему вопросъ, но ему какъ-то не вѣрилось, что отъ него требуютъ настоящей правды, а потому онъ долго не отвѣчалъ, выжидая по обыкновенію, не будетъ-ли данъ ему хотя косвенный намекъ на то, кого онъ долженъ назвать въ этомъ случаѣ изъ двухъ оговоренныхъ имъ профессоровъ, и замѣчая, что полковникъ начиналъ обнаруживать нетерпѣніе и неудовольствіе за его довольно продолжительное молчаніе, онъ растерялся и положительно не зналъ, какъ ему вывернуться и что отвѣчать? Наконецъ рѣшился признаться, что оба предъ-

явленныя ему показанія суть совершенная ложь, на которую онъ долженъ былъ по неволѣ посягнуть въ угодность г. Анисимову.

Тутъ Анисимовъ снова не вытерпѣлъ, но едва только успѣлъ выговорить: «какъ ты смѣешь?» какъ предсѣдатель грозно закричалъ на него и безъ церемоніи приказалъ замолчать подъ опасеніемъ, что въ противномъ случаѣ онъ въ ту же минуту арестуетъ его! Сцена была тяжелая, потрясающая!

Возстановивъ порядокъ, полковникъ Назимовъ спросилъ Павловскаго: «чѣмъ вы можете доказать, что теперь говорите правду, а прежде точно лгали и лгали по неволѣ, въ угодность г. Анисимову? Развѣ васъ учили лгать?— Не бойтесь ничего, говорите чистосердечно.

— Никто и никогда не училъ меня открыто лгать, сказалъ Павловскій, видимо убѣдившійся, что настала пора говорить сущую правду, но при допросахъ гг. члены обыкновенно наводили меня на мысль, что и на кого я долженъ былъ показывать, а при исправленіи черновыхъ моихъ показаній ободряли увѣреніемъ, что все, мною объявленное, вполнѣ справедливо и давно уже извѣстно коммисіи изъ объясненій другихъ, подобно мнѣ, раскаявшихся преступниковъ, которые признаніемъ искупили уже свое преступленіе. Послѣ этого, продолжалъ Павловскій, исправляли и давали мнѣ переписывать начисто мои черновыя показанія.

На вопросъ предсѣдателя: «неужели вы не понимали, какой страшной отвѣтственности подвергались за ложные извѣты?» Павловскій отвѣчалъ, что понималъ, и потому въ первоначальныхъ показаніяхъ онъ со всею искренностію разсказалъ обо всемъ, что только зналъ, равно и о томъ, что заставило его рѣшиться на принятіе приглашенія Возняковскаго — бѣжать за границу; но далѣе, когда отъ него настоятельно требовали признанія въ при-

надлежаніи къ заговору противъ правительства и какому-то тайному обществу, о которыхъ не имѣлъ понятія, онъ долго отговаривался и много вытерпѣлъ жестокихъ истязаній прежде чѣмъ рѣшился безъ разбора подтверждать все, о чемъ его спрашивали и дополнять тѣмъ, на что ему намекали, единственно для того, чтобы избавиться истязаній, которыя онъ долго переносилъ отъ г. Анисимова, а иногда и отъ г. Покровскаго.

На новый вопросъ флигель-адъютанта Назимова: «чѣмъ можетъ онъ доказать справедливость своего настоящаго извѣта?» Павловскій сначала вызвался принять присягу въ доказательство своей искренности, но когда ему объяснили, что въ подобныхъ случаяхъ присяга недопускается, то онъ, къ изобличенію членовъ коммисіи въ томъ, что имъ хорошо извѣстно было, что онъ лгалъ, разсказалъ слѣдующій случай:

Въ сентябрѣ 1840 года онъ былъ наведенъ на мысль сдѣлать показаніе, будто лично извѣстный ему эмисаръ Адольфъ Залѣсскій, въ январѣ 1839 года, идучи съ кувшиномъ воды отъ Святоянскаго колодца по направленію къ Большой улицѣ, и повстрѣчавшись на углу дома, называемаго Кардоналіей, съ офицеромъ Булатовымъ, толкнулъ его такъ сильно, что тотъ ударился головою о фонарный столбъ, за что эмисаръ былъ задержанъ и, назвавшись слугою профессора Мяновскаго, отправленъ сперва на гауптвахту, а оттуда въ полицію, гдѣ содержался 13 дней, въ продолженіи которыхъ получалъ пищу поочередно отъ Мяновскаго и Велька, и освобожденъ по ходатайству графини Забѣлло Но черезъ нѣсколько дней, продолжалъ Павловскій, тѣ же члены коммисіи, пригласивъ его въ присутствіе, заставили переписать прежнее показаніе, перемѣнивъ въ немъ одно только слово, именно январь на мартъ мѣсяцъ, по той причинѣ, какъ объяснили ему гг. Ани-

симовъ, Покровскій и Городецкій, что эмисаръ Залѣсскій могъ быть въ Вильнѣ въ январѣ 1839 года (передъ казнью эмисара Симона Канорскаго) но что полкъ, въ которомъ служилъ Булатовъ, какъ оказалось по справкѣ, вступилъ въ Вильну только въ февралѣ, стало быть эмисаръ не могъ встрѣтить Булатова и поссориться съ нимъ въ январѣ *).

Не оберусь описывать, что должно было происходить въ душѣ Анисимова при слушаніи этого знаменательнаго обличенія, тѣмъ болѣе, что улика была на лицо, потому что между сохранившимися у меня черновыми бумагами. найденными, какъ помнитъ читатель, г. Лукьяновымъ, дѣйствительно, оказались собственноручныя показанія, данныя Заливакою **) и Павловскимъ 25 сентября 1840 года и подмѣненныя подшитыми къ дѣлу такими-же, тоже собственноручными показаніями (и подъ тѣмъ же 25 числомъ сентября). Послѣднія тѣмъ только и отличались отъ первыхъ, что въ нихъ вмѣсто января показанъ былъ мартъ мѣсяцъ, и именно 4-е марта 1839 года, т. е. не безъ разсчета, избранъ былъ день, когда около дома Кардиналіи должна была быть тѣснота, по

---

*) Подробное донесеніе объ этомъ подлогѣ, послужившемъ основаніемъ къ аресту такихъ лицъ, какъ Богдановичъ, Чигеревъ, Мяновскій и Велькъ, представлено было флиг.-ад. Назимовымъ военному министру 2 августа 1841 года, за № 115. Нельзя не отдать справедливости Городецкому, который озаботился поправить ошибку въ содержаніи этого извѣта.

**) Казалось бы, что въ виду такого страшнаго обвиненія членовъ коммиссіи слѣдовало тотчасъ-же, удаливъ Павловскаго изъ присутствія, привести и допросить Заливаку о причинѣ подмѣна показанія, даннаго отъ 25 сентября и, въ случаѣ разногласія съ Павловскимъ, дать имъ очную ставку, которая въ туже минуту могла выяснить очень многое, а потомъ потребовать отъ изобличаемыхъ въ подлогѣ членовъ коммиссіи сообразныхъ обстоятельствамъ объясненій, но предсѣдатель счелъ нужнымъ объясниться предварительно съ начальникомъ края и потомъ уже, въ присутствіи его превосходительства, пригласить обвиняемыхъ—или сознаться въ подлогѣ, или уличить въ новой лжи ихъ обвинителей. Но тутъ встрѣтилось препятствіе...

случаю храмоваго праздника въ сосѣднемъ костелѣ св. Казиміра. Нельзя-ли подивиться непостижимой безпечности членовъ, не озаботившихся въ свое время уничтожить матеріальныя улики, ловко придуманнаго кѣмъ-то изъ нихъ подлога! Но и на мудреца бываетъ довольно простоты, говоритъ русская пословица. Видно судьба сжалилась надъ несчастными жертвами лжепатріотовъ!

Не менѣе тяжко было и положеніе сидѣвшихъ съ нами членовъ Покровскаго и Стратановича, подписавшихъ какъ тѣ, такъ и другія показанія, осязательно обличавшія въ потворствѣ явному подлогу. Извѣстіе объ этомъ открытіи и признаніи Павловскаго не могло не привести въ ужасъ и остальныхъ, уже выбывшихъ изъ коммисіи, членовъ, подписавшихъ какъ подлинныя, такъ и подмѣненныя показанія, Гарижскаго и Городецкаго, изъ которыхъ послѣдній, подкопавшій яму бывшему его начальнику, плацъ-маіору Богдановичу и успѣвшій выслужиться и занять его мѣсто, жестоко притѣснялъ этого несчастнаго старика, который, валяясь на голомъ полу и дыша смраднымъ воздухомъ, до пріѣзда Назимова, ни на минуту не выпускался изъ каземата! *).

Кромѣ анекдота о встрѣчѣ эмиссара съ подпоручикомъ Булатовымъ Павловскій разсказалъ коммисіи и другой случай, не менѣе перваго доказывающій, что до прибытія фзигель-адъютанта Назимова, или во время его отсутствія, Анисимовъ и другіе, солидарные съ нимъ члены коммисіи, дѣйствительно имѣли полную возможность для извѣстныхъ имъ цѣлей, заставлять его и Заливку дѣлать какіе угодно извѣты. На примѣръ:

Въ первыхъ числахъ января 1841 года былъ присланъ

---

*) Въ чемъ, какъ увидитъ читатель, убѣдился и генералъ-адъютантъ Кавелинъ.

въ Вильну, по высочайшему повелѣнію, флигель-адъютантъ Баратынскій для производства слѣдствія по содержанію полученнаго въ Петербургѣ свѣдѣнія о томъ, что владѣлецъ пограничныхъ съ Пруссіею имѣній, князь Ириней Огинскій, враждебно относится къ войскамъ, у него квартирующимъ и хранитъ большіе запасы оружія.

Не только въ казематѣ, но и на свободѣ, сказалъ Павловскій, я не могъ-бы знать о пріѣздѣ флигель-адъютанта, а тѣмъ болѣе о цѣли его прибытія въ Вильну, а тѣмъ болѣе о цѣли его прибытія въ Вильну, а между тѣмъ г. Покровскій при мнѣ разсказывалъ другимъ членамъ слышанную имъ въ домѣ генералъ-губернатора новость объ арестѣ князя Огинскаго и потомъ допрашивалъ меня, не принадлежитъ-ли Огинскій къ заговору? «Хотя я никогда не слыхивалъ фамиліи Огинскаго, добавилъ Павловскій, но, въ угодность г. Покровскому, далъ тогда же письменное показаніе, будто слышалъ отъ эмисара, что князь Огинскій и бывшій ректоръ академіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кучковскій, состоятъ въ числѣ членовъ тайнаго общества *). Тоже подтвердилъ и Заливако.

Сдѣланная по выходѣ Павловскаго справка вполнѣ подтвердила слова его. Оказалось, что флигель-адъютантъ Баратынскій пріѣхалъ въ Вильну ровно за два дня до появленія въ коммисіи извѣтовъ Павловскаго и Заливаки на князя Огинскаго (10 го января). Я поступилъ въ коммисію 14-го, а полковникъ Назимовъ возвратился изъ Петербурга 27-го января. Слѣдовательно и это новое показаніе, подобно прежнимъ, появилось въ дѣлѣ въ от-

*) Изъ донесенія Мирковича по этому предмету, отъ 30 января 1841 года № 86, видно, что по его требованію надъ Кучковскимъ, переселившимся въ Варшаву, тогда же учрежденъ былъ секретный надзоръ. Удивительно, что Кучковскій не подвергся аресту на равнѣ съ выданными имъ 17-ю студентами, заподозрѣнными имъ въ принадлежаніи къ тайному обществу и ночному бунту!

сутствіе Влидиміра Ивановича и до моего поступленія въ коммисію *).

Генералъ-губернаторъ, получивъ донесеніе коммисіи о сознаніи Павловскаго въ лживости большей части сдѣланныхъ имъ извѣтовъ, не повѣрилъ искренности его объясненій даже и тогда, когда Владиміръ Ивановичъ лично доложилъ ему о ссылкѣ Павловскаго на замѣчательный фактъ забракованныхъ коммисіею и найденныхъ мною показаній Заливаки и Павловскаго, данныхъ 25 сентября 1840 года на счетъ случая съ Булатовымъ и эмисаромъ и объ удачномъ совпаденіи новаго извѣта о князѣ Огинскомъ со временемъ пріѣзда въ Вильну флигель-адъютанта Баратынскаго. И то и другое обстоятельство приписывалось Федоромъ Яковлевичемъ ничего незначущей случайности!

Тутъ необходимо замѣтить, что начальникъ края хотѣлъ было оставить у себя предъявленныя ему г. Назимовымъ измѣненныя показанія о Булатовѣ, но Владиміръ Ивановичъ, считая документы эти слишкомъ для дѣла важными и опасаясь, чтобы они не исчезли при содѣйствіи покровительствовавшаго Анисимову, но скрывавшагося за ширмами полковника Юферова, члена Покровскаго и другихъ компрометированныхъ лицъ, не согласился выдать ихъ, тѣмъ болѣе, что генералъ-губернаторъ нисколько не скрывалъ уже непріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него признаніемъ Павловскаго, а равно и подозрѣнія, что предсѣдатель измѣнилъ свой прежній взглядъ на порученное коммисіи дѣло.

---

*) Баратынскій былъ командированъ въ Вильну вслѣдствіе письма Мирковича объ Огинскомъ, лично переданнаго Назимовымъ покойному Государю. Стало быть донесеніе коммисіи о томъ, что Огинскій принадлежитъ къ заговору было очень кстати. Оно оправдывало подозрѣнія Мирковича въ неблагонамѣренности Огинскаго къ законной власти. Его отвезли въ петропавловскую крѣпость подвергли строжайшему слѣдствію.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ признаніе Павловскаго (7 апрѣля) бросило новый свѣтъ на дѣло, Владиміру Ивановичу предстояло снова отправиться въ Петербургъ къ бракосочетанію нынѣ царствующаго Государя Императора. Онъ дѣйствительно измѣнилъ свой взглядъ на дѣло. Въ душу его невольно запала мысль, что не всѣ арестованные коммиссіею лица принадлежатъ къ заговору, если онъ точно существуетъ. Онъ, безъ сомнѣнія, предвидѣлъ, что въ отсутствіе его члены коммисіи не преминутъ озаботиться объ исправленіи всего, что было испорчено признаніемъ Павловскаго, но онъ былъ увѣренъ также, что я не допущу никакихъ насилій и смѣло могъ уѣхать.

Вскорѣ по возвращеніи предсѣдателя изъ Петербурга и другой, равносильной Павловскому извѣтчикъ, Серафимъ Заливако, послѣ очной ставки, данной ему съ наставникомъ Хрулькевичемъ, который умѣлъ подѣйствовать на его совѣсть, равномѣрно открылъ коммисіи, что и онъ большую часть своихъ показаній сдѣлалъ ложно, будучи въ заблужденіи, что подтвержденіемъ всѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ былъ спрашиваемъ въ коммисіи, онъ скорѣе освободится изъ подъ ареста. Въ доказательсто же, что онъ на этотъ разъ обѣщаетъ быть чистосердечнымъ, Заливако прежде всего признался, какимъ образомъ удалось ему обмануть коммиссію выдачею сфабрикованнаго имъ списка членовъ тайнаго общества (того списка, который, какъ заключительный фактъ, какъ ключъ къ тайнѣ, въ подлинникѣ былъ представленъ Государю Императору въ октябрѣ 1840 года). Списокъ этотъ написанъ Заливакою у себя въ камерѣ, вслѣдствіе того, что члены коммисіи замѣтили ему, что разновременное показаніе имъ большаго числа лицъ, будто-бы подписавшихъ кровію на вступленіе въ тайное общество, съ ихъ подлинными и услов-

выми именами, ни подъ какимъ видомъ не могло быть удержано въ памяти безъ пособія списка или записки, которые онъ вѣроятно имѣетъ, но скрываетъ отъ коммисіи.

Изъ дѣла видно было, что на эту проницательную догадку членовъ коммисіи Заливако отнюдь не возражалъ (подлинный протоколъ 16-го октября 1840 года) но просилъ дать ему два дня на размышленіе, на что коммиссія согласилась и Заливако, по прошествіи этого срока, выдалъ знаменитый списокъ.

Не говоря уже о томъ, что если члены коммисіи дѣйствительно были убѣждены, что Заливако долженъ имѣть памятную записку или списокъ членовъ тайнаго общества, то не для чего было церемониться съ нимъ и давать ему два дня сроку на какое-то размышленіе; они послѣ выдачи списка, слишкомъ недобросовѣстно поступили, обманувъ Мирковича, а съ нимъ — и Государя будто списокъ не выданъ Заливакою но былъ найденъ въ воротникѣ его шинели!!! Разность громадная! Невозможно было извинить коммисіи и того, что она не приняла никакихъ предосторожностей, чтобы Заливако, если только онъ точно имѣлъ какую-либо памятную записку, не скрылъ ее во все, или не сфабриковалъ, взамѣнъ ея, новой, приноровивъ содержаніе записки къ сущности сдѣланныхъ имъ до того извѣтовъ. Въ послѣднемъ случаѣ отъ Заливаки зависѣло внести въ новый списокъ, котораго отъ него настойчиво добивались, только тѣхъ заговорщиковъ, которые были уже имъ названы, и скрыть остальныхъ, добавя въ него кого попало.

Положеніе Анисимова и его сотрудниковъ было ужасно!!!

Естественно, что сознаніе Заливаки во лживости важнѣйшихъ его показаній, которыя были если не единственнымъ, то главнѣйшимъ поводомъ къ удаленію отъ долж-

ности полиціймейстера Серебрякова и аресту пристава Еленскаго, полковника Богдановича, товарища предсѣдателя уголовной палаты Чигарева, профессоровъ Мяновскаго и Велька, а также и смотрителя училища Хрулькевича, чрезвычайно удивило и напугало генералъ-губернатора, который по этому случаю счелъ нужнымъ лично прибыть въ присутствіе коммисіи (13-го мая 1841 года) и поручилъ мнѣ, вмѣстѣ съ членами Покровскимъ и Стратоновичемъ, этими строгими моими антогонистами, сходить въ камеру Заливаки и, внимательно распросивъ его о подробностяхъ, относящихся до составленія и выдачи списка, доложить ему отвѣтъ Заливаки.

По возвращеніи нашемъ изъ камеры Заливаки, мы доложили генералъ губернатору, что Заливако повторилъ при насъ наканунѣ сдѣланное признаніе, прибавивъ, что для приведенія въ исполненіе задуманнаго имъ намѣренія, онъ воспользовался тѣмъ случаемъ, когда, занимаясь составленіемъ письменныхъ отвѣтовъ безъ конвойнаго въ одной изъ комнатъ, занятыхъ присутствіемъ коммисіи, онъ запасся чернилами, наливъ ихъ въ перо, заткнутое бумажной пробочкой и непримѣтно спрятавъ его за сюртукъ свой. Въ доказательство же, что списокъ тотъ дѣйствительно сфабрикованъ имъ во время нахожденія подъ арестомъ, а не прежде, онъ тогда же подалъ намъ имѣвшійся въ камерѣ его и полученный имъ отъ одного изъ членовъ коммисіи переплетенный молитвенникъ на польскомъ языкѣ, изъ котораго, по словамъ его, онъ вырвалъ для обертки тайнаго списка толстый боковой листокъ, на которомъ добытою изъ-за усеницы кровію сдѣлалъ надпись: «до смерти никому не покажу!» Листокъ этотъ, свернутый квадратикомъ, вмѣстѣ съ вложеннымъ въ него и возвращеннымъ изъ Петербурга спискомъ, хранившійся при дѣлѣ, самимъ генералъ-губернаторомъ былъ развернутъ и приложенъ, для повѣрки словъ

Заливаки, къ принесенному имъ молитвеннику и оказался дѣйствительно изъ него вырваннымъ. О самомъ спискѣ заговорщиковъ, написанномъ на бумажной лентѣ, шириною въ вершокъ, а длиною около 6 ти вершковъ, Заливако объяснилъ, что клочекъ этой бумаги добылъ онъ изъ даннаго ему членами коммисіи нумера «Библіотеки для чтенія». Книга эта была отыскана. Слова Заливаки и тутъ подтвердились и даже перо, въ которое налиты были чернила, найдено. Мирковичу оставалось сознаться, что онъ былъ жестоко обманутъ!

Полковникъ Новицкій былъ въ это время въ отсутствіи по дѣламъ службы, а подполковникъ Коростовцевъ хотя и былъ на лицо, но, казалось, не вполнѣ понималъ, отчего товарищи его такъ сильно растерялись! Разоблаченныя Павловскимъ тайны сильно испугали членовъ коммисіи, которые имѣли еще опору въ Заливакѣ, но признаніе самого Заливаки произвело на нихъ потрясающее дѣйствіе! Предсѣдатель не церемонился съ ними и настоятельно требовалъ удаленія изъ коммисіи Анисимова, Покровскаго и Стратоновича (Городецкій и Горяжскій прежде выбыли изъ коммисіи)

Въ ожиданіи отвѣта на представленіе объ этомъ, Владиміръ Ивановичъ, вмѣстѣ со мною, снова прослѣдилъ всѣ вообще извѣты Заливаки и Павловскаго и сдѣлалъ вымѣтки о томъ, въ какомъ порядкѣ должно распрашивать Заливаку, а 15-го мая, призвавъ его въ присутствіе, приступилъ къ передопросу, на которомъ Заливако, перечисливъ всѣ тѣ показанія, за истину которыхъ онъ отвѣчаетъ, объявилъ въ глаза Анисимову, что всѣ остальныя суть совершенная ложь, которую, по его настоянію, онъ выдавалъ за истину въ полной увѣренности, что или обстоятельства, къ сознанію въ которыхъ былъ онъ склоняемъ, дѣйствительно открыты уже коммисіею, или она требуетъ такихъ извѣтовъ, лживость которыхъ хотя бы

и извѣстна была коммисіи, но показатели должны ихъ выдавать за истину.

Какъ ни правдоподобны, какъ ни очевидны были ссылки Павловскаго и Заливаки на явное желаніе Анисимова, Покровскаго и Городецкаго заставить ихъ лгать, какъ ни велико, какъ ни пламенно было желаніе наше окончательно распутать дѣло и какъ возможно скорѣе отворить двери невинно-заключеннымъ жертвамъ звѣрства, невѣжества и фанатизма, но изъ опасенія, чтобы излишнею торопливостію не впасть изъ одной крайности въ другую, я счелъ обязанностію представить въ коммисію (16-го мая, за № 14) особое мнѣніе о томъ, чтобы предварительно начатія передопросовъ Заливаки и Павловскаго, по содержанію главнѣйшихъ извѣтовъ ихъ, былъ составленъ и утвержденъ коммисіею планъ веденія этихъ передопросовъ, на тотъ конецъ, чтобы словесные распросы не дали возможности смѣтливымъ и пріученнымъ ко лжи молодымъ людямъ заблаговременно обдумывать формальные отвѣты ихъ, примѣняясь къ тону, въ какомъ они словесно распрашиваются; а между тѣмъ, до окончанія передопросовъ Заливаки, Павловскаго, а потомъ и слуги Мяновскаго, Пашковскаго, и прежде вывода общаго изъ нихъ заключенія, гг. членамъ пріостановиться продолженіемъ производства тѣхъ особыхъ дѣлъ, которыя заведены по извѣтамъ Заливаки и Павловскаго и потому могутъ измѣнить характеръ свой соотвѣтственно силѣ ихъ отрѣченій.

Мнѣніе это было принято и составленный мною планъ веденія дальнѣйшихъ передопросовъ утвержденъ.

Между тѣмъ улики въ желаніи Анисимова и его подражателей увѣрить правительство въ существованіи придуманнаго ими заговора, часъ отъ часу становились яснѣе и осязательнѣе и довели его наконецъ до того жалкаго, до того ужаснаго, до того отчаяннаго положенія,

что онъ, истощивъ весь запасъ изобрѣтательности его къ изворотамъ, въ присутствіи другихъ членовъ. бросился на колѣни передъ флигель-адъютантомъ Назимовымъ и уже не оправдывался, не говорилъ какъ прежде что Павловскій и Заливако на него клевещутъ, что они подучены и настроены его врагами; нѣтъ онъ умолялъ только пощадить его и не погубить дѣтей, увѣряя, что если онъ и увлекся, то не изъ корыстныхъ видовъ, не изъ чувства мести къ кому либо изъ оговоренныхъ по его намекамъ лицъ, но единственно изъ приверженности (хороша приверженность!!!) и усердія къ престолу, и въ полномъ убѣжденіи, что безчисленныя, нескончаемыя козни поляковъ неизбѣжно угрожаютъ опасностію Россіи и ея Монарху!!!

Если, въ добавокъ ко всему этому, припомнить выраженное однажды убѣжденіе полковника Новицкаго: всѣ они здѣсь виноваты, ракаліи» то нельзя не согласиться, что съ этой минуты въ положеніи дѣла произошелъ крутой поворотъ и что Владиміру Ивановичу и мнѣ, хотя и издали, но ясно былъ видѣнъ берегъ!... Тѣ изъ заключенныхъ, которые не боялись суда, боялись только судей, начали оживать и надѣяться, что справедливостъ окончательно восторжествуетъ! Признаніе Анисимова поразило его подражателей. Положеніе Мирковича сдѣлалось крайне не ловкимъ! Какъ честный и добрый человѣкъ, онъ долженъ былъ радоваться, а какъ обманутый кругомъ начальникъ, онъ не могъ не страшиться строгой отвѣтственности.

Глава VII.

Замѣнъ Анисимова, Покровскаго и и Стратоновича новыми членами рапортъ подполковника Ломачевскаго, отъ 30 іюня 1841 года, за № 46, о тогдашнемъ положеніи дѣлъ, порученныхъ разбору коммисіи, начиная съ казни Канарскаго и копія отчетной картой о взаимной связи всѣхъ отраслей главнаго дѣла. На ней лживыя показанія Заливаки изображены постепенно увиличивающимися кругами.

Вопросъ объ удаленіи изъ коммисіи Анисимова, Покровскаго и Стратоновича замедлился разрѣшеніемъ и только на 9-й день т. е. 22 мая получено было предложеніе о назначеніи на ихъ мѣста новыхъ членовъ: подполковника Болдырева, гвардіи капитана Деркачева и адъютанта генералъ-губернатора, Мевеса. Но и тутъ полковникъ Юферовъ, который не могъ не предвидѣть, чѣмъ должно розыграться дѣло, далъ ему на всякій случай токой оборотъ, будто Анисимовъ не удаленъ, но самъ просилъ объ увольненіи его отъ званія члена коммисіи, а Покровскій и Стратоновичъ отозваны къ ихъ постояннымъ занятіямъ. *)

Но прежде удаленія этихъ членовъ, генералъ-губернаторъ, по совѣщанію съ предсѣдателемъ, пригласилъ меня къ себѣ 20 мая и убѣдительно просилъ, кромѣ обязанности члена, принять на себя и званіе дѣлопроизводителя коммисіи. Я согласился. Формальное представленіе объ этомъ отправлено было 21-го мая. Но каково было изумленіе Владиміра Ивановича, и мое собственное, когда онъ, вмѣсто изъявленія согласія, получилъ отвѣтъ начальника края, что онъ ему предоставляетъ избраніе дѣлопроизводителя изъ числа наличныхъ членовъ и при личномъ объясненіи, узналъ, что хотя генералъ и предложилъ мнѣ эту обязанность, но уже успѣлъ передумать, находя, что я руковод-

*) Рапортъ Мирковича военному министру, отъ 29-го мая 1841-го года, № 540 (прилож. № 2, глав. XII.)

ствуюсь однимъ только состраданіемъ и опасеніемъ осудить невиннаго, упуская изъ виду, какія то соотношенія государственныя и спокойствіе края. *)

По несогласію предсѣдателя назначить дѣлопроизводителемъ кого-либо изъ членовъ, кромѣ меня, обязанность эта возложена была генералъ-губернаторомъ на аудитора Ревельскаго егерскаго полка Шкурихина, о нетрезвомъ поведеніи и буйномъ характерѣ котораго въ тотъ же день получено было свѣденіе отъ Виленскаго коменданта Есакова и члена коммисіи Деркачева, о чемъ, не допуская этого ex-кантониста къ должности, тогда же донесено было Мирковичу, но ни отвѣта, не представленіе, ни новаго назначенія не послѣдовало.

Что-же касается до меня собственно, то глубоко оскорбленный такъ ясно выраженнымъ недовѣріемъ ко мнѣ начальника края, я поспѣшилъ донести обо всемъ этомъ шефу жандармовъ (25-го мая за № 40) и убѣдительно просилъ о немедленномъ увольненіи меня отъ обязанности члена коммиссіи и дозволеніи прибыть въ Петербургъ для личнаго доклада о тѣхъ замѣчательныхъ открытіяхъ, которыя послужили поводомъ къ удаленію изъ коммисіи трехъ членовъ, а 26 мая за № 41 донесъ объ этомъ и генералу Фрейгангу.

Можно представить себѣ, какъ торжествовалъ секретарь округа Стратановичъ, сообщая мнѣ, за отсутствіемъ генерала Фрейганга, копію съ предписанія шефа, которымъ поручалось объявить мнѣ строгое замѣчаніе за то, что я отнесся къ нему мимо ближайшаго начальника моего **) и требовалось объяснить ему, въ чемъ именно

*) Это подтверждается отвѣтомъ графа Бенкендорфа которому, при запискѣ князя Чернышева, за № 464, препровождено было на заключеніе донесеніе Марковича о сознаніи Заливаки во лживости его прежнихъ извѣтовъ.

**) Въ то время графъ Бенкендорфъ не зналъ еще, что П. И. Фрейгангъ держитъ себя особнякомъ и смотритъ на дѣло коммисіи глазами Гарижека-

заключаются обстоятельства заставившія меня просить увольненія изъ коммисіи и для личнаго доклада которыхъ я просилъ дозволенія на прибытіе въ Петербургъ? Отношеніе Стратоновича, отъ 15 іюня. за № 242, заключалось обѣщаніемъ, что строгое замѣчаніе будетъ мнѣ объявлено по возвращеніи генерала.

На этомъ основаніи, въ рапортѣ, отъ 18 Іюня, за № 45-мъ, я изложилъ подробно весь послѣдовательный ходъ занятій коммисіи, всю борьбу здраваго смысла съ предвзятыми убѣжденіями, до обнаруженія преступныхъ подлоговъ и удаленія по этому случаю членовъ Анисимова, Покровскаго и Стратоновича и, основываясь на ясно выраженномъ недовѣріи ко мнѣ начальника края доказывалъ, что для пользы дальнѣйшаго разбора дѣла необходимо тотчасъ же освободить меня отъ занятій по коммисіи, дабы тѣмъ окончательно устранить поводъ къ дальнѣйшимъ ссылкамъ на приписываемую мнѣ односторонность во взглядѣ на столь важное политическое дѣло. Это было началомъ опасной борьбы заправду!

Послѣ этого, при рапортѣ, отъ 30 іюня, за № 46, представилъ взглядъ мой на тогдашнее положеніе всѣхъ прежнихъ дѣлъ, порученныхъ разбору коммисіи и описаніе обстоятельствъ, предшествовавшихъ возникновенію дѣла о побѣгѣ студентовъ, начиная съ казни Канарскаго.

Къ этому же рапорту приложена была отчетная карта, съ помощію которой наглядным образомъ можно было обнять и уяснить себѣ основаніе, степень развитія и взаимную связь всѣхъ отраслей главнаго дѣла.

Все это, въ совокупности, имѣло цѣлію доказать, что я неповерхностно только, но глубоко изучилъ весь му-

го и Стратоновича, не только допустившихъ Анисимова обманывать правительство, но и участвовавшихъ сознательно въ подтасовкѣ ложныхъ извѣтовъ, наприм. о Булатовѣ и на выданномъ, но найденномъ у заливакѣ спискѣ заговорщиковъ.

дреный и сложный механизмъ дѣла прежде, чѣмъ рѣшился смѣло и торжественно протестовать противъ вопіющей неправды, противъ ошибочныхъ и, стало быть, вредныхъ мѣръ, вызванныхъ слѣпымъ довѣріемъ Мирковича къ его подчиненнымъ, но всѣ усилія мои ни къ чему не повели. Какъ ни тяжко было мнѣ видѣть, что Назимовъ, принимая живѣйшее участіе въ непріятномъ моемъ положеніи, видимо портитъ тѣмъ личныя свои отношенія къ начальнику края, но, скрепя сердце, я долженъ былъ остаться въ Вильнѣ и снова приняться за работу!

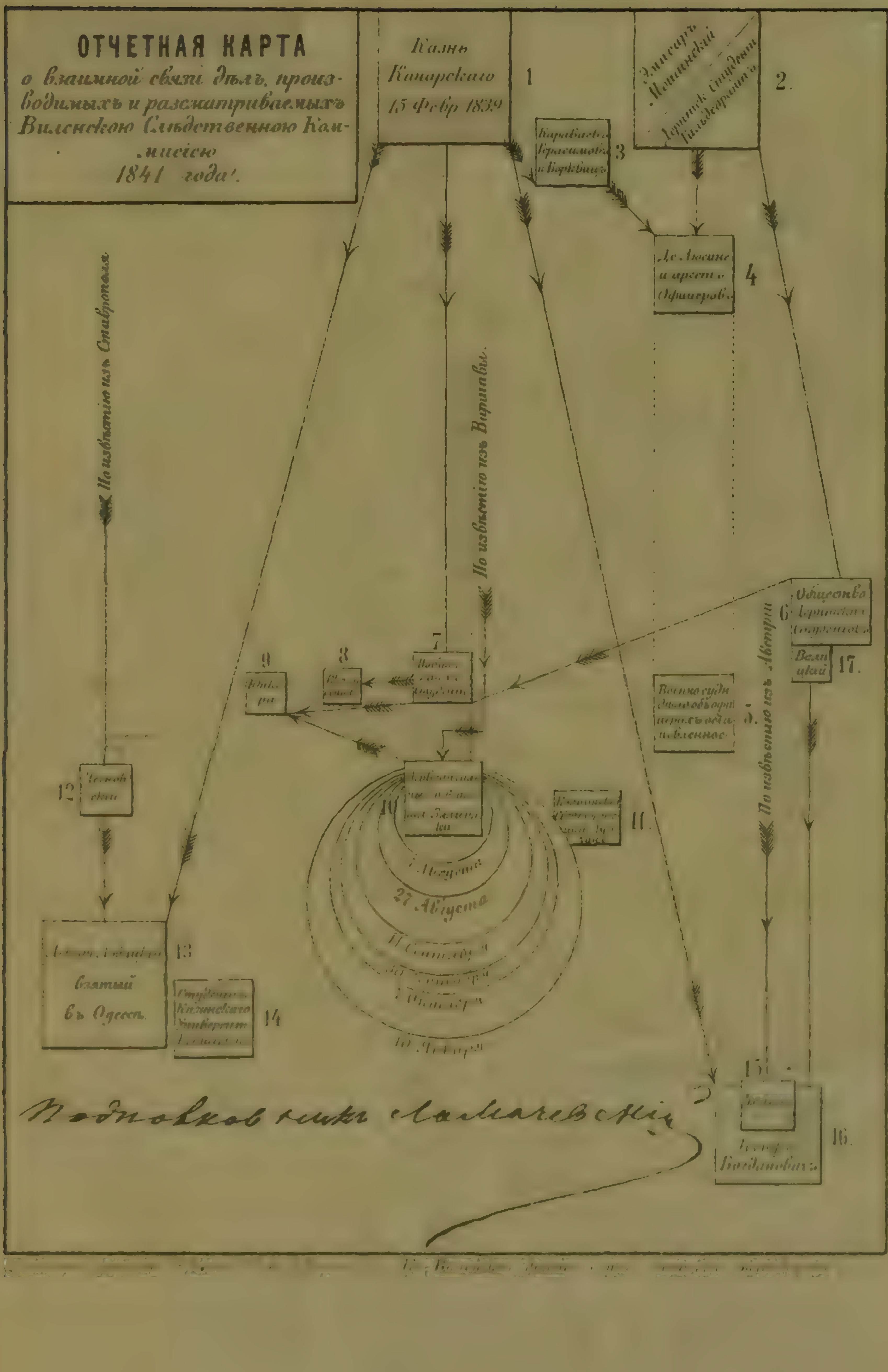
Упомянувъ объ отчетной картѣ моей, считаю не лишнимъ приложить здѣсь точную съ нея копію и объяснить значеніе изображенныхъ на ней 17-ти знаковъ:

1) Неудодное распоряженіе мѣстныхъ властей о совершеніи въ Вильнѣ казни Канарскаго—днемъ и при необыкновенномъ стеченіи народа и о разсылкѣ также днемъ, и притомъ цѣлыми партіями, осужденныхъ по этому дѣлу лицъ. Не трудно представить себѣ, какого рода впечатлѣніе произвели эти сцены на массу народа и, въ особенности, на молодежь.

2) Во время производства слѣдствія по дѣлу Канарскаго, въ томъ же Свято-Троицкомъ монастырѣ (бывшемъ Базиліанскомъ) содержался другой выходецъ Могилевскій и дерптскій студентъ Гильдебрандтъ, которымъ приписывалось учрежденіе тайнаго общества между дерптскими студентами (см. ниже № 6).

3) Въ тоже время содержались въ казематѣ подпоручикъ Кузминъ-Кораваевъ и прапорщики Герасимовъ и Барквицъ, обвиняемые въ связи съ политическими арестантами и упущеніяхъ обязанностей гарнизонной службы.

4) Черезъ 6 недѣль послѣ казни Канарскаго начались аресты военныхъ офицеровъ, по доносу отставнаго подпоручика (подсудимаго) Григорьева объ извѣстныхъ ему связяхъ эстляндскаго егерскаго полка прапорщика


ОТЧЕТНАЯ КАРТА
о взаимной связи дѣлъ, производимыхъ и разсматриваемыхъ Виленскою Слѣдственною Коммисiею
1841 года.
Казнь Конарскаго 15 Февр 1839
1
2.
3
4
По извѣтiю изъ Ставрополя
Общество
6
17.
5.
По извѣтiю изъ Австрiи
7
8
9
10
11.
12
27 Августа
13
взятый въ Одессѣ
14
15
16.

де-Люсине съ преступниками Мошинскимъ и Гильдебрандтомъ (см. № 2) и объ учрежденномъ ими тайномъ обществѣ между военнослужащими офицерами.

5) Военно-судное дѣло, объ офицерахъ, конченное и конфирмованное въ апрѣлѣ 1840 года, но къ счастію ихъ, неприведенное въ исполненіе и переданное въ коммисію

6) Дѣло о тайномъ обществѣ между арестованными, въ числѣ 14-ти человѣкъ, дерптскими студентами. (см. №№ 2 и 17)-

7) Побѣгъ 2-хъ студентовъ и гимназиста, привезенныхъ въ Вильну 1-го мая 1840 года.

Для обнаруженія истинной причины и цѣли этого побѣга генералъ-губернаторомъ Мирковичемъ учреждена была особая коммиссія и исходатайствовано повелѣніе о пріостановленіи исполненія конфирмаціи по дѣламъ 2, 3, 4, 5 и 6-й категорій, на тотъ конецъ, не откроется ли общей связи между этими дѣлами и цѣлію побѣга?

8) Арестъ 19-ти студентовъ виленской академіи, заподозрѣнныхъ ректоромъ Кучковскимъ въ неблагонамѣренности къ правительству (ночной бунтъ).

9) Привезенные изъ разныхъ мѣстъ юнкера, имена которыхъ встрѣчены въ подозрительной перепискѣ арестованныхъ лицъ.

10) Появленіе на сцену главнаго героя драмы 17-ти лѣтняго мальчика Серафима Заливаки и его первоначальныя, вполнѣ подтвердившіяся, показанія. данныя 4-го августа 1840 года. Они изображены на отчетной картѣ квадратомъ. Начало внушенныхъ ему членомъ Анисимовымъ вымысловъ, объявленныхъ имъ 27-го августа, 17 и 25 сентября, 7 и 16-го октября (кровію написанный списокъ заговорщиковъ) и 10 января 1841 года. Всѣ ложные извѣты Заливаки изображены постепенно увеличивающимися кругами.

11) Арестъ офицеровъ: Квицинскаго. Свенторжецкаго и Гурчина, неправильно оговоренныхъ Заливакою.

12) По извѣстію изъ Ставрополя арестованный юнкеръ Чесновскій и оговоренные имъ рядовые Рапчинскій и Рудзіевскій.

13) По найденнымъ у Рапчинскаго бумагамъ арестованъ въ Одессѣ бывшій студентъ виленской академіи лекарь Ловицкій, пламенный послѣдователь ученія Канарскаго, «авторъ найденной при немъ рукописи: «Очеркъ духа Виленской академіи».

14) Левицкій былъ поводомъ къ произведенію у всѣхъ 45-ти современныхъ ему медиковъ внезапнаго обыска, при которомъ у лекаря Микулича въ Пензѣ найдено было письмо студента казанскаго университета Вейштторта, изобличавшее послѣдняго въ неблагонамѣренномъ къ правительству образѣ мыслей. Вейштортъ доставленъ въ Вильну и арестованъ.

15 и 16) по полученному изъ Австріи свѣдѣнію былъ произведенъ внезапный обыскъ у управляющаго книжнымъ магазиномъ купца Глюксберга, австрійскаго подданнаго Іеленя и корректора Іосифа Богдановича, при чемъ у послѣдняго найдены собственноручныя бумаги въ возмутительномъ духѣ. Онъ сознался, что имѣлъ намѣреніе собрать шайку сорванцовъ изъ круга ремесленниковъ, произвести въ Вильнѣ вспышку и освободить политическихъ арестантовъ, а въ случаѣ неудачи—бѣжать заграницу (на этотъ предметъ собрана была сумма въ 6 злотыхъ!)

17) Мысль эта была внушена Богдановичу дерптскимъ студентомъ Валицкимъ, помѣшательство котораго послужило препятствіемъ къ скорѣйшему разбору дѣла № 6.

Примѣч. Квадратикъ № 17-го выдвинутъ изъ № 6-го по той причинѣ, что за исключеніемъ Валицкаго, всѣ

остальные дерптскіе студенты признаны были неправильно привлеченными къ слѣдствію.

Донесеніе мое, за № 46, заключалось слѣдующимъ вопросомъ: «чтоже открыла коммисія при изслѣдованіи причины и цѣли побѣга 3-хъ студентовъ?»—Первый взглядъ на отчетную карту мою показываетъ, что не только неблагонамѣренные къ правительству Ловицкій, Чесновскій, Вейштортъ. Возняковскій, Іосифъ Богдановичъ и имъ подобные молодые люди, которымъ терять нечего, обнаружены вовсе не коммисіею, но даже и появленіе Заливаки, этого невиннаго орудія, которымъ такъ искусно воспользовался Анисимовъ, есть слѣдствіе извѣстія, полученнаго изъ Варшавы.

Во всякомъ случаѣ, необыкновенныя и, можно сказать, безпримѣрныя обстоятельства, открытыя нынѣ коммисіею, доказываютъ, къ сожалѣнію, до какой степени опасно людямъ безъ сердца, ограниченныхъ способностей ума, не образованнымъ и непостигающимъ видовъ, выгодъ и благихъ намѣреній правительствъ—довѣрять дѣло государственной важности!

Понятіямъ этихъ людей недоступна непреложная истина, что для блага общаго столько же полезно карать виновныхъ, сколько вредно обвинять невинныхъ!»

Подполковникъ Ломачевскій».

№ 46.

Вильно.

30 іюня 1841.

Выше упомянуто, что, всѣ эти открытія, всѣ безсовѣстные подлоги слѣдователей обнаружены были въ то время, когда полковникъ Новицкій, имѣя особое порученіе, не присутствовалъ въ коммисіи и потому удаленные члены, подобно утопающему, который хватается за соломенку, ласкали себя надеждою, что съ возвращеніемъ Новицкаго можно будетъ чрезъ него болѣе или ме-

нѣе подѣйствовать на новыхъ членовъ и поддержать убѣжденіе Мирковича, что Назимовъ и Ломачевскій дѣйствуютъ односторонно и, изъ опасенія обвинить невиннаго, упускаютъ изъ виду государственную пользу и спокойствіе края!

Новые члены, назначенные также, какъ и забракованный Шкурихинъ, по рекомендаціи полковника Юферова, хотя и не могли открыто защищать ихъ предмѣстниковъ, преступныя дѣйствія которыхъ были уже слишкомъ очевидны, но они, по крайней мѣрѣ первое время, мѣшали успѣшному ходу разъясненій, тормозя ихъ требованіемъ выполненія не нужныхъ формальностей, а иногда отзываясь, что не ихъ дѣло судить о поступкахъ прежнихъ членовъ *).

Таково было настроеніе членовъ, составлявшихъ большинство коммисіи, потому что къ меньшинству принадлежали только предсѣдатель и я. Съ возвращеніемъ же г. Новицкаго перевѣсъ большинства долженъ былъ еще усилиться, но это усиленіе нисколько насъ не безпокоило, хотя къ большинству все еще принадлежалъ и самъ начальникъ края **), за то на сторонѣ меньшинства была правда!

Но какъ ни слабо дѣйствовали три новые члена, связанные болѣе или менѣе близкими отношеніями съ лицами, злоупотребленія которыхъ обнаруживались на каждомъ шагу, тѣмъ не менѣе они не въ состояніи были противостоять очевидности и не сознавать вопіющихъ злоупотребленій, когда они рельефно выдавались! скрѣпя сердце, они подписывали протоколы, въ которыхъ; между прочимъ,

*) Письмо флигель-адъютанта Назимова князю Чернышеву. отъ 29 іюня 1841, № 41.

**) Но онъ колебался уже и приготовлялъ правительство къ извѣстію о ничтожности дѣла, что заключилъ графъ Бенкендорфъ изъ прочитаннаго имъ рапорта Мирковича, отъ 29 мая 1841 года, за № 540. Рапортъ этотъ былъ переданъ графу Александру Христофоровичу княземъ Чернышевымъ.

разбирались не добросовѣстные поступки прежнихъ членовъ коммисіи.

Для примѣра приведу здѣсь два замѣчательныя происшествія:

1) Флигель-адъютантъ Назимовъ случайно узналъ, что Стратоновичъ, въ сентябрѣ 1840 года, идучи по Доминиканской улицѣ, замѣтилъ, что шедшій впереди его человѣкъ плюнулъ въ сторону въ то время, когда мимо проѣзжалъ архимандритъ Виленскаго Свято-Духова монастыря Платонъ (нынѣшній архіепископъ Одесскій) Стратоновичъ, удвоивъ шаги, настигаетъ плюнувшаго человѣка, смѣло хватаетъ его за шиворотъ, подзываетъ стоявшаго вблизи будочника и приказываетъ ему немедленно стащить этого мятежника въ полицію за то, что онъ плюнулъ на русскаго архимандрита!

Тщетно задержанный, показывая на висѣвшую на груди его медаль за турецкую войну, объявилъ, что онъ отставной поручикъ и что онъ точно плюнулъ, но не на проѣзжавшую духовную особу, которой вовсе невидалъ, а на неотвязчиваго попрошайку, приставшаго къ нему на улицѣ и желавшаго выманить у него что-то. Стратоновичъ, не принимая ни какихъ оправданій, повторилъ будочнику прежнее приказаніе, поручивъ ему сказать, что онъ пришлетъ въ полицію бумагу о поступкѣ этого негодяя. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ, при этомъ случаѣ, объявилъ свое званіе секретаря жандармскаго генерала.

По приводѣ задержаннаго въ полицію оказалось, что онъ дѣйствительно отставной поручикъ алексопольскаго егерскаго полка Вишневскій, имѣющій похвальный аттестатъ за подписью фельдмаршала Паскевича, весьма бѣдный человѣкъ и при томъ нѣсколько разстроенный въ умѣ.

По прошествіи трехъ дней, за неполученіемъ ни отъ кого обѣщаннаго извѣстія о поступкѣ

офицера, онъ былъ освобожденъ изъ полиціи по ходатайству проживавшей въ Вильнѣ помѣщицы Томашевской, которая посылала ему въ полицію пищу и вообще помогала ему въ нищенскомъ его положеніи.

Случай этотъ, съ нѣкоторыми варіаціями приспособленный къ событію политическаго характера, вскорѣ появился (25-го сентября 1840 года) въ показаніяхъ Заливаки и Павловскаго, при чемъ задержанный человѣкъ, вмѣсто поручика Вишневскаго, названъ былъ эмисаромъ Адольфомъ Залѣсскимъ, а заботы о слабоумномъ помѣщицы Томашевской отнесены къ ходатайству объ эмисарѣ графини Забѣлло, (т. е. супруга князя Н. А. Долгорукаго)! Но и сквозь эти варіаціи Стратоновичъ хорошо понималъ, что это за эмисаръ!

2) Около того же времени былъ приведенъ съ главной гауптвахты въ полицію одинъ человѣкъ за то, что идучи съ кувшиномъ воды воды отъ Свято-Янскаго колодца. толкнулъ на тротуарѣ часоваго, стоявшаго на углу дома. называемаго кардиналіей (гдѣ было тогда уѣздное казначество, а теперь помѣщается почтовая контора).

Человѣкъ этотъ оказался по имени Андрей Кобецкій, вольно отпущенный слуга чиновника Струтинскаго, по просьбѣ котораго освобожденъ изъ подъ-ареста: но вскорѣ потомъ, по отзыву коменданта Есакова, возникло о происшествіи этомъ формальное слѣдствіе, и Кобецкій освобожденъ изъ тюрьмы не прежде какъ по воспослѣдованіи манифеста 16 апрѣля 1841 года.

Оба эти происшествія случились въ самый разгаръ слѣдствія, потому что Заливако, безхарактерность котораго послужила Анисимову и другимъ членамъ коммисіи орудіемъ къ неслыханному обману правительства, арестованъ былъ въ концѣ іюля и хотя въ показаніи своемъ 4-го августа рѣшился уже, по убѣжденію членовъ коммисіи, сдѣлать показаніе о существованіи тайнаго обще-

ства человѣколюбія (l'humanité) и назвать себя и всѣхъ вообще знакомыхъ покушавшагося на побѣгъ за границу студента Возняковскаго, членами этого общества, но до 27-го августа не могъ будто бы вспомнить о пребываніи въ Вильнѣ эмисара Адольфа Залѣсскаго, съ которымъ даже квартировалъ вмѣстѣ! *).

Позднѣе, и именно 25-го сентября, тотъ же Заливако припомнилъ и написалъ въ показаніи, что эмисаръ Адольфъ Залѣсскій, переодѣтый слугою, идучи въ январѣ мѣсяцѣ 1839-го года съ кувшиномъ заводою изъ Троицкаго монастыря къ свято-янскому колодцу и повстрѣчавшись на углу дома Кардиналіи съ какимъ-то офицеромъ, толкнулъ его такъ сильно, что тотъ ударился головою о фонарный столбъ и, задержавъ эмисара, подозвалъ случившихся тутъ солдатъ и отправилъ его въ полицію.

По словамъ Заливаки, члены долго добивались, чтобы онъ назвалъ фамилію офицера, но онъ не могъ придумать этого. Другой же арестантъ, Павловскій, равномѣрно склоненный къ такому же показанію, и тоже 25 сентября, рѣшился назвать неизвѣстнаго офицера, задержавшаго эмисара, Булатовымъ, потому, какъ послѣ объяснилъ онъ, что на окнѣ камеры, въ которой содержался, осталась надпись «Булатовъ» (надпись эта тоже най-

---

*) Въ циркулярѣ намѣстника Паскевича, отъ 21 іюня 1835-го года, за № 801, перечислены были намѣревавшія пробраться въ Россію выходцы изъ Франціи и между ними Леонъ и Адольфъ Залѣсскіе, Симонъ Канарскій и другіе. И вотъ откуда участвовавшему въ дѣлѣ Канарскаго Анисимову могла придти мысль олицетворить въ образѣ Вишневскаго или Кобецкаго эмисара Адольфа Залѣсскаго и увѣрять, что онъ былъ въ Вильнѣ и ускользнулъ изъ рукъ полиціи.

Въ тоже время содержался въ казематѣ весьма образованный, не молодой и болѣзненный человѣкъ, Виленскій помѣщикъ Зенонъ Залѣсскій. Имя этого несчастнаго ни разу не упоминалось въ показаніяхъ ни Заливаки, ни Павловскаго и даже не попало въ знаменитый списокъ, найденный у Заливаки! И все это плоды труловъ Анисимова!!! Не вѣроятно, но справедливо!....

дена). Но прежде нежели осторожная и предусмотрительная коммисія рѣшилась представить Мирковичу о новомъ, особенно важномъ ея открытіи, признано было нужнымъ забрать справку: былъ-ли, по крайней мѣрѣ, въ то врѣмя Булатовъ въ Вильнѣ?

Съ этою цѣлію членъ коммисіи плацъ-маіоръ Городецкій распросилъ содержавшагося съ 1839-го года подъ арестомъ подпоручика Булатова (см. выше отчетную карту № 5) и когда узналъ, что онъ съ полкомъ вступилъ въ Вильну 28 февраля 1839 года, то поспѣшилъ предупредить коммисію, что обманъ можетъ легко обнаружиться, потому что Булатова въ январѣ не было еще въ Вильнѣ. Вотъ для чего, какъ извѣстно уже читателю, члены немедленно заставили Павловскаго и Заливаку переписать ихъ прежнія показанія, означивъ въ новыхъ, что эмисарь былъ взятъ въ полицію въ мартѣ!

Забракованныя показанія Заливаки и Павловскаго, эти осязательныя доказательства безсовѣстнаго, преступнаго подлога,—попались мнѣ въ руки!

Если-бъ и послѣ этого оставалась еще хотя тѣнь сомнѣнія въ умышленномъ допущеніи прежними членами явныхъ подлоговъ, съ цѣлію обмануть правительство; если-бъ члены эти не горѣли желаніемъ и не искали случаевъ до безконечности запутать, затемнить и исказить порученное имъ дѣло, внушивъ приласканнымъ ими мальчикамъ дѣлать лживые извѣты, то возможно-ли предположить, чтобы плацъ-маіоръ Городецкій, черезъ руки котораго проходило дѣло Кобецкаго, и Стратоновичъ, середь бѣлаго дня поймавшій мятежника, безъ умысла упустили изъ виду объявить остальнымъ членамъ и своему не посредственному начальству о необыкновенномъ сходствѣ разсказовъ Заливаки и Павловскаго съ сущностію такъ хорошо извѣстныхъ имъ произшествій???—Наконецъ, еслибъ домашній

человѣкъ генералъ-губернатора, Покровскій, не скрылъ отъ него этихъ подробностей; еслибъ они во время доведены были до свѣдѣнія добраго и честнаго генерала Фрейганга подчиненными Гарижскимъ и Стратоновичемъ и еслибъ все это не было позднѣе утаено отъ предсѣдателя Назимова, то могъ-ли бы онъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Вильну (стало быть 7 ю мѣсяцами ранѣе) не обнаружить лживости показаній Заливаки и Павловскаго, извѣвѣтовъ, послужившихъ единственнымъ основаніемъ къ аресту множества совершенно невинныхъ лицъ?!?! *).

Искуственный туманъ все болѣе и болѣе разъяснялся и не посредственно за сознаніемъ Заливаки и Павловскаго въ вынужденномъ оклеветаніи ими множества неповинныхъ жертвъ, въ томъ числѣ и Мяновскаго, выдвинулся на сцену новый вопросъ такого рода: если сознаніе ихъ искренно, если оклеветанныя ими лица дѣйствительно были имъ указаны Анисимовымъ; если тутъ нѣтъ какой-либо новой утайки, то какимъ образомъ могло случиться, что и слѣдственный приставъ Виленской полиціи. Еленскій, согласно съ прежними разсказами Заливаки и Павловскаго, тоже утверждаетъ, будто Мяновскій дѣйствительно приходилъ въ полицію ходатайствовать объ освобожденіи арестованнаго человѣка, въ которомъ подозрѣвали эмисара Залѣсскаго?

Необходимо было дать Мановскому съ Еленскимъ очную ставку и взвѣсить ея послѣдствія. Призванный съ этою цѣлію въ присутствіе коммисіи арестантъ Еленскій, хотя и плакалъ, жалуясь на заслуженной имъ арестъ, на невинное удаленіе его отъ должности и бѣдственное положеніе многочисленнаго семейства его, но повторилъ, при новыхъ членахъ, данное имъ прежде показаніе о

*) Все это подробно изложено въ донесеніи флигель-адъютанта Назимова въ рапортѣ его военному министру, отъ 2-го августа 1841 года, за № 115, т. е. прежде полученія извѣстія о назначеніи Кавелина предсѣдателемъ новой коммисіи.

приходѣ професора Мяновскаго въ полицію и разговоръ его съ полиціймейстеромъ Серебряковымъ и — въ заключеніе вызвался уличить въ этомъ хорошо извѣстнаго ему молодого професора Мяновскаго *).

Но тутъ, въ виду какой-то не рѣшительности, какого то опасенія, которыя высказывались въ голосѣ и въ робкомъ и пытливомъ взглядѣ Еленскаго, мнѣ пришла мысль испытать его, точно-ли онъ лично знаетъ г. Мяновскаго, принадлежащаго къ высшему кругу общества, въ которомъ имѣлъ обширную практику?—Я написалъ на клочкѣ бумаги: «не угодно-ли, господа, вмѣсто Мяновскаго приказать привести въ присутствіе другое лицо и, назвавъ его Мяновскимъ, удостовѣриться, узнаетъ-ли Еленскій, что это будетъ не Мяновскій»?

И предсѣдатель, и всѣ члены поочередно прочитавъ мою записочку, незамѣтно для Еленскаго, дали мнѣ понять, что одобряютъ мою мысль. Тогда продолжая нѣсколько минутъ слушать разговоръ, я всталъ вышелъ изъ присутствія, позвалъ смотрителя и велѣлъ ему отворить дверь въ камеру арестованнаго студента, еврея Канторовича, который былъ несравненно старообразнѣе своихъ товарищей и имѣлъ весьма солидный видъ. Войдя къ нему, я сказалъ: «васъ позовутъ въ коммисію и будутъ называть професоромъ Мяновскимъ въ присутствіи одного господина, который будетъ уличать васъ, что вы приходили въ мартѣ прошлого года въ полицію ходатайствовать объ освобожденіи одного арестованнаго человѣка. Если онъ не узнаетъ, что вы подставное лицо, а не Мяновскій, то вы должны возражать, что въ полицію не ходили никогда. Понимаете-ли»?

*) Былъ тогда въ Вильнѣ и другой професоръ и докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мяновскій, единственный врачъ, которому довѣрялось посѣщать больныхъ арестантовъ, между которыми были и помѣшанные, какъ наприм. Валицкій (см. отчетную карту. № 17) и племянникъ Мяновскаго, гимназистъ Сержпинскій.

Получивъ утвердительный отвѣтъ и сказавъ смотрителю, что когда ему велѣно будетъ позвать професора Мяновскаго, онъ долженъ ввести въ присутствіе Канторовича, я возвратился на свое мѣсто и взглядомъ далъ повять, что нужное распоряженіе сдѣлано.

Чрезъ нѣсколько минутъ предсѣдатель повторилъ Еленскому, чтобы онъ, если только это дѣйствительно было, напомнилъ Мяновскому, когда, при какихъ обстоятельствахъ и что именно говорилъ при немъ Мяновскій полиціймейстеру Серебрякову, прося его объ освобожденіи мнимаго слуги професора.

Видимо не привыкшій къ спокойному и учтивому обращенію, Еленскій хотя и изъявилъ готовность смѣло уличить професора въ томъ, что онъ приходилъ въ полицію, но услышавъ, что предсѣдатель посылаетъ уже смотрителя за Мяновскимъ, Еленскій нѣсколько сконфузился.— Мы внимательно присматривались къ тому, что говорили глаза Еленскаго. Развязка близилась....

Входитъ Канторовичъ.—«Узнаете-ли вы этого господина, спросилъ Владиміръ Ивановичъ Еленскаго?—Это професоръ Мяновскій»—отвѣчалъ онъ.—«А вы, господинъ професоръ, знаете-ли этого барина?—«Не знаю и никогда не видалъ, было отвѣтомъ. Далѣе приставъ Еленскій, переминаясь съ ноги на ногу, довольно свободно началъ уличать Канторовича въ томъ, въ чемъ обѣщалъ уличить лично извѣстнаго ему г. Мяновскаго *).

«Довольно»! сказалъ предсѣдатель и, обращаясь къ Канторовичу, пригласилъ его объявить наконецъ Еленскому, кто онъ.

---

*) Все это изложено было подробно въ рапортѣ корпуса жандармовъ подполковника Ломачевскаго къ его окружному генералу Фрейгангу, отъ 6 іюня, за № 46, въ доказательство, что коммисія новаго состава дѣйствуетъ не односторонно, но честно и безпристрастно.

Еленскій, ни какъ не подозрѣвавшій этой ловушки, страшно переконфузился, расплакался, растерялся и тутъ же признался, что дѣйствительно знаетъ молодого Мяновскаго только по наслышкѣ какъ знаменитаго медика, ѣздившаго для усовершенствованія себя въ чужіе краи и напечатавшаго извѣстную книгу о переломѣ костей, но лично его не знаетъ. Къ этому несчастный Еленскій добавилъ, что и на слѣдствіи, произведенномъ чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ Вашклевичемъ, въ Виленской полиціи, и здѣсь въ коммисіи, онъ постоянно дѣлалъ ложныя показанія, принаравливаясь къ тому, какъ и о чемъ былъ спрашиваемъ, единственно въ надеждѣ скорѣе освободиться отъ незаслуженнаго ничѣмъ ареста и разлуки съ семействомъ, которое лишено средствъ къ существованію! *)

Признаніе пристава Еленскаго, со всѣми подробностями записанное въ актъ объ очной ставкѣ, еще выше подняло завѣсу, такъ долго скрывавшую истину; оно еще болѣе разоблачило совокупное стремленіе многихъ вліятельныхъ людей Виленской администраціи, во что бы то ни стало, напугать новаго начальника края и обмануть правительство, увѣривъ его въ несомнѣнномъ существованіи заговора, организованнаго знаменитымъ эмисаромъ Адольфомъ Залѣсскимъ и открытаго ихъ необыкновенною проницательностію и неусыпными, совокупными трудами, за которые ожидались конечно ордена, чины, аренды.

Новые члены коммисіи хотя и видѣли ясно постепенное разрушеніе сооруженнаго изобрѣтательностію Аннен-

*) Не надо забывать, что это знаменитое слѣдствіе производилось, какъ выше сказано, подъ руководствомъ (прекрасное руководство!) членовъ коммиссіи. При распредѣленіи дѣлъ между членами, послѣ окончанія повѣрки, такъ называемое полицейское дѣло поручено было предсѣдателемъ полковнику Новицкому, который, продержавъ его съ 5 февраля, за всѣми напоминаніями, не возвращалъ его въ коммисію и не давалъ никакого отчета о томъ, что въ немъ заслуживало особаго вниманія коммисіи?

кова колосальнаго зданія, хотя и были свидѣтелями, что оно тѣмъ болѣе трещитъ и подламывается, чѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на него прикосновеніе новой, свѣжей атмосферы—здраваго смысла и безпристрастія, но оставались довольно равнодушными зрителями этого замѣчательнаго явленія. Одинъ только Владиміръ Ивановичъ съ непоколебимою настойчивостію и самопожертвованіемъ добивался обнаруженія правды, готовясь отвѣчать государю за прежнее заблужденіе свое, за то, что поддался вначалѣ низкому обману и самъ согласился на новое назначеніе Анисимова въ коммисію, изъ которой, до пріѣзда предсѣдателя, онъ былъ уволенъ Мирковичемъ какъ человѣкъ, слишкомъ увлекающійся (см. прил. 2-е гл. XII).

Послѣ признанія Еленскаго представилась необходимость снова сообразить и строго провѣрить: что же на конецъ оставалось не разобраннымъ и въ чемъ могутъ еще обвиняться арестованныя лица, принадлежавшія къ категоріи дѣла о побѣгѣ за границу Возняковскаго, Рокицкаго и Павловскаго?

Хотя сознаніе Павловскаго, Заливаки и Еленскаго во лживости ихъ показаній, подкрѣпленны ссылками на истолкованные во вкусѣ Анисимова случаи съ Вишневскимъ и Кобецкимъ, на вырванный изъ молитвенника листокъ, замѣчательною очною ставкою и наконецъ—собственнымъ сознаніемъ самаго Анисимова—почти совершенно очистило отъ подозрѣнія Мяновскаго, Велька, Богдановича, Чигарева и другихъ этой категоріи лицъ, но всѣ эти признанія въ совокупности не исключали еще возможности пребыванія эмисара въ Вильнѣ, и потому, до разрѣшенія этого послѣдняго, слишкомъ важнаго и капитальнаго вопроса, не возможно было и думать о безотлагательномъ освобожденіи помянутыхъ лицъ и тѣмъ болѣе невозможно, что генералъ-губернаторъ и лично и письменно все еще продолжалъ настаивать, чтобы коммисія всѣми си-

лами стремилась къ раскрытію тайныхъ замысловъ не на основаніи изчезнувшихъ фактовъ, но на основаніи психологическаго убѣжденія, что есть какіе-то замыслы, что всѣ ихъ чувствуютъ, но они такъ сказать не осязаемы съ самаго 1839 года (письмо Мирковича военному министру, отъ 29 іюня 1841 года, за № 708).

За тѣмъ на очереди стоялъ вопросъ о тѣхъ 17-ти студентахъ, которые арестованы были 7-го мая 1840 года по подозрѣнію ректора академіи Кучковскаго въ ихъ неблагонамѣренности къ правительству и въ принадлежаніи къ какому-либо тайному обществу, можетъ быть (!!!) внѣ академіи существующему.

Глава VIII.

Бунтъ ночи.—Опять красавица Конча. — Преслѣдованіе возмутительнаго духа. — Предусмотрительность Кучковскаго и предательство невинныхъ.—Фунтъ свѣчей.

Окончательный разборъ всѣхъ захваченныхъ, при арестованіи этихъ молодыхъ людей, книгъ и бумагъ возложенъ былъ Владиміромъ Ивановичемъ на меня. Груды книгъ и кипы бумагъ этихъ не разъ были уже въ моихъ рукахъ и, казалось, ни сколько не обѣщали послужить отвѣтомъ на интересующіе правительство вопросы, а тутъ къ нимъ присоединились еще присланные изъ особаго комитета (см. гл. II-ю) переводы съ польскаго языка не только писемъ, но и самыхъ ничтожныхъ записочекъ и мелкихъ денежныхъ счетовъ. Тутъ прежде всего мнѣ бросилось въ глаза приложенная къ донесенію ректора Кучковскаго подробная (на большомъ листѣ александрійской бумаги) аттестація каждаго изъ 19-ти студентовъ (въ числѣ которыхъ были, какъ замѣтилъ читатель, и

бѣглецы Возняковскій съ Рокицкимъ). При чемъ противъ имени Машевскаго сказано было, между прочимъ, что въ бумагахъ его найдено подозрительное выраженіе: **«бунтъ ночи!»**

Пусть же не гнѣваются на меня эти молодые люди, подумалъ я, усаживаясь за ночную работу, если въ бумагахъ этихъ я докапаюсь до такихъ вещей, которыя оправдаютъ аттестацію почтеннаго ректора. Можетъ быть и дѣйствительно этимъ сорванцамъ вздумалось затѣять какой-то ночной бунтъ и поколотить своего принципала, на котораго они жаловались Мирковичу за дурную пищу и другія вещи.

Съ напряженнымъ вниманіемъ принялся я за чтеніе подлинныхъ и переведенныхъ съ польскаго на русскій языкъ разныхъ бумагъ и писемъ. Между ними особенное вниманіе обратило на себя письмо, присланное Машевскому отцомъ его, проживавшемъ въ собственномъ имѣніи минскаго уѣзда. Тутъ добрый старикъ, описывая задушевную радость и вырвавшіяся у него слезы благодарности Богу при чтеніи сыновняго письма, которымъ онъ извѣщаетъ отца, что занимаетъ первое мѣсто между товарищами своего курса, предостерегаетъ сына, чтобы онъ старался, если несовсѣмъ раззнакомиться, то по крайней мѣрѣ рѣже бывать у молодой дамы Кончи, мужъ которой высланъ изъ края въ Великій-Устюгъ *). Знакомство это отецъ находилъ опаснымъ для сына по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что часто посѣщая молодую, пригожую и хорошо образованную даму, мужъ которой давно въ отсутствіи **), онъ можетъ и самъ увлечься и ее увлечь, и тѣмъ навсегда разстроить

---

*) Той самой, съ которой читатель познакомился уже. Она была призвана въ коммиссію 24 марта по письму о ёлкѣ, козлахъ, свиньяхъ и ослахъ.

**) Обѣимъ сестрамъ Кончѣ и Ромеръ не позволялось отправиться къ высланнымъ изъ края мужьямъ, прикосновеннымъ къ слѣдствію о Каларскомъ.

семейное счастіе молодыхъ супруговъ, что было бы въ высшей степени безнравственно; а во-вторыхъ, продолжалъ отецъ, «можетъ быть и начальство твое обратитъ вниманіе на это интимное знакомство и недовѣрчиво взглянетъ на связь молодаго человѣка съ женою особы, компрометированной въ глазахъ правительства».

Письмо это показывало, повидимому, что старый Машевскій не только не внушаетъ сыну (какъ это случалось видѣть) чувства ненависти къ законному правительству, но напротивъ предостерегаетъ его, чтобы близостью отношеній къ г-жѣ Кончѣ не навлекъ онъ на себя подозрѣнія въ сочувствіи къ тѣмъ убѣжденіямъ, по милости которыхъ мужъ молодой красавицы былъ удаленъ изъ края. . . . . .

Понятно, что если бы отецъ и сынъ могли предвидѣть, что переписка эта попадется въ руки людей, которые обязаны взвѣшивать смыслъ каждаго выраженія, каждаго слова, то не было бы основанія давать какое либо значеніе содержанію подобныхъ писемъ; но тутъ были и намеки на глупость и подозрительность особъ, подобныхъ Кучковскому, тутъ виднѣлся самый интимный разговоръ между отсутствующими, стало быть, ни тотъ, ни другой не имѣли и тѣни подозрѣнія, что кто нибудь сторонній подслушаетъ ихъ задушевныя мысли..... Но какъ же согласить эти честныя, благородныя внушенія старика Машевскаго, обращенныя къ любимому сыну, съ подозрѣніемъ Кучковскаго, который подмѣтилъ у послѣдняго выраженія «бунтъ ночи?» Неужели, подумалъ я, въ самомъ дѣлѣ, сынъ такъ безсовѣстно, такъ низко маскируется передъ добрымъ и почтеннымъ отцомъ, что будучи до мозга костей пропитанъ самымъ возмутительнымъ духомъ и замышляя какой-то ночной бунтъ, играетъ въ глазахъ старика роль скромника и поведеніемъ своимъ въ стѣнахъ академіи навлекаетъ на себя

сильное подозрѣніе въ принадлежаніи къ тайному обществу, быть можетъ внѣ академіи существующему?!!!

Всю ночь на пролетъ просидѣлъ я за чтеніемъ и внимательнымъ разборомъ захваченныхъ у студентовъ бумагъ и хотя дѣйствительно между ними нашелъ нѣсколько патріотическихъ стихотвореній и воспоминаній о мятежѣ 1831 года, но ничего такого, что давало бы основательный поводъ думать, что молодые люди эти принадлежатъ къ какому либо преступному заговору или тайному обществу; намековъ же о ночномъ бунтѣ рѣшительно нигдѣ не нашелъ. Наконецъ, между стенографически набросанными замѣтками изъ лекцій и денежными счетами Машевскаго, съ именами какихъ-то Полинъ, Вандъ, Леокадій, Богумилъ и Розалій, встрѣтилъ я написанное товарищемъ его на клочкѣ бумаги двустишіе на польскомъ языкѣ:

Пришли мнѣ свѣчей фунтъ,
Хочу объявить ночи бунтъ *) **).

Такъ вотъ откуда почтенный г. Кучковскій заимствовалъ подозрительное, по его увѣренію, выраженіе «бунтъ ночи!» подумалъ я и не хотѣлъ вѣрить глазамъ моимъ. Здѣсь, не касаясь вопроса о совѣсти, нельзя не подивиться дерзости Кучковскаго, который изъ-за ничтожныхъ эгоистическихъ разсчетовъ, осмѣлился обмануть Мирковича, а съ нимъ и государя и, выпросивъ ничѣмъ незаслуженный арестъ молодымъ людямъ, рисковалъ погубить ихъ на всю жизнь!... Открытіе это также сильно возмутило, какъ и обрадовало меня! Я готовъ былъ ночью же подѣлиться съ Назимовымъ этою интересною новостью.

---

*) Przyszli mnie swiec funt,
Chce obiawić nocy bunt.

**) Дѣло было передъ экзаменомъ нужно было вооружиться противъ ночной темноты.

Но, для полноты понятія, о постыдномъ поступкѣ Кучковскаго, необходимо сказать и то, что онъ, опасаясь отвѣтственности за побѣгъ Возняковскаго и Рокицкаго и желая выслужиться передъ новымъ генералъ-губернаторомъ, выказавъ вѣрноподданническія чувства и пламенное усердіе свое къ правительству, осыпавшему его и деньгами, и чинами и звѣздами, чрезвычайно ловко воспользовался тѣмъ несчастнымъ настроеніемъ генерала Мирковича, въ которое онъ вовлеченъ былъ въ первые дни управленія совершенно незнакомымъ ему краемъ — поимкою задержанныхъ въ Юрбургѣ студентовъ, намѣревавшихся бѣжать за границу. Очень понятно, что побѣгъ хорошо вооруженныхъ студентовъ, изъ которыхъ у одного найдена была поэма Вильянка, наполненная патріотическими мыслями и выраженіями преступнаго содержанія противъ священной особы государя императора — и вслѣдъ за тѣмъ — донесеніе ректора академіи, что между студентами обнаруживается уже возмутительный духъ и что въ бумагахъ одного изъ нихъ найдено даже таинственное выраженіе бунтъ ночи, не могли не всполошить всю виленскую администрацію, въ главѣ которой стояло тогда новое лицо, и не отразиться въ Петербургѣ (Мирковичъ пріѣхалъ въ Вильну въ половинѣ марта, а тревога поднялась 1 мая).

Выше сказано (глава III, 7 мая), что на основаніи этихъ подозрѣній и по убѣдительнымъ настояніямъ Кучковскаго, начальникъ края приказалъ немедленно арестовать 17 студентовъ, особенно замѣченныхъ въ вольнодумствѣ, и препроводить ихъ въ слѣдственную комиссію, причемъ, подозрѣвая, что духъ академіи въ какой либо связи съ дѣломъ о побѣгѣ двухъ студентовъ и гимназиста Павловскаго *), предписалъ разсмотрѣть за-

*) Въ числѣ преступниковъ содержался въ казематѣ еще одинъ гимназистъ, Сержпинскій, сирота, племянникъ профессора Мяновскаго. Онъ тоже

хваченныя у студентовъ бумаги, поставивъ коммисіи въ обязанность изслѣдовать источникъ возмутительнаго духа, поселившагося между воспитанниками академіи и раскрыть всѣ отрасли подозрѣваемыхъ тайныхъ обществъ **).

Понятно, что въ этомъ переполохѣ не только новому генералъ губернатору Мирковичу, или опытному и осторожному Доппельмайеру, но и никому изъ людей безпристрастныхъ, не могло придти въ голову, какъ и откуда Анисимовъ поведетъ свои апроши и траншеи, гдѣ будетъ онъ отыскивать источникъ возмутительнаго духа, не привлечетъ-ли къ отвѣту ненавистнаго ему, ex-президента французской республики, Тьера, вмѣстѣ съ египетскимъ пашею что́ (см. гл. II) и что вообще выработаетъ онъ изъ всего этого сумбура? Но какъ ни обширно было представившееся геніальному Анисимову новое поле дѣйствій, какъ ни обильна была пища его размашистому и фанатически настроенному воображенію, онъ видимо смотрѣлъ на этихъ молодыхъ людей, какъ на окончательно отпѣтыя жертвы и потому, не вымогая отъ нихъ никакихъ признаній, вполнѣ удовольствовался данными ими объясненіями на первоначальные вопросы и, располагаясь надписать надъ дверьми каждаго студента: государственный преступникъ такой-то» оставилъ ихъ безъ дальнѣйшихъ вопросовъ и даже не позаботился впослѣдствіи, чтобы имя котораго нибудь изъ нихъ для

былъ вытребованъ въ коммисію и, по убѣжденію Анисимова, признался, что видѣлъ у дяди эмисара Залѣсскаго. Этотъ несчастный оставался подъ арестомъ до самого окончанія дѣла и подвергся, подобно Валицкому (отч. корп № 17) умопомѣшательству. Дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна, но то вѣрно, что дядя не оставилъ этого страдальца за вынужденный оговоръ его. Даже и слугу Пашковскаго я видѣлъ у профессора въ то время, когда служилъ полиціймейстеромъ въ Петербургѣ.

**) Подлинныя слова Мирковича къ донесенію военному Министру, отъ 21 мая 1840 года, № 319.

большаго правдоподобія, упомянуто было въ нескончаемыхъ извѣтахъ Заливаки и Павловскаго, что какъ оказалось, вполнѣ зависѣло отъ его личнаго произвола.

Тутъ надобно замѣтить еще, что изъ донесенія генерала Мирковича военному министру, отъ 21 мая 1840 года, за № 319, видно, что прежде арестованія 17-ти студентовъ были жалобы на ректора Кучковскаго, что онъ дурно содержитъ воспитанниковъ академіи, но разобраны ли эти жалобы, подтвердились ли онѣ, и не тѣ ли самые молодые люди, которые приносили жалобу, подверглись повальному, какъ выразился Кучковскій, обыску, а потомъ и аресту, это осталось вовсе не разъясненнымъ, даже и впослѣдствіи, тѣмъ болѣе, что и самая академія была въ томъ же году окончательно закрыта.

Наконецъ, хотя я и упомянулъ выше, что отпѣтыя жертвы эти, просидѣвъ болѣе года, никѣмъ и ни въ чемъ не оговаривались, но имя одного изъ нихъ, а именно Любичанковскаго, случайно упомянуто было въ одномъ мѣстѣ другой отрасли неоконченныхъ дѣлъ и хотя нисколько не компрометировало его, но все-таки какъ бы выдвинуло его изъ группы молодыхъ людей, арестованныхъ единственно по подозрѣнію Кучковскаго, ничѣмъ до той минуты не подтвердившемуся и потому подлежавшихъ освобожденію.

ГЛАВА IX.

Начало развязки драмы: первая серія оправданныхъ.—Неудавшаяся Новицкому попытка вновь запутать дѣло.—Смѣлый отвѣтъ коммисіи.—Усиленіе несогласій Назимова съ Мирковичемъ.—Рескриптъ о назначеніи Кавелина предсѣдателемъ коммисіи на правахъ сенатора.

Проведенная безъ сна ночь не помѣшала мнѣ рано утромъ дать Назимову полный отчетъ о разборѣ дѣла, возбужденнаго доносомъ Кучковскаго. Я засталъ Влади-

міра Ивановича съ молодой супругой за чаемъ, поданнымъ на террасу его скромнаго домика въ ботаническомъ саду, у подножія великолѣпной замковой горы.

Разсказъ мой съ необходимыми ссылками на документы, доказывающіе положительную невинность долго страдавшихъ молодыхъ людей, сильно тронулъ благороднаго Владиміра Ивановича и еще болѣе его супругу *).

Въ тотъ же день послано было генералъ-губернатору представленіе коммисіи объ освобожденіи студентовъ этой категоріи, окончательно признанныхъ невинными. Федоръ Яковлевичъ не рѣшился удовлетворить ходатайства коммисіи, находя, съ своей стороны, освобожденіе это р а н о в р е м е н н ы м ъ и потому представилъ вопросъ на разрѣшеніе военнаго министра, князя Чернышева.

Чрезъ 10 дней, къ неизъяснимому нашему благополучію, получено было высочайшее повелѣніе не только объ освобожденіи оклеветанныхъ Кучковскимъ студентовъ, но и о распредѣленіи ихъ, если пожелаютъ, казенными стипендіатами въ какіе угодно университеты, съ выдачею имъ пособій, казенныхъ подорожень и прогонныхъ денегъ. Независимо отъ этого покойному государю угодно было знать, не имѣетъ ли кто-либо изъ освобожденныхъ, или ихъ родныхъ и ихъ родныхъ просьбы къ его величеству.

Когда настала торжественная минута *) отворить двери тюрьмы первой серіи невинно пострадавшихъ, Вла-

---

*) Недавно прахъ ея перевезенъ изъ Ниццы, гдѣ она скончалась, на родину Владиміра Ивановича, въ псковскую губернію. Кто зналъ Анастасію Александровну, урожденную Аверкіеву, тотъ конечно согласится со мною, что это былъ ангелъ въ человѣческомъ образѣ. На балу у Мирковича, 28 января 1841 года, въ прическѣ à la neige, она произвела фуроръ и единогласно признана была не царицей, но богиней бала. Черезъ 14 лѣтъ судьба бросила ее снова въ Вильну, гдѣ на ея глазахъ вспыхнуло послѣднее возстаніе!...

*) Она была торжественна и въ томъ отношеніи, что послужила барометромъ отношенія и степени довѣрія высшей власти къ заключеніямъ коммисіи съ которыми и вполнѣ соглашался все еще колебавшійся Мирковичъ

димiръ Ивановичъ, заѣхавъ ко мнѣ рано утромъ, пригласилъ меня вмѣстѣ съ нимъ присутствовать при объявленiи молодымъ людямъ Высочайшей милости и помочь ему въ соотвѣтственныхъ этому случаю распоряженiяхъ.

Не берусь описывать этой отрадной, этой трогательной сцены! Она до гробовой доски не изгладится изъ моей памяти! Не стану распространяться и о томъ, какое впечатлѣнiе произвело въ Вильнѣ появленiе изъ тюрьмы молодыхъ людей, которые вынесли оттуда не злобу, не ожесточенiе противъ правительства, но убѣжденiе въ справедливости и великодушiи государя и презрѣнiе къ Кучковскому.

Тутъ и новые наши товарищи замѣтно ободрились и начали выказывать болѣе прежняго свое усердiе къ скорѣйшему разъясненiю сильно занимавшихъ правительство важныхъ вопросовъ. Работа наша пошла успѣшнѣе и веселѣе, но совершенно неожиданный случай снова остановилъ нашъ общiй порывъ.

Генералъ-губернаторъ препроводилъ на заключенiе коммисiи представленное ему, при рапортѣ отъ 22-го iюня, за № 167, возвратившимся изъ командировки членомъ коммисiи полковникомъ Новицкимъ мнѣнiе о томъ, что коммисiя наша дѣйствуетъ не сообразно съ цѣлiю, для которой она предназначена(???).

Въ доказательство основательности своего взгляда Новицкiй говоритъ:

а) Онъ не раздѣляетъ мнѣнiя г. предсѣдателя о томъ, что русскiе чиновники имѣютъ злой умыселъ *) посѣять

*) Флигель-адъютантъ Назимовъ неоднократно высказывалъ убѣжденiе, что чиновники, подобные Анисимову, изъ личныхъ видовъ и для стяжанiя наградъ часто дѣлаютъ изъ мухи слона, злоупотребляютъ довѣрiемъ и обманываютъ правительство и тѣмъ безчестятъ имя русскаго въ глазахъ лучшихъ людей Польши и Литвы. Доказательствомъ тому, что Владимiръ Ивановичъ не отвергалъ никогда возможности заговоровъ служитъ то, что и въ этой коммисiи, до обнаруженiя явныхъ подлоговъ, онъ настолько вѣрилъ разсказамъ Заливако,

вражду между правительствомъ и его подданными, и что будто Анисимовъ есть только орудіе тѣхъ лицъ, которыя этого желаютъ.

б) Эта идея не новая, писалъ Новицкій, но она не русская. Стоитъ только сообразить содержаніе журнала 3-го мая, издаваемаго въ Парижѣ, съ поведеніемъ помѣщиковъ и шляхты западнаго края, чтобы вполнѣ убѣдиться, что источникомъ этой идеи должно почитать польскую эмиграцію, которая, пустивъ ее въ свѣтъ, дала ей два назначенія: наступательное и оборонительное.

в) Новицкій находилъ, что идея о посѣяніи вражды между правительствомъ и народомъ, есть дѣло эмиграціи, **ея девизъ, ея оружіе.**

г) По убѣжденію г. Новицкаго, поляки и вся вообще шляхта, соединясь съ своимъ духовенствомъ и евреями, захватили въ свои руки администрацію отъ нижнихъ земскихъ судовъ до высшихъ инстанцій, и что случайно попавшійся въ ихъ руки благонамѣренный русскій чиновникъ (какимъ, по видимому, онъ признавалъ Анисимова) рѣдко не терпитъ, если не сдѣлается отступникомъ присяги, данной правительству. Въ этомъ-то омутѣ, прибавляетъ г. Новицкій, вполнѣ развита идея **эмиграція.**

д) Далѣе г. Новицкій объяснялъ, «что православные храмы находятся въ самомъ жалкомъ положеніи, а католическіе красуются велелѣпіемъ *); что вѣра православная называется хлопскою,

---

что заставлялъ его показывать ему мѣста главныхъ событій, имѣвшихъ связь съ замыслами эмисара Адольфа Залѣсскаго, лазилъ съ нимъ на чердаки, спускался въ подвалы и т. д.

*) Это выраженіе заслуживало возраженія не коммисіи, но самого Мирковича, въ современномъ отчетѣ котораго можно найти удостовѣреніе, что новые православные храмы строятся, а въ бывшихъ уніатскихъ воздвигаются иконостасы (конечно не роскошные)—и все это на средства помѣщиковъ—католиковъ.

а католическая — папскою *) и въ этомъ онъ видѣлъ дѣйствіе идеи наступательное.

е) Окончивъ мысль объ идеѣ наступательной, Новицкій продолжаетъ: «приводя въ исполненіе идею эмиграціи практически, помѣщики и вообще злоумышленники западной Россіи, бывъ обнаружены въ своихъ замыслахъ, тою же самою идеей прикрываютъ свои злодѣянія. Не находя оправданій въ своемъ обвиненіи, или лучше сказать, желая отклонить всякую возможность къ открытію ихъ заговоровъ, они всѣми мѣрами стараются мѣстное и высшее начальство и вообще всѣхъ и каждаго порознь увѣрить, что враги порядка и спокойствія края, имѣя въ виду посѣять неудовольствіе и недовѣрчивость между ими и правительствомъ, стараются оклеветать ихъ предъ послѣднимъ, взводя на нихъ не бывалыя преступленія — вотъ дѣйствіе идеи оборонительное.

«Такъ ведутъ дѣла свои поляки, заключаетъ г. Новицкій и съ этихъ двухъ точекъ слѣдуетъ смотрѣть на идею эмиграціи: смотрѣть же иначе значитъ пособлять полякамъ достигнуть предположенной ими цѣли, которой не можетъ не видѣть одинъ лишь не желающій смотрѣть на предметы съ истинной точки зрѣнія».

Хотя такое высоко-ученое и совершенно не доступное слабому уму измышленіе г. полковника Новицкаго не заслужпвало бы отвѣта коммисіи, которая не знаетъ другой цѣли правительства, кромѣ обнаруженія правды, но въ виду того, что мнѣніе это удостоилось прочтенія г. начальника края, который счелъ нужнымъ препроводить его въ коммисію, она отвѣчала:

---

*) Полковнику Новицкому вѣроятно извѣстна была введенная послѣдователями Лойелы поговорка: плебана нужно для пана, а попа для хлопа, но точно-ли поговорка эта означаетъ дѣйствіе открытой полковникомъ идеи наступительной, вопросъ этотъ нисколько не входилъ въ кругъ обязанностей коммисіи и не подлежалъ ея разрѣшенію.

«При внимательномъ разборѣ мнѣнія г. Новицкаго нельзя не замѣтить, что онъ явно смѣшиваетъ частныя проявленія не расположенія и даже ненависти жителей западнаго края къ правительству съ заговоромъ и существованіемъ тайнаго общества; что мысли, заимствованныя полковникомъ Новицкимъ изъ журнала 3-го мая, издаваемаго въ Парижѣ партіею польскихъ эмигрантовъ, которые, по словамъ его, пустивъ свою идею въ свѣтъ, дали ей два назначенія: наступательное и оборонительное,—не подлежатъ разбору коммисіи, которая обязана изслѣдовать не идеи, но поступки и дѣйствія привлеченныхъ къ дѣлу лицъ; что разсужденія г. Новицкаго о партизанской войнѣ и народномъ возстаніи также не имѣютъ никакой связи съ порученнымъ коммисіи дѣломъ, и хотя коммисія отнюдь не отвергала, что заговоръ можетъ быть, но задачею ея было не открытіе, во что бы то ни стало, заговора или тайнаго общества, но добросовѣстное разрѣшеніе вопроса: существуетъ, или не существуетъ заговоръ и — въ первомъ случаѣ—кто именно заговорщики»?

На этомъ основаніи коммисія постановила: разборъ мнѣнія этого записать въ журналъ и копію съ него представить на благоусмотрѣніе г. генералъ-губернатора, на тотъ конецъ, не благоугодно-ли будетъ его превосходительству внушить полковнику Новицкому, что ему несравненно приличнѣе было бы заниматься порученнымъ ему выводомъ изъ полицейскаго дѣла, котораго болѣе 5-ти мѣсяцевъ коммисія отъ него ожидаетъ, чѣмъ составленіемъ такого неосновательнаго мнѣнія, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить руководствомъ для коммисіи *).

---

*) Изъ письма В. П. Назимова къ военному министру, отъ 29 іюня 1841 года, видно, что полковникъ Новицкій скрылъ отъ коммисіи явныя злоупотребленія слѣдователя Вашилевича по такъ называемому полицейскому дѣлу.

Щекотливый для Мирковича отвѣтъ этотъ разрушилъ окончательно надежды Анисимова, Покровскаго и всѣхъ тѣхъ, которые подстрекнули Новицкаго въ новой попыткѣ затянуть и запутать дѣло оборонительными, наступательными и другими идеями.

Между тѣмъ давно начавшіяся несогласія и недоразумѣнія между флигель-адъютантомъ Назимовымъ и мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе росли, усиливались и дошли наконецъ до того, что Марковичъ, въ донесеніи военному министру, отъ 19-го іюля, 1841 г., за № 708, настоятельно просилъ объ отозваніи Назимова въ Петербургъ и о назначеніи на его мѣсто другого предсѣдателя, съ тѣмъ, чтобы новому предсѣдателю внушено было слѣдовать наставленіямъ Мирковича въ этомъ дѣлѣ. (Хорошо было бы!!!).

Владиміръ Ивановичъ, съ своей стороны, въ письмѣ къ князю Чернышеву, еще ранѣе, и именно 29-го іюня, описывалъ невыносимо тяжкое положеніе его, которымъ онъ обязанъ преимущественно вліянію на Мирковича полковника Юферова и просилъ о командированіи въ составъ ввѣренной ему коммиссіи, по крайней мѣрѣ, двухъ благонадежныхъ чиновниковъ, объясняя, что послѣ увольненія изъ коммиссіи бывшаго дѣлопроизводителя Стратоновича, всю огромную массу дѣлъ онъ долженъ вести самъ*).

Въ такомъ положеніи были дѣла наши до 2-го августа, а въ этотъ день, вечеромъ, разнесся слухъ о полученномъ генералъ-губернаторомъ свѣдѣніи, что въ Вильну,

---

Обстоятельство это сильно затормозило успѣхъ разъясненія общаго дѣла, которое выяснило бы весь механизмъ его прежде и независимо отъ послѣдствій оной ставки несчастнаго Еленскаго съ Канторовичемъ.

*) Мнѣ неудобно упоминать, какъ отзывался Владиміръ Ивановичъ обо мнѣ собственно. Изъ всего состава коммиссіи онъ считалъ одного меня своимъ сотрудникомъ, а остальныхъ членовъ—свидѣтелями того, что успѣвалъ разрабатывать предсѣдатель при моемъ содѣйствіи.

по Высочайшему повелѣнію, прибудетъ новый предсѣдатель коммисіи, генералъ-адъютантъ А. А. Кавелинъ.

Вотъ точная копія съ Высочайшаго рескрипта, отъ 28-го іюля, за № 127, на имя генералъ-губернатора.

«Господинъ генералъ-лейтенантъ Мирковичъ!

«Военный министръ довелъ до свѣдѣнія моего ваше къ нему донесеніе о несогласіи, возникшемъ между предсѣдателемъ и нѣкоторыми членами учрежденной въ Вильнѣ слѣдственной коммисіи и о собственномъ вашемъ мнѣніи на счетъ необходимости измѣнить составъ оной для достиженія истины въ важномъ дѣлѣ, ей порученномъ.

Избравъ, вслѣдствіе того, предсѣдателемъ коммисіи генералъ-адъютанта, генералъ-лейтенанта Кавелина и предоставивъ ему дѣйствовать на правахъ сенатора, повелѣваю вамъ: 1) передать въ непосредственное вѣдѣніе генералъ-адъютанта Кавелина, съ прибытіемъ его въ Вильну, слѣдственную коммиссію въ настоящемъ ея составѣ, со всѣми ея дѣлами и чиновниками, канцелярію ея составляющими; 2) оказывать ему во всѣхъ случаяхъ и отношеніяхъ всякое, отъ васъ зависящее содѣйствіе къ успѣшному и скорому окончанію слѣдствія, какъ исполненіемъ всѣхъ его требованій *), такъ и сообщеніемъ собственныхъ вашихъ видовъ къ достиженію этой цѣли въ возможной полнотѣ и совершенствѣ.

Повелѣнія мои на счетъ будущаго состава коммисіи будутъ сообщены вамъ военнымъ министромъ.

На подлинномъ написано:

«Николай».

---

*) Владиміръ Ивановичъ вполнѣ понималъ, какое бѣдствіе угрожало ему и всѣмъ, если бы вмѣсто сильнаго, твердаго и самостоятельнаго Александра Александровича присланъ былъ такой господинъ, которому пришлось-бы слѣпо слѣдовать наставленіямъ Мирковича. Мирковичъ, въ свою очередь, былъ счастливъ тѣмъ, что въ Кавелинѣ зналъ товарища юности и высоконравственнаго человѣка, неспособнаго поддаваться сторонним впечатлѣніямъ.

Трудно представить себѣ, какой страшный переполохъ надѣлалъ рескриптъ этотъ между приближенными генералъ-губернатора и моего окружнаго начальника, и хотя въ 1-мъ пунктѣ рескрипта ясно выражена была Высочайшая воля о томъ, чтобы коммисія была передана генералу Кавелину въ полномъ ея составѣ, но полковникъ Юферовъ и его сотрудники успѣли внушить Федору Яковлевичу убѣжденіе, что если только А. А. Кавелинъ встрѣтитъ между членами коммисіи Ломачевскаго, то дѣло непремѣнно приметъ неблагопріятный для нихъ оборотъ и что для избѣжанія опасности необходимо найти благовидный предлогъ къ безотлагательному удаленію Ломачевскаго изъ Вильны, съ чѣмъ, къ удовольствію бывшихъ членовъ Гарнжскаго и Стратиновича, вполнѣ согласился и генералъ Фрейгангъ, такъ, что въ 3 часа слѣдующей ночи я получилъ уже экстренное предписаніе отправиться въ Минскъ и вступить въ отправленіе обязанностей губернскаго штабъ-офицера.

Предлогомъ къ этой не согласной, съ Высочайшимъ повелѣніемъ, откомандировкѣ была ссылка на нѣсколько случившихся около этого времени пожаровъ въ Минскѣ **).

Семимѣсячные труды мои въ коммисіи, сопряженные съ постоянною борьбою и опасеніемъ за каждый свой шагъ, каждое слово—имѣли дурное вліяніе на мое здоровье. Мнѣ необходимъ былъ отдыхъ и потому я чрезвычайно радъ былъ вырваться изъ Вильны, этого гнѣзда нескончаемыхъ интригъ. Оставя жену и дѣтей, съ которыми невозможно было безъ приготовленій пуститься

**) Владиміръ Ивановичъ сильно вооружался противъ моего удаленія, но вполнѣ разсчитывалъ на то, что Кавелинъ пойметъ суть дѣла. И онъ не ошибся едва только Александръ Александровичъ успѣлъ прослѣдить все, что сдѣлано было Назимовымъ, какъ счелъ неудобнымъ оставаться въ генералъ-губернаторскомъ дворцѣ и перешелъ на квартиру въ частный домъ. Переходъ этотъ былъ предвѣстникомъ торжества Назимова.

въ дорогу, я бросился на перекладную и поскакалъ безъ оглядки, какъ бы опасаясь за собою погони.

Глава X.

Образцовое безпристрастіе Кавелина. Благородное сознаніе Мирковича въ его заблужденіяхъ. Полное торжество Назимова. Вторая серія оправданныхъ лицъ категоріи воображаемаго эмисара Адольфа Залѣсскаго.

Кто зналъ рыцарскій характеръ человѣколюбіе и великодушіе покойнаго Государя, тому легко было понять, какъ дорожилъ Онъ спокойствіемъ и благоденствіемъ Западнаго края, если въ виду несогласій, возникшихъ между членами учрежденной въ Вильнѣ слѣдственной коммисіи надъ лицами, обвиняемыми въ преступныхъ намѣреніяхъ противъ правительства, Государь назначилъ предсѣдателемъ новой коммисіи особу, которой передъ тѣмъ ввѣрено было безцѣнное сердцу Отца, нравственное образованіе Его державнаго Сына, Государя Наслѣдника Цесаревича.

Вотъ почему, незная лично генерала Кавелина, я былъ совершенно покоенъ и увѣренъ, что онъ не найдетъ въ дѣйствіяхъ Владиміра Ивановича и моихъ собственныхъ ничего такого, что могло бы насъ сколько нибудь компрометировать и вполнѣ пойметъ сущность дѣла, степень его развитія, нашу роль въ немъ и всю его мѣстную обстановку.

Послѣдствія покажутъ, что я не ошибся. Руководимый полнѣйшимъ безпристрастіемъ и совершенно чуждый предвзятыхъ убѣжденій А. А. Кавелинъ рѣшился добиться правды. Съ этою цѣлью, уволивъ всѣхъ прежнихъ членовъ, составилъ новую коммисію изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, заинтересованныхъ въ правильной развязкѣ дѣла, а именно:

Отъ намѣстника варшавскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сотниковъ.

Отъ военнаго министра—флигель-адъютантъ полковникъ Назимовъ.

Отъ шефа жандармовъ—корпуса жандармовъ полковникъ Радищевъ.

Отъ генералъ-губернатора,—военно-уѣздный начальникъ полковникъ Степановъ.

Отъ министра юстиціи — товарищъ герольдмейстера, надворный совѣтникъ Топильскій, дѣлопроизводитель.

Съ юридической точки зрѣнія это была не слѣдственная, но скорѣе кассаціонная коммисія, задачею которой было—окончательное разрѣшеніе слишкомъ важнаго вопроса: кто ошибается—Мирковичъ или Назимовъ! Поэтому новой коммисіи необходимо было строго повѣрить, а гдѣ нужно и дополнить матеріалы, на которыхъ основывались—какое-то не ясное и сбивчивое представленіе одной и полное убѣжденіе другой стороны.

Въ этомъ отношеніи главнѣйшею заслугою новой коммисіи нельзя не признать того, что она, при самомъ приступѣ къ дѣлу, обратила вниманіе на остававшійся въ немъ значительный пробѣлъ. При предсѣдателѣ Назимовѣ не былъ оффиціальнымъ путемъ разрѣшенъ вопросъ о томъ, былъ или не былъ въ Вильнѣ, во время казни Канарскаго и послѣ нея, другой эмиссаръ Адольфъ Залѣсскій? Были только показанія и за и противъ. Послѣднія, какъ казалось, заслуживали большаго довѣрія.

Въ этихъ видахъ новую коммисіею признано было необходимымъ снестись, чрезъ военнаго министра, съ государственнымъ канцлеромъ графомъ Нессельроде и просить его, при посредствѣ миссій нашихъ въ Австріи, Англіи, Франціи и Швейцаріи, доставить точнѣйшіе свѣдѣнія, гдѣ находился тогда эмиссаръ Адольфъ Залѣсскій? (Представленіе отъ 2 сентября 1841 г., № 32).

Изъ отвѣта государственнаго канцлера, отъ 9-го октября 1841 года, за № 612, новая коммисія убѣдилась окончательно, что эмисара въ описываемое время небыло не только въ Вильнѣ, но и въ другихъ мѣстахъ западнаго края.

Если-бы прежняя коммисія прибѣгла къ этой же мѣрѣ, то и раньше обнаруженія поддѣлки Заливакою знаменитаго списка, скопированнаго будто бы у эмисара, и прежде сознанія Павловскаго и Заливаки во лживости ихъ главнѣйшихъ показаній, само собою обнаружилось бы, что всѣ разновременныя ссылки ихъ на основателя тайнаго общества Адольфа Залѣсскаго, суть не иное что какъ продуктъ измышленія и фантазіи несчастнаго фанатика Аниспмова. Отсюда прямой выводъ тотъ, что Назимовъ и я—мы оба были виноваты въ томъ, что всѣ арестованныя, въ качествѣ сообщниковъ эмисара, лица просидѣли въ казематахъ лишнее время.

Понятно, что еслибы генералъ-губернаторъ ранѣе убѣдился, что Залѣсскій дѣйствительно не былъ въ Вильнѣ, ему не было-бы никакого основанія сомнѣваться въ искренности сознанія Павловскаго (7-го апрѣля) и Заливаки (13-го мая); онъ скорѣе понялъ бы низкій поступокъ Кучковскаго и затаенные планы Анисимова и другихъ его сподвижниковъ, и тогда ему не было бы ни малѣйшей причины къ несогласіямъ съ Владиміромъ Ивановичемъ, не было бы и повода къ жалобамъ на него и требованію назначенія на его мѣсто другого предсѣдателя

Хотя въ разсмотрѣніи ввѣренной флигель-адьютанту Назимову слѣдственной коммисіи, кромѣ дѣла собственно о побѣгѣ Возняковскаго, Рокицкаго и Павловскаго, были и другія, пріостановленныя рѣшеніемъ дѣла (прил, 3. гл. XII) но какъ главный драматизмъ описываемаго здѣсь событія сосредоточенъ былъ на высказанныхъ Заливакою, подтвержденныхъ Павловскимъ и окончательно опроверг-

нутыхъ графомъ Нессельроде ссылкахъ на пребываніе въ Вильнѣ, въ эпоху слѣдствія, суда и казни Канарскаго, другого эмисара Адольфа Залѣсскаго, то, не касаясь результатовъ окончанія дѣлъ второстепенныхъ, опишу здѣсь въ общихъ чертахъ, чѣмъ именно кончилось главное дѣло о побѣгѣ, доведенное фанатически настроеннымъ воображеніемъ Анисимова до размѣровъ по истинѣ колосальныхъ.

а) Всѣхъ арестантовъ, привлеченныхъ къ дѣлу о побѣгѣ, по оговорамъ одного Заливаки, было 70 человѣкъ, въ этомъ числѣ: полковникъ Богдановичъ, смотритель училища Хрулькевичъ, профессоры Мяновскій и Велькъ, слѣдственный приставъ Еленскій, квартальный надзиратель Томашевскій и товарищъ предсѣдателя уголовной палаты Чигаревъ. Кромѣ того, за мнимый выпускъ изъ полиціи мнимаго эмисара, былъ удаленъ отъ должности полиціймейстеръ подполковникъ Серебряковъ.

Всѣ они безъ исключенія оправданы и по высочайше одобренному представленію генералъ-адъютанта Кавелина освобождены.

Изъ нихъ—полковникъ Богдановичъ, не пожелавшій по слабости здоровья продолжать службу—съ награжденіемъ пенсій и мундиромъ; Мяновскій *) и Велькъ **)—съ зачетомъ времени ареста въ дѣйствительную службу

*) При объявленіи освобожденія Мяновскому, А. А. Кавелинъ пригласилъ его въ свою коляску и самъ проводилъ его до квартиры. Впослѣдствіи Мяновскій пользовался уваженіемъ въ самомъ высшемъ кругу петербургскаго общества и при дворѣ Ея императорскаго высочества великой княгини Маріи Николаевны. Въ послѣднее время онъ былъ начальникомъ главной школы въ Варшавѣ.

**) Послѣ несчастной катастрофы Велькъ не служилъ болѣе, жилъ въ своемъ домѣ въ Вильнѣ и, послѣ ампутаціи ноги, выѣзжалъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, на консиліумы. Года два тому назадъ онъ скончался. Почтенный слуга его Товстюкъ похоронилъ и Велька и его супругу урожденную Трефуртъ.

съ выдачею потеряннаго ими содержанія и опредѣленіемъ (по случаю закрытія виленской медико-хирургической академіи) на другія, соотвѣтствующія профессорскимъ должности; Чигаревъ, Еленскій и Томашевскій—на томъ же основаніи, а подполковникъ Серебряковъ въ тоже время вызванъ былъ княземъ Н. А. Долгоруковымъ на должность полиціймейстера въ Харьковъ.

Примѣчаніе. Неправильно арестованнымъ: полицейскому унтеръ-офицеру Волкову и лакею профессора Велька Матвѣю Товстюку, пожаловано по 75-ти р. каждому, а лакей профессора Мяновскаго, Пашковскій, хотя также долго и невинно страдалъ, но не удостоился получить пособія за то, что хотя и вынужденно, но лжесвидѣтельствовалъ на своего господина.

Смотрителю училища Хрулькевичу, кромѣ представленія должности, соотвѣтствующей прежней, время ареста также зачтено въ службу, возвращено потерянное содержаніе и пожаловано единовременное пособіе въ 450 р.

Всѣмъ молодымъ людямъ, пожелавшимъ продолжать свое образованіе, предоставлено было поступить постоянными степендіантами казны въ любой университетъ, или петербургскую медико-хирургическую академію, съ выдачею прогоновъ и особыхъ денежныхъ пособій; а тѣ, которые пожелали вступить въ гражданскую службу, получили такія же пособія и поручены особому о нихъ попеченію губернаторовъ.

Всѣмъ имъ разрѣшено было остаться въ краѣ два или три мѣсяца, для свиданія съ родственниками и устройства своихъ дѣлъ.

Но не одни невинно пострадавшіе испытали на себѣ милость царскую; она простиралась и на виновныхъ, такъ напримѣръ:

Матери сильно компрометированнаго автора статьи: «Очеркъ духа виленской академіи» лекаря Ловиц-

каго, отосланнаго на службу въ западную Сибирь, простой мѣщанкѣ, государь пожаловалъ пожизненной пенсіи по 100 р. въ годъ за то только, что въ бумагахъ сына оказалось письмо этой женщины высоконравственнаго содержанія.

Молодому человѣку, Людвигу Подберезскому, по собственному его сознанію, виновному въ связяхъ съ Возняковскимъ и знаніи его преступныхъ намѣреній, по особому ходатайству генерала Кавелина нетолько даровано безусловное прощеніе, но, по вниманію къ его чистосердечному раскаянію и совершенно бѣдному состоянію, при опредѣленіи въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора, повелѣно: впредь до опредѣленія Подберезскаго на штатную должность производить ему ежегодное негласное пособіе по 150 р.

Совершенно невинно оклеветанному помѣщику, князю Иринею Огинскому, требовавшему строжайшаго суда и вполнѣ оправданному, пожалованъ чинъ коллежскаго совѣтника, орденъ св. Анны 2 степени и званіе камергера Высочайшаго двора.

Кромѣ того Огинскому представлено было искать убытковъ съ оклеветавшихъ его лицъ, но онъ просилъ о прощеніи ихъ и объ увѣдомленіи престарѣлой матери его о томъ, что онъ не измѣнилъ вѣрноподданической присягѣ *).

Несчастные искатели незаслуженныхъ наградъ, жалкіе фанатики и лже-патріоты Анисимовъ, **) Гарижскій, Покровскій и Городецкій отставлены отъ службы съ высылкою на постоянное жительство въ самыя отдаленныя мѣста имперіи; послѣдній, сверхъ того, за притѣсненіе бывшаго начальника его, Богдановича, во время ареста.

*) Князь Ириней Огинскій скончался въ чинѣ тайнаго совѣтника съ Владимірской звѣздой 2 ст.

**) Не выдаю за правду, но былъ слухъ, что онъ зарѣзался въ г. Вазѣ.

Авторъ.

выдержанъ 3 мѣсяца въ крѣпости. Полковникъ Юферовъ тоже отставленъ отъ службы, а подполковникъ Лобри и коллежскій ассесоръ, Стратоновичъ—удалены, какъ не благонадежные, изъ вѣдомства корпуса жандармовъ.

Изъ числа покушавшихся на побѣгъ молодыхъ людей:

1) Возняковскій, авторъ столько же отвратительнаго, сколько и преступнаго содержанія поэмы «Виллiанки», сознавшійся въ намѣреніи убить предсѣдателя слѣдственной коммисіи по дѣлу Канарскаго, князя Трубецкаго, произвести тревогу и освободить политическихъ преступниковъ—отданъ безсрочно въ арестанскія роты.

2) Студентъ Рокицкій и гимназистъ Павловскій, за покушеніе на побѣгъ заграницу и чтеніе съ Возняковскимъ его сочиненія и другихъ книгъ подобнаго рода, а послѣдній, сверхъ того, и за поддержаніе лживыхъ извѣтовъ Заливаки, опредѣлены рядовыми въ отдѣльный сибирскій корпусъ.

3) Дворянинъ Серафимъ Заливако, сознавшійся въ намѣреніи отравить богатаго ксендза Тржцяковскаго и воспользоваться его деньгами, а также за оговоръ 70-ти невинныхъ лицъ, назначенъ въ отдаленныя арестантскія роты на 15 лѣтъ *).

Здѣсь считаю нужнымъ помѣстить выписку изъ собственноручнаго и уже послѣдняго изъ Вильны донесенія генералъ-адъютанта Кавелина князю Чернышеву, отъ 2 декабря 1841 года, за № 151.

а) «Тайнаго общества, проникнувшаго во всѣ сословія жителей здѣшняго края, по имѣющимся даннымъ,—рѣшительно не существуетъ.

*) Дальнѣйшая судьба этихъ молодыхъ людей мнѣ неизвѣстна, кромѣ одного Возняковскаго, который, въ бытность генералъ-адъютанта В. И. Назимова попечителемъ московскаго учебнаго округа, (послѣ графа С. Г. Строгонова) явился къ нему въ званіи кондуктора гарнизонныхъ инженеровъ и, по выдержаніи экзамена, тогда же произведенъ въ офицеры.

б) «Эмисары Залѣсскій и Шеміотъ *), во время казни Канарскаго здѣсь не находились, да не изъ чего не видно, чтобы они когда нибудь здѣсь дѣйствовали.

в) Здѣсь оказались виновными въ преступныхъ замыслахъ и дѣйствіяхъ большею частію молодые люди безъ состоянія и принадлежащіе къ незначительному классу общества.

г) «По подробному изслѣдованію соприкосновенности преступленія офицеровъ съ теперешнимъ слѣдствіемъ. таковаго вовсе не оказалось, ни даже въ малѣйшей степени, и

д) «Вслѣдствіе малаго числа лицъ, оказавшихся виновными изъ дворянъ достаточныхъ, изъ духовнаго званія и изъ сословія учащихся, можно съ достовѣрностію заключить, что здѣшніе жители, (не входя въ тайны ихъ мыслей и чувствъ, преслѣдованіе которыхъ было бы вредно, потому что подало бы поводъ ко многимъ несправедливостямъ) поняли наконецъ цѣну спокойствія и повиновенія законамъ и что ежели какая-либо европейская война извнѣ не возмутитъ легковѣрныхъ, то можно поручиться, что спокойствіе края нарушаемо не будетъ».

Вслѣдъ за этимъ генералъ-адъютантъ Кавелинъ удостоился получить высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

Александръ Александровичъ!

Въ продолженіи двадцатитрехлѣтней службы Вашей при Мнѣ ознакомясь близко съ отличающими Васъ превосходными качествами, Я, съ полною увѣренностію въ неизмѣнности Вашихъ правилъ, поручилъ Вамъ нравственное образованіе вселюбезнѣйшаго Моего Сына, Вели-

*) О которомъ упоминаетъ Заливако въ одномъ изъ безчисленныхъ его извѣтовъ. Имя это заимствовано Анисимовымъ изъ циркуляра князя Паскевича, отъ 21 іюня 1835 года, за № 801-мъ. (см. глав. VII.)

каго Князя Александра Николаевича, опредѣливъ Васъ къ Особѣ Его Императорскаго Высочества въ качествѣ Его воспитателя.

Довѣренность мою въ этомъ драгоцѣнномъ для сердца Моего отношеніи Вы оправдали совершенно. Бывъ постояннымъ свидѣтелемъ всѣхъ Вашихъ дѣйствій, Я еще ближе убѣдился въ непоколебимости Вашихъ уваженія достойныхъ правилъ.

Это убѣжденіе рѣшило Меня избрать Васъ предсѣдателемъ учрежденной въ Вильнѣ слѣдственной коммисіи надъ лицами, обвиняемыми въ преступныхъ намѣреніяхъ противъ правительства. Этимъ выборомъ Я имѣлъ въ виду положить конецъ сколь можно скорый и справедливый многолѣтнимъ изысканіямъ надъ сими преступниками, а съ другой стороны явить и краю, которому лица сіи принадлежатъ, новое доказательство сколь Мнѣ близки его спокойствіе и благоденствіе.

При всей трудности и многосложности этого порученія Вы успѣли окончить его скорѣе, нежели ожидать было можно, и притомъ со всею желаемою полнотою, ясностію и отчетливостію *).

Разсмотрѣвъ во всей подробности донесенія Ваши, Я

*) Этимъ пунктомъ рескрипта похвалился авторъ напечатанной въ Русскомъ Архивѣ 1870 года (стр. 1198) статьи: «Нѣсколько словъ о событіяхъ въ Вильнѣ послѣ казни эмисара Канарскаго», но о самомъ рескриптѣ, этомъ драгоцѣнномъ историческомъ документѣ, который каждый честный полякъ долженъ бы знать наизустъ, упомянулъ только вскользь. Авторъ этой статьи, недавно скончавшійся сенаторъ, М. И. Топильскій, былъ, какъ выше объяснено, дѣлопроизводителемъ коммисіи Кавелина. Онъ хотя и упомянулъ (стр. 1188), что въ описываемое время эмисара Адольфа Залѣсскаго въ Вильнѣ не было, но не разъяснилъ другихъ ошибокъ, вкравшихся въ статью г. Берга по этому предмету. Кромѣ того, онъ увѣряль (стр. 1193), будто дерптскій студентъ Гильдебрантъ умертвилъ себя, до прибытія коммисіи Кавелина въ Вильну. Это неправильно; онъ не покушался на самоубійство. Въ заключеніи Кавелина о Гильдебрандтѣ сказано: «человѣкъ умный, счастливый наружности, пылкій, предпріимчивый, че-

поручилъ военному министру передать Вамъ повелѣнія Мои на счетъ закрытія коммиссіи и по нѣкоторымъ до изысканій ея относящимся предметамъ, а между тѣмъ, исполняя долгъ самый для Меня пріятный, изъявляю Вамъ совершенную Мою признательность и благодарность за достохвальный и добросовѣстный трудъ Вашъ.

Пребываю навсегда Вашъ благосклонный
«Николай».

№ 171.
С.-Петербургъ.
6 декабря 1841 г.

Съ тѣмъ же фельдъегеремъ, который привезъ А. А этотъ замѣчательный рескриптъ, Мирковичъ, вполнѣ убѣдившійся и откровенно сознавшійся государю въ своемъ заблужденіи, въ знакъ неизмѣннаго къ нему монаршаго довѣрія, удостоился при особомъ рескриптѣ *) получить осыпанную брилліантами золотую табакерку съ портретомъ покойнаго государя, а флигель-адъютантъ В. П. Назимовъ, который имѣлъ несчастіе навлечь на себя гнѣвъ государя за несогласія съ Мирковичемъ и впослѣдствіи доказавшій вполнѣ основательность этихъ несогласій, произведенъ изъ полковниковъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества, о чемъ удостоился собственноручнаго увѣдомленія нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

столюбивый и т. д. Это одинъ изъ 14 дерптскихъ студентовъ, единомышленниковъ Мошинскаго (см. отчетную карту №№ 2 и 6), Кромѣ Гильдебрандта и Валицкаго (помѣшавшагося въ умѣ) остальные 12 признаны невиновными и освобождены Кавелинымъ.

*) Нигдѣ до настоящаго времени не напечатанномъ.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Мирковичъ!

Прочитавъ съ особеннымъ вниманіемъ письмо ваше, отъ 2 декабря, Мнѣ пріятно удостовѣрить васъ, что во всѣхъ дѣйствіяхъ Вашихъ по производившемуся въ Вильнѣ слѣдствію. Я ничего виновнаго не нахожу, хотя вы невольно

Глава XI.

Личный докладъ подполковника корпуса жандармовъ Ломачевскзго нынѣ царствующему государю всѣхъ подробностей Виленской драмы, 29 Ноября 1841 года.

Быстро разнесшаяся по всему западному краю вѣсть о счастливой развязкѣ Виленскаго слѣдствія, этой незабвенной заслугѣ покойнаго А. А. Кавелина, произвела такое умиленіе, такой общій восторгъ, которые трудно представить себѣ тому, кто не былъ свидѣтелемъ уныніи и отчаянія женъ, дѣтей, отцовъ и матерей невинно погибавшихъ лицъ, на спасеніе которыхъ не представлялось сначала никакой надежды!

Развязка эта доказала, что хотя нѣкоторыя изъ приближенныхъ къ предмѣстнику Мирковича, князю Н. А. Долгорукову, лицъ и злоупотребляли его довѣріемъ, но при немъ никогда не было и немогло быть ничего по-

---

вовлечены были въ тоже заблужденіе, которое Я раздѣлялъ Самъ, преступными, лживыми дѣйствіями, слѣдователей, коихъ большею частію Вы застали уже занятыми слѣдствіемъ, по распоряженію вашего предмѣстника.

Двукратное ходатайство Ваше о назначеніи особыхъ, по Моему выбору, предсѣдателей въ слѣдственную коммисію служитъ Мнѣ доказательствомъ, сколько глубоко Вы чувствовали необходимость узнать прямую истину въ дѣлѣ столь важномъ безъ всякаго пристрастія и лицепріятія. По сему прежнее Мое уваженіе къ Вашей службѣ и Вашимъ правиламъ нисколько не измѣнилось, во изъявленіе чего препровождаю къ Вамъ табакерку съ Моимъ портретомъ въ полномъ убѣжденіи, что правота Вашихъ чувствъ наставитъ Васъ очистить ввѣренный Вамъ край отъ лицъ, коихъ противозаконныя дѣйствія по должностямъ вредятъ правительству, а вмѣстѣ съ тѣмъ удержите и самыхъ обывателей въ законномъ порядкѣ, предупреждая и останавливая во время всякое зловредное покушеніе.

Пребываю Вамъ благосклонный
Николай.

№ 173.
6 декабря 1841 г.
С.-Петербургъ.

Государь, съ высоты трона, сознается въ своемъ заблужденіи! .. Много-ли такихъ примѣровъ въ исторіи???...

добнаго той распущенности. (1) какая приписывалась его управленію восторженнымъ фанатикомъ и лже-патріотомъ Анисимовымъ и солидарными съ нимъ особами. Наконецъ развязка виленскихъ событій снала послѣднюю тѣнь, брошенную на множество военно служащихъ, несправедливо оговоренныхъ и потому заподозрѣнныхъ нетолько въ потворствѣ, но и въ полномъ сочувствіи политическимъ преступникамъ! (прил. 3, гл. XII)

Изъ этого правдиваго и, по возможности, краткаго очерка выработанныхъ Кавелинымъ результатовъ, видно и то, что поспѣшное удаленіе меня изъ Вильны не послужило въ пользу моимъ антогонистамъ, не спасло ихъ. Что же до меня касается, то по возвращеніи въ Минскъ, гдѣ

---

[1]) Между тѣмъ незнакомый съ этими результатами трудовъ А. А. Кавелина легко можетъ повѣрить, что во время управленія сѣверо-западнымъ краемъ покойнаго князя Н. Л. Долгорукова (съ 1831 по 1840 г.) въ Вильнѣ дѣйствительно была такая распущенность, что подобные Канарскому эмиссары открыто разгуливали по городу и производили буйства для воспламененія умовъ молодежи; что одинъ изъ этихъ эмиссаровъ, Адольфъ Залѣсскій, присутствовалъ при казни Канарскаго, шептался съ нимъ, поправлялъ на немъ смертную рубаху: позднѣе былъ на богатомъ с в е н ц о н о м ъ въ комнатѣ преступника Мошинскаго в м ѣ с т ѣ с ъ к а р а у л ь н ы м ъ и д р у г и м и о ф и ц е р а м и, отбиралъ п р и нихъ подписки к р о в і ю на вступленіе въ тайное общество: повѣритъ и тому, что политическіе арестанты во всякое время могли свободно отлучаться къ своимъ возлюбленнымъ (коханкамъ). «их ъ в о ж д ь и р у к о в о д и т е л ь З а л ѣ с с к і й однажды былъ выпущенъ изъ подъ-ареста куда попалъ з а к а к у ю - т о у л и ч н у ю с с о р у съ о ф и ц е р о м ъ.

Все это взято цѣликомъ изъ ложнаго показанія Заливаки и великолѣпно описано въ 1 кн. Русскаго архива 1870-го года.

Хотя въ VI кн. того же архива г. Топильскій и разъяснилъ, что по свѣдѣніямъ, добытымъ изъ заграницы, оказалось, что э т о т ъ э м и с а р ъ, т. е. А д о л ф ъ З а л ѣ с с к і й, в о в с е н е б ы л ъ въ В и л ь н ѣ (стр. 1188) но не взялъ на себя труда, въ защиту кн. Долгорукова, указать на другія невѣрности, вытекающія изъ этого разнорѣчія и вкравшіяся въ статью г. Берга, составляющую, какъ сказано имъ на стр. 268, родъ введенія къ большому труду объ исторіи послѣдняго польскаго мятежа

Вотъ что побудило меня издать въ свѣтъ описаніе близко извѣстныхъ мнѣ событій, которое, въ противномъ случаѣ, ни какъ не появилось бы въ печати при жизни моей. *Авторъ.*

было извѣстно тогда (5 Августа) какъ о назначеніи новаго предсѣдателя слѣдственной коммисіи; такъ и о томъ истинно отеческомъ вниманіи, какое оказано было покойнымъ государемъ 16-ти студентамъ, признаннымъ невинными, я былъ встрѣченъ искренними со всѣхъ сторонъ поздравленіями и увѣреніями, что ожидаемый въ Вильну близкій къ престолу человѣкъ съумѣетъ разобрать запутанное дѣло и вполнѣ оцѣнить то самоотверженіе, съ какимъ я дѣйствовалъ въ коммисіи, рискуя пострадать за другихъ.

Уставшій нравственно и физически я дѣйствительно торжествовалъ, что семимѣсячные труды мои принесли нѣкоторую пользу, но торжество мое было слишкомъ не продолжительно: 24 августа, къ изумленію моему, я неожиданно получилъ приказъ по корпусу жандармовъ о переводѣ моемъ тѣмъ же званіемъ въ Гродно и строжайшее предписаніе генерала Фрейганга, сдавъ должность офицеру, состоявшему при мнѣ за адъютанта, немедленно отправиться въ Гродно *).

И губернаторъ Сушковъ и губернскій предводитель дворянства Ошторпъ тотчасъ же отнеслись къ шефу жандармовъ съ настоятельною просьбою объ остановленіи меня на прежнемъ мѣстѣ, а я, съ своей стороны, откровенно написалъ начальнику штаба Л. В. Дубельту, что приписывая переводъ мой нескончаемымъ интригамъ Гарнжскаго и Стратоновича, безсовѣстные поступки которыхъ мнѣ удалось вывесть на чистую воду, скорѣе соглашусь вовсе оставить службу, чѣмъ раззоряться на переселеніе въ Гродно.

Можно представить себѣ, какъ обидно было этимъ господамъ, когда штабъ увѣдомилъ, что я оставленъ по

---

*) Гродненскій штабъ-офицеръ переведенъ былъ въ Вильну; виленскій въ Минскъ, а я въ Гродно. Но этотъ контрмаршъ вслѣдъ затѣмъ былъ отмѣненъ.

прежнему въ Минскѣ (письмо дежурнаго штабъ-офицера Сидорова, отъ 11 сентября 1841 года).

Въ концѣ ноября мнѣ необходимо было по семейнымъ дѣламъ отправиться въ Петербургъ. Узнавъ объ этомъ, Владиміръ Ивановичъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать не ближайшимъ путемъ на Дисну и Опочку, но на Вильну, чтобы имѣть случай лично познакомиться съ генералъ-адъютантомъ Кавелинымъ.

«Очень пріятно видѣть васъ «сказалъ мнѣ Александръ «Александровичъ, когда я вошелъ къ нему въ кабинетъ «Поведеніе ваше въ Вильнѣ было безукоризненно, бла«городно, о чемъ извѣстно уже государю. Вы первый «поймали искусно спрятанную нить правды въ этомъ «важномъ, чрезвычайно сложномъ и до безконечности за«путанномъ дѣлѣ, но васъ нельзя необвинить въ излиш«немъ самолюбіи и неумѣстной горячности. Если бы вы «не торопились, не увлекались, но дѣйствовали хладно«кровнѣе, сдержаннѣе, вы принесли бы болѣе пользы и «дѣло это давно бы разъяснилось на столько, что можетъ «быть не было бы вовсе надобности въ назначеніи новой «коммисіи».

«Мнѣ извѣстно, прибавилъ Кавелинъ, что вы разби«рали послѣднее мнѣніе полковника Новицкаго *) и бе«ошибочно оцѣнили его. Вотъ, если бы вы и въ дру«гихъ случаяхъ вели себя также хладнокровно, также «сдержанно, то несравненно болѣе принесли бы пользы».

Поблагодаривъ Александра Александровича за его лестное обо мнѣ заключеніе, я не могъ умолчать, что до обнаруженія преступныхъ подлоговъ, до признанія Заливаки, Павловскаго и—что всего важнѣе—самого Анисимова—въ неслыханномъ, дерзкомъ обманѣ правительства,

---

*) Объ идеяхъ наступательныхъ и оборонительныхъ (см. гл. IX-ю).

я велъ себя скромно и, вмѣстѣ съ Владиміромъ Ивановичемъ, напрягалъ всѣ мои усилія добиться правды, но съ той минуты, когда окончательно убѣдился, что множество невинныхъ жертвъ невѣжества и фанатизма незаслуженно страдаетъ, наравнѣ съ дѣйствительными преступниками, и, въ надеждѣ на свою невинность, тщетно ожидаетъ конца этихъ мученій, я не могъ уже ровнодушно переносить безсовѣстной холодности и безучастія къ нимъ въ моихъ товарищахъ! Вотъ причина той горячности, въ которой меня справедливо обвиняютъ.

Владиміръ Ивановичъ былъ обрадованъ, когда узналъ о сдѣланномъ мнѣ Кавелинымъ пріемѣ и вызвался написать обо мнѣ пріятелю его, полковнику Граве, адъютанту Государя Наслѣдника Цесаревича. На третій день по пріѣздѣ моемъ въ столицу полковникъ Граве далъ мнѣ знать, что Его Высочеству угодно видѣть меня.

На слѣдующее утро, 29 го ноября, я имѣлъ счастіе представляться августѣйшему Сыну моего Монарха, объясняться по виленскому дѣлу и отвѣчать на относившіеся къ нему такіе вопросы, которые доказывали близкую извѣстность Государю Наслѣднику не одного общаго характера, но и самыхъ мельчайшихъ подробностей дѣла, равно и именъ Анисимова, Покровскаго, Городецкаго, Новицкаго, Заливаки, Павловскаго и другихъ дѣйствующихъ лицъ описанной мною драмы.

«Скажите, полковникъ, что дало вамъ первую мысль «взглянуть на это дѣло съ другой точки? спросилъ меня «Государь Наслѣдникъ».

«Съ одной стороны, отвѣчалъ я, обнаруженіе низкихъ «подлоговъ, сдѣланныхъ нѣкоторыми членами прежней «коммиссіи, а съ другой—глубокое убѣжденіе, что Госу«дарю нашему не нужны жертвы, нужна правда, какъ «врачу отсутствующему нужны вѣрные симптомы болѣзни

«для безошибочнаго опредѣленія средствъ врачеванія «страждущихъ».

Выслушавъ отвѣтъ мой, государь наслѣдникъ удостоилъ подать мнѣ руку и сказать: «поведеніе ваше въ Вильнѣ дѣлаетъ вамъ честь: Государь вполнѣ доволенъ вами».

На обратномъ пути въ Минскъ я снова видѣлся въ Вильнѣ съ Кавелинымъ и Назимовымъ и передалъ имъ все слышанное мною изъ устъ Наслѣдника Престола. У Кавелина встрѣтился я съ Мяновскимъ, но это былъ уже не тотъ Мяновскій, котораго я видалъ въ казематѣ! Умное, доброе, благородное лицо его сіяло счастіемъ! Казалось, что еслибы въ эту минуту онъ увидѣлъ своего палача въ опасности, онъ первый бросился бы спасать его!.. Онъ горячо обнялъ меня!...

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Минскъ я удостоился, за труды въ Вильнѣ, получить орденъ Станислава 2 ст., а вслѣдъ затѣмъ, по докладу шефа-жандармовъ (2 іюня 1842 года, № 25) мнѣ пожаловано заимообразно 2 т. р. на десять лѣтъ безъ процентовъ *).

Здѣсь, нисколько не вдаваясь въ политику, можно сказать, что удостовѣреніе Кавелина (донесеніе, отъ 2 декабря 1841 года, № 151, гл. X) до нѣкоторой степени оправдалось. Край дѣйствительно понялъ цѣну спокойствія и выгоду добрыхъ отношеній съ правительствомъ. Съ этого времени (начало 1842 года) во всѣхъ проявленіяхъ жизни его замѣтенъ былъ поворотъ къ лучшему. Кромѣ Кавелина и Мирковича (письмо послѣдняго къ военному министру, отъ 14 декабря 1841

*) Въ докладѣ этомъ, между прочимъ, сказано было, что по удостовѣренію свиты Его Величества генералъ-маіора Назимова, онъ мнѣ обязанъ открытіемъ истины по слѣдственному дѣлу въ Вильнѣ. Этотъ благородный поступокъ Владиміра Ивановича не былъ для меня новостію; нисколько не удивилъ меня. Покойный Назимовъ былъ не геніальный, но въ высшей степени честный человѣкъ. Выдержать борьбу съ Марковичемъ было ему не легко!

года) и извѣстный непомѣрною строгостію генералъ и губернаторъ юго-западнаго края, Д. Г. Бибиковъ, доносилъ объ этомъ Государю. Новыя попытки эмисаровъ волновать ввѣренный ему край обходились имъ очень дорого. Независимо отъ бдительности мѣстныхъ властей и полиціи, сами поляки хватали ихъ и отдавали въ руки правительства *). Одинъ изъ магнатовъ Минскихъ, графъ Михаилъ Рокицкій, счелъ нужнымъ навсегда прекратить секретныя сношенія свои съ родственникомъ его, эмигрантомъ графомъ Прозоромъ, которому прежде посылалъ деньги тайно и просилъ разрѣшенія высылать ему пособіе по почтѣ, на что, по представленію Мирковича послѣдовало Высочайшее соизволеніе, съ тѣмъ только, чтобы переписка эта производилась при посредствѣ губернатора. Многія репресивныя мѣры были отмѣнены. Край вздохнулъ свободнѣе **).

Къ этому же времени относится учрежденіе Брестскаго кадетскаго корпуса по иниціативѣ самихъ дворянъ и на ихъ средства, постройка новыхъ и исправленіе старыхъ православныхъ церквей, равно и повсемѣстное введеніе инвентарей, имѣвшее цѣлію, устранивъ безнаказанный произволъ и насиліе, установить правильныя отношенія между помѣщиками и ихъ крестьянами II кровавая катастрофа въ Галиціи (1846 года) и сева-

---

*) Рыбчинскій, имѣвшій порученіе волновать крестьянъ на Волыни и Мучлеръ, привезшій на Волынь значительное количество возмутительныхъ стиховъ и прокламацій, были задержаны и представлены начальству двумя поляками, изъ которыхъ одинъ былъ богатый магнатъ. (См. Кіевлянинъ, 12 іюня 1866 года, № 81).

**) По ходатайству шефа жандармовъ, основанному на моихъ представленіяхъ, многія изъ высланныхъ изъ края лицъ получили разрѣшеніе возвратиться, наприм. У. О. Мерло—изъ Кавказа, помѣщикъ Богдановичъ изъ Елабуги, докторъ Мацкевичъ—изъ Вологды и т. д. Авторъ.

стопальскій разгромъ не поколебали спокойствія западнаго края.

Какъ на исключеніе въ этомъ отношеніи можно указать только на опасность, которой подвергся было гор. Минскъ лѣтомъ 1855 года, но и тутъ оказалось, что во время открытое, и потому не удавшееся злоумышленіе вовсе не имѣло политическаго характера, хотя и было имъ прикрыто.

Тогда я былъ не жандармомъ, а предсѣдателемъ минской казенной палаты, но генералъ-губернаторъ П. Г. Бибиковъ назначилъ меня предсѣдателемъ учрежденной по этому случаю слѣдственной коммисіи, для присутствія въ которой присланъ былъ княземъ Орловымъ жандармскій полковникъ Тизенгаузенъ.

«Не сѣтуйте на меня, Асинкритъ Ивановичъ, писалъ мнѣ Бибиковъ 22 іюня 1855 года, за № 630, что зная Вашу опытность въ подобнаго рода дѣлахъ, я назначилъ Васъ предсѣдателемъ слѣдственной коммисіи и т. д.».

Прибывшій изъ Петербурга полковникъ донесъ своему шефу, что до его пріѣзда всѣ арестованные молодые люди откровенно признались Ломачевскому въ преступномъ ихъ намѣреніи и что ими орудовалъ нѣкто Рогалевичъ, намѣревавшійся въ назначенную имъ ночь поджечь Минскъ съ трехъ сторонъ, въ суматохѣ захватить карабины жандармовъ, когда они бросятся на пожаръ, освободить острожниковъ, ограбить казначейство и въ темнотѣ перебить всѣхъ русскихъ.

Усовѣщенная мною молодежь показала, гдѣ у нея спрятано было оружіе и порохъ.

Кто же были эти преступники? Обиженные, голодные молодые люди, кончившіе не только полный гимназическій курсъ, но и выслушавшіе съ успѣхомъ двухъ-годичный геодезическій классъ и предназначенные, но еще не опредѣленные къ должности землемѣры, которымъ велѣ-

но было ожидать вакансій и строжайше воспрещено было министерствомъ поступать на какую-либо другую службу;

Невѣроятно, но справедливо!

Вотъ, какимъ настроеніемъ молодыхъ людей воспользовался опытный революціонеръ Рогалевичъ. Ходившее по рукамъ печатное воззваніе его, изорванное въ мельчайшіе кусочки и найденное мною въ просѣянной золѣ, гласило, что если поляки не воспользуются тотчасъ стѣсненнымъ положеніемъ русскихъ и не позаботятся о томъ, чтобы общимъ возстаніемъ въ Польшѣ и Литвѣ напугать государя и отвлечь часть войскъ отъ Севастополя и Балтики, то навсегда испортятъ свое дѣло и лишатся поддержки Наполеона III.

Удайся Рогалевичу этотъ фокусъ онъ, кромѣ денегъ, запасся бы подорожными бланками и ловко ускакалъ бы за границу, назвавшись флигель-адъютантомъ и т. д.

Преступники числомъ 20 человѣкъ, въ виду смягчающихъ обстоятельствъ, безъ лишенія правъ состоянія, опредѣлены были рядовыми въ отдѣльный Оренбургскій корпусъ—и черезъ 1½ мѣсяцевъ помилованы.

Объ этомъ, какъ выразился Бибиковъ, подвигѣ предсѣдателя минской палаты сообщено было имъ, для доведенія до Высочайшаго свѣдѣнія, статсъ-секретарю Броку, но министръ не счелъ удобнымъ докладывать Государю о дѣлѣ не касающемся его вѣдомства и потому не далъ движенія ходатайству Бибикова.

Глава XII.

Матеріалы, служащіе объясненіемъ діаметрально противоположныхъ взглядовъ Мирковича и Назимова.

Теперь когда подлежавшій разрѣшенію Кавелина спорный вопросъ о томъ, кто правильнѣе смотрѣлъ

на виленское дѣло: Мирковичъ или Назимовъ, разрѣшенъ окончательно, я считаю нужнымъ посвятить эту послѣднюю главу моей драмы разъясненію поводовъ къ возникновенію между ними недоразумѣній Съ этою цѣлію изъ всѣхъ имѣющихся у меня документовъ, на которые сдѣланы мною ссылки, помѣщу здѣсь въ копіяхъ только два донесенія Мирковича военному министру и поданный ему же 2 августа полковникомъ Назимовымъ рапортъ, содержаніе котораго ознакомитъ читателя съ тѣмъ невыносимо-тяжкимъ положеніемъ, въ какомъ находился Владиміръ Ивановичъ до полученія извѣстія о назначеніи Кавелина предсѣдателемъ той комиссіи, въ которой онъ такъ добросовѣстно, такъ честно работалъ 9 мѣсяцевъ и успѣлъ открыть неслыханныя, невѣроятныя, вопіющія злоупотребленія!!!

1) Копія рапорта генералъ-лейтенанта Мирковича военному министру, отъ 25-го октября 1840 года, за № 857.

Представивъ Вашему Сіятельству, при рапортѣ моемъ, отъ 14 октября сего года, за № 798, показанія арестанта Павловскаго, я имѣлъ честь донести притомъ, что другія, подробнѣйшія свѣдѣнія и показанія по означеннымъ обстоятельствамъ, въ коихъ заключаются оговоры значительнаго числа лицъ, я повѣряю еще мѣстными розысканіями и допросами другихъ арестантовъ.

Между тѣмъ какъ я принималъ мѣры къ разъясненію показаній Заливаки и Павловскаго, стараясь совокупнымъ усиліемъ коммисіи и внѣшними распоряженіями привести въ ясность положеніе дѣла, возникло новое обстоятельство, которое поспѣшаю съ полнымъ изложеніемъ довести до свѣдѣнія Вашего Сіятельства.

Съ нѣкотораго времени замѣчено было въ коммисіи, что арестантъ Залпвако скрываетъ какую-то вещь и что

онъ долженъ имѣть какое-то письменное свѣдѣніе о лицахъ. принадлежащихъ къ тайному обществу.

При дальнѣйшемъ стараніи склонить его къ указанію сего свѣдѣнія предъявилъ онъ записку на маломъ лоскуткѣ бумаги, обернутую въ другой лоскутокъ, который зашитъ былъ у него въ подкладкѣ шинели. Бумаги эти найдены въ слѣдующемъ видѣ: обертка сложена малымъ квадратомъ; на верху рукою Заливаки написано кровію по-польски: «до смерти никому не покажу. Херувимъ *) Заливако, 6 мая 1839 года. Внутри обертки списокъ лицамъ и разныя другія замѣтки; въ спискѣ этомъ находится слѣдующее: «Мяновскій—Сократъ, Велькъ—Эпаминондъ, Маркевичъ—отецъ Захарій, Янушкевичъ—Демосѳенъ, Сидоровичъ—Солонъ; Будзицкій... подписалъ Платеръ—Францишекъ де-Валуа; Сапѣга—Титъ; Богдановичъ **)—Алквіадъ; Гинтеръ ***)—Фокіонъ.

Всѣ эти почтенныя лица подписались на Свенцономъ въ монастырѣ Базиліановъ у Гильдебрандта и Мошинскаго, кромѣ Гинтера, который на той-же организаціи, т. е. данной Мяновскому, подписалъ въ домѣ съ своими близкими пріятелями, которые сложились до стар. для Залѣсскаго ****).

Подписались на организаціи, данной Снядецкой:

Снядецкая—Іоанна д'Аркъ; Несселовская—Олимпія; дѣвица Пацъ—Флора; графиня Платеръ—Софія мудрая;

---

*) Херувимъ,—условное по обществу имя Заливаки.

**) Богдановичъ, плацъ-маіоръ.

***) Старый и богатый холостякъ графъ Гинтеръ жилъ постоянно въ Вильнѣ и былъ хорошо принятъ въ семействѣ Мирковича.

****) Не очень-же щедры были заговорщики, если для такой особы, какъ эмисаръ Залѣсскій, пожертвовали около 100 р.

графиня Забѣлло *) — Гортензія; Лопацинская—Минерва; Ромеръ—Викторія; Конча—Магдалина de Paris.

17-го уволенъ изъ полиціи. Гильдебрандтъ—Дарій; Мошинскій—Діогенъ; здѣсь подписались всѣ дерптскіе студенты: де-Люсине—Мильціадъ; Гератмовъ—Канонъ; Догановскій—Фемистоклъ; Караваевъ—Гольбергъ; Булатовъ—Аттикъ; Квицинскій—Франкеръ; Балинская—Антипа; Возняковскій—Крестителъ; Подберезскій—Видживано; Ходзько—Шлезеръ; Наркевичъ—Меліофъ; Ханецкій—Миндано; Овсяный—Веліоръ; Давшкевичъ—Минорко; Лопатецкій—Кордіанъ; Маціевскій—Фортундо; Морозъ—Ипринго; Томашевичъ—Мартинъ; Янковскій—Луціанъ—Петкевичъ—Клавдіусъ; Гилевскій—Рубино; Павловскій—Фредриль; Заливако—Херувимъ; Кантаровичъ—Теодорусъ; Кожуховскій—Мирабо **).

Главные пункты возстанія 23 марта 1841 года: Познань, Кіевъ, Москва, Вильно, Варшава, Краковъ.

15 февраля—память смерти Канарскаго.

4 марта—взятіе подъ арестъ Залѣсскаго.

17. Увольненіе его. Эмиграція Залѣсскаго.

По содержанію свѣдѣній, изложенныхъ въ семъ спискѣ требовано было объясненіе отъ арестанта Заливаки, который отвѣчалъ, что въ немъ означены настоящія прозванія съ условными именами лицъ, принадлежащихъ къ тайному обществу; что онъ выписалъ его тайнымъ образомъ изъ подлиннаго списка, написаннаго собственною рукою эмисара, который, вручая оный студенту Возняковскому, говорилъ: «смотри, сколько есть знатныхъ лицъ, старайся съ своей стороны привлечь болѣе!!»

---

*) Въ то время—супруга харьковскаго генералъ-губернатора князя Н. А. Долгорукова. Она столько же похожа была на заговорщицу, сколько Заливако на римскаго папу.

**) Завѣдывавшій имѣніями князя Витгенштейна. Прим. автора.

Въ спискѣ означены, какъ объясняетъ Заливако однѣ важнѣйшія лица *) и еще тѣ которыя подписались на организаціи, данной Возняковскому. Сей послѣдній, соглашая злоумышленниковъ напасть на гаубтвахту, освободить политическихъ преступниковъ и убить князя Трубецкаго **), предъявлялъ тотъ списокъ, ободряя успѣхомъ и содѣйствіемъ лицъ, принадлежащихъ къ заговору.

Кромѣ тѣхъ лицъ, которыя въ спискѣ означены, состояли, по указанію Заливаки, въ подлинномъ, рукою эмисара писанномъ, еще нѣкоторыя, а именно: Малиновскій—адвокатъ и бывшій повѣренный князя Радзивилла; Козловскій, бывшій правитель канцеляріи генералъ-губернатора; совѣтникъ виленскаго губернскаго правленія Шульцъ и товарищъ предсѣдателя уголовной палаты Чигаревъ ***).

Открывъ и прежде въ показаніи своемъ о существованіи общества человѣколюбія и между женщинами, Заливако пояснилъ, что при немъ лично подписывались нѣкоторыя на организаціи, бывшей у помѣщицы Снядецкой и указывая на самыхъ знатнѣйшихъ здѣшнихъ дамъ, присовокупляетъ, что эмисаръ сказывалъ, что въ обществѣ находится будто бы до сорока женщинъ ****).

---

*) Значитъ, что къ числу важнѣйшихъ лицъ, участвовавшихъ въ заговорѣ, принадлежали: самъ Заливако, Павловскій, Наркевичъ, а съ ними—и княгиня Долгорукова!

**) Виленскій вице-губернаторъ князь Трубецкой былъ предсѣдателемъ слѣдственной коммисіи по дѣлу Канарскаго. На него были сильныя жалобы за дурное обращеніе и истязаніе арестантовъ, что подтверждено и Кавелинымъ.

***) Видно, что Малиновскій, Козловскій и сослуживецъ Анисимова Шульцъ—были не по сердцу почтенному Анисимову, но ихъ не арестовали, что же касается Чигарева и Миновскаго, которыхъ онъ не навидѣлъ, то они попали въ казематъ еще въ сентябрѣ!

****) Какъ неосторожны эти знатныя дамы, если онѣ подписывались у Снядецкой въ присутствіи школьника! Анисимовъ вѣроятно намекнулъ бы Заливакѣ объ именахъ этихъ 40 женщинъ, еслибъ умѣлъ назвать ихъ. Фамиліи названныхъ поименно дамъ надписаны на воротахъ принадлежащихъ имъ домовъ.

Въ дальнѣйшемъ объясненіи Заливако обнаруживаетъ, что день 23 марта 1841 года назначенъ былъ на произведенія возстанія въ одно время въ слѣдующихъ городахъ: Познани, Кіевѣ, Москвѣ, Вильнѣ, Варшавѣ и Краковѣ; что средства къ достиженію этого заключались въ дѣйствіи эмисаровъ, возбуждавшихъ всѣ сословія къ подпятію оружія, въ заготовленіи онаго постепенно, по малому количеству и въ привлеченіи войскъ; что все это устроено, по словамъ эмисара Залѣсскаго, по плану заграничной эмиграціи, ожидавшей въ тоже время войны Россіи съ Турціею.

Въ заключеніе Заливако обнаруживаетъ преступную мысль эмисара касательно священнѣйшей особы государя императора, изъяснивъ еще прежде въ показаніи своемъ, что Возняковскій, въ порывѣ бѣшенства и злобы, не рѣдко выражалъ сей замыселъ.

Показаніями, предшествовавшими открытію сего документа (!!!) Заливака въ пространномъ изложеніи *) изъяснилъ подробности сихъ же самыхъ свѣдѣній. По примѣру прежнихъ они подкрѣплены въ большей части и показаніями Павловскаго, а въ нѣкоторой степени и допросомъ, снятымъ съ слуги Мяновскаго Андрея Пашкова, **) указывающаго также на пребываніе, связи и знакомство здѣсь эмисара Залѣсскаго.

Подлинный документъ, предъявленный Заливакою, также какъ и объясненія его, имѣю честъ представить при семъ на ближайшее благоусмотрѣніе Вашего сіятельства.

---

*) И документъ и пространное изложеніе—все это произведенія того же неутомленнаго Анисимова.

**) Пашковскій, переименованный въ Пашкова, этотъ безграматный, напуганный полу-идіотъ подкрѣплялъ изложенія, пространныя изложенія двухъ школьниковъ!—За что же самъ Пашковскій содержался въ казематѣ?—Его берегли, какъ готоваго свидѣтеля!

Нѣкоторая часть лицъ, въ нихъ упоминаемыхъ, состоятъ уже подъ арестомъ. Бывшій плацъ-маіоръ полковникъ Богдановичъ и чиновникъ Чигаревъ, какъ оговариваемые, кромѣ Заливаки и Павловскаго, еще третьимъ лицамъ (т. е. Андреемъ Пашковымъ, слугою Мяновскаго) въ сношеніяхъ съ эмисаромъ и притомъ навлекшіе уже подозрѣніе прежнимъ поведеніемъ своимъ, подвергнуты аресту, остальныя же затѣмъ вновь оговариваемыя лица, какъ ваше сіятельство изволите усмотрѣть, принадлежатъ къ высшему кругу здѣшняго дворянства, или къ числу чиновниковъ, долговременно въ службѣ нашей служащихъ *).

Вникая тщательно, но безъ предубѣжденій, въ смыслъ объясненій Заливаки представляется важное сомнѣніе, **) не составленъ ли былъ подлинный списокъ эмисара единственно съ цѣлію выказать заговоръ въ видѣ болѣе обширномъ и не былъ-ли онъ условнымъ орудіемъ для обольщенія и обмана неопытныхъ?

Руководствуясь правилами строгой осторожности, по мнѣнію моему, представляется необходимымъ, неупуская изъ виду должныхъ распоряженій къ обнаруженію замысловъ и соучастниковъ эмисара, ограничиться въ настоящемъ случаѣ только наблюденіемъ за вновь оговариваемыми лицами впредь до открытія уликъ болѣе положительныхъ и достовѣрныхъ ***) въ томъ движеніи, чтобы излишнею поспѣшностію и привлеченіемъ къ дѣ-

---

*) Вѣроятно говорилось о Козловскомъ и Шульцѣ.

**) Не сомнѣвались въ томъ, что Заливако сфабриковалъ списокъ и добавилъ къ нему слышанное отъ эмисара, но заботились лишь о томъ, что эмисаръ показалъ излишне будто бы навербованныхъ имъ участниковъ заговора!

***) На основаніи какихъ же болѣе положительныхъ уликъ засажены были Богдановичъ, Мяновскій и Чигаревъ? Еслибъ флигель-адъютантъ Назимовъ прибылъ мѣсяцемъ ранѣе, они не были бы арестованы и документъ не былъ бы сфабрикованъ Заливакою.

гу людей невинныхъ не навести на край напраснаго волненія и безпокойства, впечатлѣнія котораго весьма трудно будетъ впослѣдствіи изгладить.

Соображая общій ходъ и объемъ дѣла, я полагалъ бы не прежде приступить къ дальнѣйшимъ арестаціямъ, какъ по достиженіи въ слѣдопроизводствѣ развитія болѣе полнаго и по окончательномъ уже допросѣ большей части лицъ, такъ, чтобы противъ уликъ и доводовъ не представлялось бы особаго затрудненія въ доведеніи преступниковъ до сознанія. Подобнымъ же правиломъ полагалъ бы руководствоваться и въ отношеніи лицъ женскаго пола, оговариваемыхъ Заливакою и Павловскимъ.

Предавая на благоуваженіе Вашего сіятельства заключеніе мое по изложеннымъ обстоятельствамъ, принимаю смѣлость покорнѣйше просить удостоить доведеніемъ о томъ до Высочайшаго государя императора свѣдѣнія и въ разрѣшеніе почтить меня для дальнѣйшаго руководства въ дѣйствіяхъ предписаніемъ Вашимъ *).

Долгомъ считаю присовокупить, что на счетъ поимки эмисара Залѣсскаго принимаются мною самыя строжайшія мѣры по ввѣреннымъ мнѣ губерніямъ, и что по открытію малѣйшихъ слѣдовъ о его гдѣ-либо укрывательствѣ дѣлаются розысканія самыя тщательнѣйшія; на счетъ же передержательства его въ полиціи, съ 4 по 17-е марта 1839 года, производится особенное розысканіе, независимо отъ дѣйствій слѣдственной коммисіи **).

«Подписалъ: генералъ-лейтенантъ Мирковичъ».

---

*) Этотъ знаменитый списокъ, представленный государю, былъ возвращенъ въ коммисію генералъ-губернаторомъ. Изъ дѣла не видно однакожъ, чтобы кто нибудь изъ названныхъ Заливакою дамъ былъ подвергнутъ допросу, кромѣ одной Снядецкой и то по дѣлу подпоручика Караваева и прапорщика де-Люсине, о кольцахъ. Пріѣздъ В. И. Назимова видимо воспрепятствовалъ Анисимову расплодить поднятые этимъ документомъ вопросы.

**) Но подъ ея наблюденіемъ и направленіемъ, которымъ орудовалъ Новицкій.

Авторъ.

2) Копія съ рапорта генералъ-лейтенанта Миркови-ча князю Чернышеву, отъ 29 мая 1841 года, за № 540-

Изъ многократныхъ донесеній моихъ Ваше сіятельство изволите быть извѣстны о сущности показаній арестантовъ Заливаки и Павловскаго и о важности извѣтовъ, ими взведенныхъ противу многихъ лицъ, касательно участія ихъ въ заговорѣ, составленномъ будто бы по-вліянію эмисара Адольфа Залѣсскаго. При дальнѣйшемъ производствѣ изслѣдованія приложены были самыя усиленнѣйшія старанія къ разъясненію этихъ извѣтовъ и къ обнаруженію крамолъ во всей ясности, такимъ образомъ, чтобы пріобрѣсть удостовѣреніе, въ какой степени показанія упомянутыхъ лицъ заслуживаютъ вѣроятія. Но всѣ принимаемыя мѣры и средства не представляли въ результатахъ надлежащаго успѣха и въ продолженіи 6-ти мѣсяцевъ времени всѣмъ усиліямъ слѣдователей большая часть арестантовъ противопоставляла постоянное упорство и отрицательство.

Между тѣмъ, съ нѣкотораго времени, представились подозрѣнія, что арестанты Заливако и Павловскій въ открытіяхъ своихъ не руководствовались прямымъ изложеніемъ истины; въ показаніяхъ ихъ замѣчалась какая-то сбивчивость и взаимная между собою подражательность, такъ, что прежде всякаго новаго объясненія, отъ нихъ по обстоятельствамъ дѣла требуемаго, они старались предварительно вывѣдать: что показалъ по этому предмету другой изъ нихъ. При внимательнѣйшемъ и строгомъ разбирательствѣ ихъ показаній усмотрѣны были въ нихъ *) многія несообразности и противорѣчія. Предсѣдатель коммисіи флигель-адъютантъ полковникъ

---

*) Что и было поводомъ къ строгому разбору прежнихъ дѣйствій коммисіи (см. гл. III).

Назимовъ подвергалъ ихъ по этому случаю строжайшимъ передопросамъ и они наконецъ, послѣ долгаго колебанія и замѣшательства, открыли ему, что большая часть извѣтовъ ихъ, ими пріувеличена, произшествія перетолкованы и даже вымышлены. Такъ на примѣръ: эмисара Адольфа Залѣсскаго будто бы никогда не знали и не видали, а только слыхали о немъ; на свепциономъ въ первый день Пасхи 1839 года, въ камерѣ преступниковъ Гильдебрандта и Мошинскаго, не были и о сборищѣ, тамъ состоявшемся, ничего не знаютъ; о тайномъ обществѣ Ludskosci (человѣколюбія) показывали будто бы ложно, выставляя за общество обыкновенныя свои сходбища у нѣкоторыхъ товарищей, гдѣ читали возмутительныя сочиненія Возняковскаго и говорили либерально о политическихъ предметахъ.

Сколько не представляется не вѣроятнымъ. чтобы можно было выдумать столько произшествій и столько обстоятельствъ, высказываемыхъ ими съ такими подробностями и съ такимъ простодушіемъ, является однакоже много удостовѣренія, что нѣкоторыя обстоятельства дѣйствительно были вымышлены *).

Источникъ, цѣль и причины сихъ отрѣченій Заливаки и Павловскаго еще не обслѣдованы и не представляютъ въ общемъ соображеніи положительной ясности; они **) изъясняются только, что дѣлали показанія не справедливыя для того, чтобы снискать расположеніе членовъ коммисіи прежняго состава и въ особенности по вліянію совѣтника Анисимова. Принимая однакоже въ соображеніе, что Заливако и Павловскій пока-

---

*) Но въ это время Мирковичу было уже извѣстно, что выдумывали не Заливако съ Павловскимъ и ужъ конечно не слуга Пашковекій, а опытнѣйшій дѣлецъ по политическимъ изысканіямъ—Анисимовъ!

**) Т. е. мальчики Заливако и Павловскій.

занія свои постоянно подтверждали впродолженіи 8-ми мѣсяцевъ и повторяли оныя съ такимъ простосердечіемъ не только въ коммисіи, но и мнѣ лично при неоднократныхъ передопросахъ, также, какъ и предсѣдателю полковнику Назимову, коему указывали даже мѣста, гдѣ какое дѣйствіе происходило, я побуждаюсь симъ къ мысли, что отрѣченіе ихъ столько же сомнительно, сколько и прежнія ихъ мнимыя сознанія, и потому я поставляю коммисіи постоянно въ обязанность не торопиться въ своихъ заключеніяхъ, не увлекаться наружными изъявленіями раскаянія и сознанія арестантовъ, представляющихъ нынѣ свои отрѣченія, а стремиться къ открытію истины строгою повѣркою ихъ прежнихъ показаній, разборкою каждаго ихъ объясненія, сличеніемъ фактовъ съ другими обстоятельствами дѣла, и слѣдуя систематически въ строгихъ изысканіяхъ, обнаружить истину и отличить вымыселъ отъ событій дѣйствительныхъ и вѣроподобныхъ.

Что касается до совѣтника Анисимова, то въ объясненіи, отъ меня требованномъ вашимъ сіятельствомъ, по высочайшему повелѣнію, *) я имѣлъ уже честь доносить, что онъ увлекается въ дѣлахъ подобнаго рода слишкомъ, горячимъ усердіемъ и что по одностороннему взгляду на политическіе предметы требуетъ руководства, почему и былъ онъ удаленъ мною еще въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года изъ коммисіи; въ послѣдствіи, съ прибытіемъ сюда полковника Назимова, по настоятельнымъ просьбамъ его, опредѣливъ вновь Анисимова въ коммисію, какъ человѣка свѣдущаго во всѣхъ предшествовав-

---

*) Какаго рода требовалось свѣдѣніе объ Анисимовѣ, мнѣ неизвѣстно, достаточно и того, что онъ и тогда уже признанъ былъ вреднымъ и потому удаленъ изъ комиссіи.

шихъ политическихъ производствахъ *) нынѣ обстоятельства отрѣченій Заливаки и Павловскаго возродили несогласія и навели на Анисимова новыя сомнѣнія въ слѣдствіе которыхъ, по представленію предсѣдателя, я уволилъ его согласно собственной просьбѣ**) отъ обязанностей члена коммисіи и равнымъ образомъ удалилъ изъ состава оной, подъ разными предлогами и другихъ двухъ членовъ, въ ней состоявшихъ, дабы отстранить вліяніе ихъ къ поддержанію прежнихъ показаній и тѣмъ обнаружить истину. Комплектъ коммисіи я пополнилъ, мѣжду тѣмъ, новыми членами.

Съ тѣмъ вмѣстѣ считаю долгомъ однако же пояснить, что независимо отъ сознанія Сержпинскаго и Андрея Пашкова***) подтверждающихъ показанія Заливаки и Павловскаго есть въ виду и иныя показанія сдѣланныя уже въ послѣднее время, которыя даютъ поводъ предполагать дѣйствительное существованіе какихъ-то замыслахъ. Подпоручикъ Квицинскій, впросясь въ коммисію, открылъ, что онъ былъ, вмѣстѣ съ другими офицерами, въ камерѣ Гильдебрандта и Мошинскаго въ первый день Пасхи 1839 года, что тамъ дѣлались какія-то подписки и складки и былъ вывѣшенъ одноглавый польскій орелъ.

---

*) Флигель адъютантъ Назимовъ, считая Анисимова за человѣка свѣдующаго во всѣхъ предшествовавшихъ политическихъ производствахъ, могъ просить о возвращеніи его въ коммисію, но ужъ конечно неподозрѣвалъ тогда въ Анисимовѣ человѣка, готоваго изъ злобы и ненависти, погубить кого вздумается хотя бы для достиженія этой цѣли ему пришлось прибѣгать къ неслыханнымъ преступленіямъ и обману правительства!

**) Но вѣдь прежде вторичнаго удаленія Анисимова изъ коммисіи онъ сознался, что наводилъ Заливаку, Павловскаго и Пашкова на мысль, что и на кого они должны показывать увѣряя впрочемъ, что онъ дѣлалъ это изъ одного усердія къ престолу, стало быть о сомнѣніи и рѣчи не могло быть здѣсь (см. главу VI-ю)

***) И по представленію предсѣдателя, и согласно собственной просьбѣ уволенъ, а другіе два члена равномъ образомъ удалены. Одно съ другимъ какъ-то не клеится!

Преступникъ Наркевичъ показываетъ также довольно согласно съ Заливакою, но показанія его по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, подлежатъ еще сомнѣнію *)

Представляя Вашему сіятельству съ откровенностію весь ходъ сего дѣла, столь запутаннаго разнорѣчивыми и сбивчивыми показаніями, я пріемлю смѣлость покорнѣйше просить о доведеніи объ оныхъ до высочайшаго свѣдѣнія, если изволите признать это необходимымъ.

Подписалъ: генералъ-лейтенантъ Мирковичъ.

3) Списокъ съ рапорта предсѣдателя виленской слѣдственной коммисіи, флигель-адъютанта, полковника Назимова военному губернатору. генералъ-лейтенанту Мирковичу, отъ 2 августа, за № 114.

Предписаніемъ, отъ 27 іюля, за № 784 **), Ваше Превосходительство, между прочимъ, изволили дать знать мнѣ, что мнѣніе мое, представленное Вашему Превосходительству, при рапортѣ, отъ 13 іюля, за № 317, о необходимости обревизованія слѣдственнаго дѣла 1839 года особо довѣреннымъ лицомъ, мимо всякаго мѣстнаго вліянія, изволите признавать неумѣстнымъ и обвиняете меня въ неправильномъ выводѣ основаній помянутаго дѣла.

---

*) Натянутость въ редакціи этого донесенія такъ очевидна, что въ помѣщаемомъ ниже рапортѣ Назимова онъ обращаетъ вниманіе Мирковича, на ложную систему дѣйствій нѣкоторыхъ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ. Здѣсь необъяснено также. что Павловскій сознался за мѣсяцъ прежде Заливаки (7 апрѣля). Донесеніе это препровождено было княземъ Чернышевымъ. при запискѣ за № 464. на заключеніе графа Бенкендорфа, который нашелъ что Мирковичъ колеблется уже и приготовляетъ правительство къ извѣстію о совершенной ничтожности всего этого дѣла.

**) Ни рапортъ Назимова. за № 317-мъ. ни предписаніе Мирковича, за № 784. здѣсь не прилагаются! содержаніе того и другаго объясняется достаточно этимъ отвѣтомъ. который полученъ Мирковичемъ за нѣсколько часовъ до прихода почты, привезшей—извѣстіе о назначеніи новой коммисіи подъ предсѣдательствомъ А. А. Кавелина. *Авторъ.*

На сіе обязанностію считаю почтительнѣйше имѣть честь донести Вашему Превосходительству:

1) Если изъ переписки, у Вашего Превосходительства находящейся, извѣстно, что слѣдственное дѣло 1839 года, объ обревизованіи котораго я ходатайствовалъ, производилось подъ непосредственнымъ наблюденіемъ, руководствомъ и распоряженіемъ генералъ-адъютанта князя Долгорукова, который, присутствуя лично при главнѣйшихъ допросахъ, чинимыхъ арестантамъ, самъ давалъ направленіе всему слѣдствію, то, съ одной стороны, этого не видно изъ подлиннаго дѣла, находящагося въ коммисіи, кромѣ одного случая послѣ предъявленія коммисіи подполковникомъ Лобри, полученной отъ де-Люсине ложки съ надписью l'humanité, а съ другой, если-бы я и зналъ это, то по долгу чести и совѣсти ни подъ какимъ видомъ не остановился бы войти съ представленіемъ о необходимости строжайшаго обревизованія помянутаго дѣла, что и теперь смѣю повторить, въ полной увѣренности, что какъ генералъ-адъютанту князю Долгорукову, такъ и его свѣтлости главнокомандующему дѣйствующею арміею, не можетъ быть непріятнымъ рано или поздно обнаружить святую истину и открыть передъ правительствомъ всѣ злоупотребленія слѣдователей.

2) Ваше превосходительство изволите находить также, что основаніемъ дѣлу 1839 года послужили не доносы Эльашевича, Григорьева и Юхневича, какъ я представлялъ, но самые факты и данныя, имѣвшіеся въ виду коммиссіи, а именно: противузаконныя дѣйствія многихъ офицеровъ и юнкеровъ; серебряныя кольца, подаренныя Снядецкою двумъ офицерамъ и нѣкоторымъ арестантамъ и захваченіе записокъ у прапорщика де-Люсине.

Противъ замѣчанія этого мнѣ достаточно было бы оправдаться собственными словами вашего превосходительства: «но самые факты и данныя, имѣв-

шіеся въ виду коммисіи», ибо факты эти и данныя открыты коммисіею, а коммисія учреждена по дѣлу, начавшемуся доносомъ Эліашевича и Григорьева.

Но какъ всѣ заключенія мои основываются вообще не на посторонних̀ъ слухахъ и не на чьихъ либо разсказахъ, но собственно на открытіяхъ, сдѣланныхъ ввѣренною мнѣ коммисіею, или на свѣдѣніяхъ, почерпнутыхъ изъ прежнихъ дѣлъ, то въ доказательство, что основаніемъ дѣлу 1839 года дѣйствителкно были, какъ я имѣлъ честь представить вашему превосходительству, доносы Эльашевича и Григорьева, я привожу здѣсь собственныя слова выписки изъ помянутаго дѣла:

«Дѣло это возникло по поводу знакомства прапорщика де-Люсине съ отставнымъ подпоручикомъ Григорьевымъ, который 25 апрѣля донесъ начальству, что де-Люсине еще 3 апрѣля приглашалъ его вступить въ тайное общество подъ названіемъ l'humanité и проч.

Далѣе сказано, что Григорьевъ квартировалъ въ то время вмѣстѣ съ штабсъ-ротмистромъ Эльяшевичемъ, который, узнавъ объ этомъ отъ Григорьева, 23 апрѣля увѣдомилъ виленскаго плацъ-адъютанта капитана Городецкаго, а командиръ эстляндскаго егерскаго полка, по сдѣланному имъ секретному розыску, донесъ, отъ 3 мая, что прапорщикъ де-Люсине, будучи однажды въ нетрезвомъ видѣ, говорилъ своему деньщику, что онъ, де-Люсине, государственный преступникъ; что скоро не будетъ русскаго государя, а будетъ французскій и проч. Тамъ-же: «По таковымъ свѣдѣніямъ, для обнаруженія истины, наряжена коммиссія, открывшая свои дѣйствія 10 мая сего (т. е. 1839) года.

Послѣ всего этого я отдаю на благосклонное заключеніе вашего превосходительства: имѣлъ ли я право сказать, что основаніемъ дѣлу 1839 года послужили доносы Григорьева и Эльяшевича, ибо и самый розыскъ ко-

мандира эстляндскаго егерскаго полка о де-Люсине былъ ужъ послѣдствіемъ сдѣланнаго на него доноса?

Ваше превосходительство рѣшительно изволите воспрещать мнѣ входить въ критическій разборъ этого дѣла; но какъ оно требовалось нынѣшнею коммисіею собственно для соображенія о томъ, что открыто коммисіею 1839 года, то и невозможно была не разсматривать его, а разсматривая невозможно не замѣтить запутанности, натяжки, пріувеличенія и совершеннаго противорѣчія, не говоря уже объ истязаніяхъ, причиненныхъ арестантамъ при допрашиваніи и вообще безчеловѣчномъ съ ними обращеніи, наконецъ, невозможно не замѣтить и того, что противозаконныя дѣйствія офицеровъ, кромѣ Короваева и де-Люсине, относятся только къ упущеніямъ по гарнизонной службѣ, а не къ политическимъ замысламъ, да и между упущеніями по службѣ допущены такіе извѣты, за принятіе которыхъ члены должны строго отвѣтствовать, такъ напримѣръ.

а) Прапорщикъ Свенторжецкій долгое время находился въ строжайшемъ тюремномъ заключеніи за то единственно, что находясь однажды въ караулѣ въ тюремномъ замкѣ и увидя пришедшаго туда арестованнаго подпоручика Караваева, отправилъ его обратно съ вѣстовымъ на арсенальную гаубтвахту, но не донесъ объ этомъ по командѣ, и

б) Того же полка подпоручикъ Трубниковъ долгое время содержался въ тюрьмѣ, а потомъ хотя и выпущенъ, но считается и до сего времени подъ слѣдствіемъ на половинномъ жалованьѣ и, наравнѣ съ Свенторжецкимъ, обходится чинами, за то единственно, что прапорщикъ де-Люсине показалъ на него, будто придя однажды къ нему въ караулъ, не засталъ его на своемъ посту и что будто-бы Трубниковъ, котораго онъ смѣнялъ съ караула, передалъ ему словесное позволеніе до-

пускать къ арестантамъ посѣтителей, между тѣмъ какъ Трубниковъ убѣждалъ членовъ коммисіи, что перваго случая никогда не было, но что де-Люсине показалъ на него ложно по злобѣ за то, что Трубниковъ, въ бытность въ караулѣ на арсенальной гауптвахтѣ, не отпустилъ, по просьбѣ его, арестованнаго Караваева, а второе опровергалъ тѣмъ, что словесныхъ приказаній онъ не могъ передавать де-Люсине, потому что таковыя строго запрещены.

Но оба эти случая ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть отнесены къ политическимъ замысламъ, слѣдовательно на обязанности коммисіи было тотчасъ офицеровъ этихъ очистить отъ всякаго подозрѣнія, а не оставлять правительство въ заблужденіи, что и между воинскими чинами существуетъ заговоръ.

И такъ, можетъ-ли что нибудь остановить меня въ обнаруженіи подобной сему вопіющей несправедливости? Но что я не желалъ самъ входить въ критическій разборъ этого дѣла и неподалъ повода къ рѣшительному воспрещенію сего со стороны Вашего превосходительства, это доказывается сущностію представленія моего о необходимости обревизованія помянутаго дѣла особо довѣреннымъ лицомъ, мимо всякаго мѣстнаго вліянія.

3) Ваше превосходительство изволили упомянуть также, что ежели жалобы на бывшую слѣдственную коммисію выводятъ только тѣ арестанты, которые, не взирая на имѣющіеся факты въ ихъ злоумышленіяхъ, ни въ чемъ признанія не сдѣлали, то этимъ однимъ доказывается будто бы, что имъ вовсе не было чинимо пристрастныхъ допросовъ. Я же, напротивъ, полагаю, что ихъ то жалобы и замѣчательны, что они-то и могли терпѣть за мнимое запирательство, а что тѣ арестанты, которые справедливо, или несправедливо, но что нибудь показывали, не могли заставить членовъ коммисіи при-

бѣгать къ противозаконнымъ мѣрамъ вымогательства. Это было бы понятно для меня даже и въ такомъ случаѣ, еслибы я не имѣлъ въ виду подобныхъ сему примѣровъ въ нынѣшнемъ дѣлѣ, во время производства котораго съ главнѣйшимъ показателемъ Заливакою члены обходились до того милостиво, что предоставляли ему всевозможныя выгоды, а съ тѣми, кто не подтверждалъ лжи, поступали съ неслыханною жестокостію, такъ-на примѣръ: изъ представленныхъ уже Вашему превосходительству объясненій арестантовъ Павловскаго и Пашкова извѣстно, что оба они прежде нежели рѣшались посягнуть на лживыя показанія претерпѣли жестокія истязанія, а титулярный совѣтникъ Покровскій дошелъ до такой дерзости, что посадилъ однажды профессора коллежскаго совѣтника Мяновскаго на хлѣбъ и воду, не взирая на предостереженіе другого члена подполковника Коростовцева, что за это можно подвергнуться строгой отвѣтственности.

4) Всего же прискорбнѣе для меня то, что въ предписаніи этомъ, котораго копія представлена военному министру, для всеподданнѣйшаго доклада Государю императору, Ваше превосходительство изволите обвинять меня въ томъ, что будто бы еще менѣе основано на справедливости намѣреніе мое привлечь слѣдователей по дѣлу 1839 года къ запутанностямъ настоящаго дѣла, мною производимаго, прибавляя, что «всѣ они, за исключеніемъ совѣтника Анисимова, вовсе неучаствовали въ слѣдствіи 1840 года».

Могу-ли я и на этотъ разъ умолчать, что это замѣчаніе основано Вашимъ превосходительствомъ на фальшивомъ докладѣ, потому что изъ числа слѣдователей по дѣлу 1839 года не одинъ Анисимовъ, но и полковникъ Юферовъ и подполковникъ Лобри, съ самаго начала

слѣдствія были назначены въ составъ нынѣшней коммисіи, и хотя впослѣдствіи уволены отъ этой обязанности, но предписаніемъ, отъ 5 сентября (1840 года), за № 571-мъ Ваше превосходительство изволили дать знать коммисіи, что полковнику Юферову и маіору Аранда-ренкѣ разрѣшено вами присутствовать при снятіи допросовъ и посѣщать отдѣльныя помѣщенія арестантовъ. Слѣдовательно я имѣлъ право сказать, что настоящее дѣло начато тѣми же самыми членами, которые производили слѣдствіе 1839 года.

5) Ваше превосходительство изволите обязывать меня, оставивъ въ сторону заключенія мои о мѣстныхъ чиновникахъ, заняться открытіемъ зловредныхъ замысловъ злоумышленниковъ, по тѣмъ даннымъ и фактамъ, которые находятся въ рукахъ коммисіи.

На это имѣю честь почтительнѣйше доложить, что не щадя ни трудовъ, ни усилій, ни самаго здоровья, я, съ помощію Бога, достигъ уже полнаго разъясненія всѣхъ обстоятельствъ возложеннаго на меня слѣдственнаго дѣла и въ самомъ непродолжительномъ времени коммисія представитъ вашему превосходительству полный, подробный и удовлетворительный отчетъ о всѣхъ ея розысканіяхъ.

Что же принадлежитъ до невыгоднаго заключенія моего о нѣкоторыхъ мѣстныхъ чиновникахъ, незаконнымъ образомъ напрягающихъ всѣ свои усилія къ удержанію высшаго начальства въ недоразумѣніи и поддержаніи въ немъ подозрѣнія на счетъ существованія въ здѣшнемъ краѣ тайнаго общества, учрежденнаго эмисаромъ Адольфомъ Залѣсскимъ и общаго заговора во всѣхъ классахъ жителей здѣшняго края, опираясь во всемъ этомъ на частныя проявленія преступныхъ намѣреній въ нѣкоторыхъ безнравственныхъ молодыхъ людяхъ, большею частью такихъ, которымъ терять нечего, хотя бы даже дѣйствія этихъ чиновниковъ и не имѣли вреднаго вліянія на успѣшный

ходъ важнаго дѣла, производимаго коммисіею, то и тогда бы я счелъ долгомъ донести объ этомъ вашему превосходительству. А если заключеніе мое о нихъ, основанное на характерѣ дѣйствій каждаго, неправильно, то я желалъ бы, чтобы вмѣсто безусловнаго приказанія оставить въ сторону заключенія мои о мѣстныхъ чиновникахъ, мнѣ указали бы, въ чемъ я ошибаюсь и убѣдили-бы меня въ заблужденіи, если только я точно заблуждаюсь, а между тѣмъ я поименую здѣсь нѣкоторые случаи, которые заставили меня обратить особенное вниманіе на систему дѣйствій нѣкоторыхъ здѣшнихъ чиновниковъ.

1) Когда вашему превосходительству угодно было поручить полковнику Юферову, въ кабинетѣ и въ вашемъ присутствіи, прочитать мнѣ изготовленное донесеніе къ г. военному министру, о признаніи Заливаки и Павловскаго во лживости ихъ показаній, то я замѣтилъ, что въ донесеніи этомъ упомянуто, что сущность прежнихъ донесеній Заливаки и Павловскаго подтверждается сдѣланными вновь сознаніями дворянина Наркевича и подпоручика Квицинскаго, и счелъ обязанностію доложить вашему превосходительству, что коммисія не имѣетъ въ виду, чтобы Наркевичъ и Квицинскій подтверждали показанія Заливаки и Павловскаго, и потому полагаю, что нельзя ссылаться на нихъ, то полковникъ Юферовъ отвѣчалъ мнѣ тутъ же, что объ этомъ говорили ему полковникъ Новицкій и совѣтникъ Анисимовъ, я позволилъ себѣ присовокупить, что на словахъ ихъ нельзя основывать донесенія, потому что еслибы это дѣйствительно было, то коммисія не преминула бы донести объ этомъ

Не знаю, изволили ваше превосходительство исключить это изъ донесенія или нѣтъ хотя по ссылкѣ Анисимова требовали представленія помянутыхъ показа-

ній и коммисія весьма обстоятельно исложила свое заключеніе объ оныхъ въ опредѣленіи, которое въ копіи представлено вашему превосходительству.

2) Изъ опредѣленія коммисіи 30 іюня, представленнаго Вашему превосходительству въ копіи, видно, до какой степени чиновникъ особыхъ порученій Вашклевичъ желалъ лживыми изворотами и противозаконными дѣйствіями убѣдить Ваше превосходительство въ несомнѣнности того, что эмиссаръ Адольфъ Залѣсскій дѣйствительно былъ въ полиціи, представляя въ доказательство ложно выведенные имъ результаты изъ объясненій полицейскихъ чиновниковъ, а еще болѣе ссылаясь на вырванный листъ изъ арестантской книги, тогда какъ уничтоженіе листа коммисія никому другому отнести не можетъ, какъ самому Вашклевичу.

При дальнѣйшемъ же разслѣдованіи всѣхъ малѣйшихъ обстоятельствъ этого дѣла оказывается теперь, что нѣкоторые полицейскіе чиновники признаютъ, что показанія ихъ, данныя Вашклевичу, при всей ихъ неопредѣлительности, приноровлены были къ требованіямъ слѣдователя, изъ опасенія не подвергнуться тюремному заточенію *). Всѣ же вообще обстоятельства, заключающіяся въ запутанномъ до невѣроятной степени полицейскомъ дѣлѣ и даже всѣ лица, въ которыхъ подозрѣвались эмиссары **) въ томъ числѣ и тотъ человѣкъ, который толкнулъ у Кардиналіи часоваго, открыты нынѣ коммисіею, которая съ крайнимъ удивленіемъ видитъ, что этотъ послѣдній случай давно долженъ былъ быть извѣстенъ мѣстному начальству, о чемъ коммисія вслѣдъ за симъ будетъ имѣть честь представить окончательное и подробнѣйшее заключеніе Вашему превосходительству.

*) Подобно слѣдственному приставу Еленскому.

**) Т. е. въ поручикѣ Вишневскомъ, который былъ посаженъ въ полицію членомъ коммисіи Стратоновичемъ и лакеѣ Кобецкомъ.

3) Равнымъ образомъ изъ опредѣленія коммисіи 11-го іюля, представленнаго также въ копіи, Ваше превосходительство изволили усмотрѣть, къ чему отнесла коммисія закрытіе полковникомъ Новицкимъ въ продолженіи 5-ти мѣсяцовъ, злоупотребленій, заключающихся въ полицейскомъ дѣлѣ; новѣйшія же ссылки его къ убѣжденію Вашего превосходительства въ дѣйствительной бытности эмисара въ полиціи, на содержаніе двухъ Липинскихъ подъ арестомъ, на приходъ въ полицію Эйзенблатера, Гурчина, Парчевскаго и наконецъ на простую и слишкомъ понятную записку жены пристава Еленскаго— доказываютъ явное желаніе полковника Новицкаго затмить истину и запутать дѣло.

Въ заключеніе мнѣ остается съ полной откровенностію доложить вашему превосходительству, что хотя я и неоднократно имѣлъ честь всепокорнѣйше просить васъ при всѣхъ важныхъ случаяхъ удостоивать коммисію личнымъ присутствіемъ вашимъ, для того, чтобы болѣе убѣдить васъ въ прямомъ, законномъ и нелицепріятномъ направленіи, которое дано мною общему ходу производимыхъ коммисіею дѣлъ, съ единственною цѣлію строго выполнить священную волю государя императора открыть прямую истину, я принимаю смѣлость еще разъ убѣдительнѣйше просить ваше превосходительство войти въ личное разсмотрѣніе дѣйствій коммисіи.

Подписалъ флигель-адъютантъ полковникъ

Назимовъ.

Закончу мой слабый трудъ еще однимъ замѣчаніемъ о г, Топильскомъ. Онъ могъ не читать обидной для памяти князя Долгорукова статьи г. Берга; онъ могъ вовсе не

знать о ея появленіи въ свѣтъ, но если читалъ и, въ качествѣ человѣка, близко знакомаго съ этимъ дѣломъ счетъ приличнымъ, въ томъ же русскомъ архивѣ отозваться замѣткою нѣсколько словъ о событіяхъ въ Вильнѣ послѣказни эмисара Канарскаго то едва-ли справедливо было умолчать о томъ, что все высказанное г. Бергомъ объ эмисарѣ Залѣсскомъ, объ организаціяхъ имъ розданныхъ, о сборищахъ въ тюрьмѣ, о распущенности въ управленій краемъ и о непростительномъ послабленіи въ надзорѣ за политическими арестантами при князѣ Н. А. Долгоруковѣ, есть не болѣе, какъ заявленная Заливакою выдумка Анисимова, который, для извѣстныхъ ему цѣлей, желалъ польстить этимъ преемнику князя, по русской пословицѣ: новая метла чище мететъ?

Далѣе скромно-ли было со стороны г. Топильскаго, упомянувъ о той части полученнаго Кавелинымъ рескрипта, которая, кромѣ Александра Александровича, относилась и до его сотрудниковъ, стало быть и Топильскаго, умолчать о главномъ содержаніи этого драгоцѣннаго для исторіи документа? Умолчать о томъ, что покойный государь слишкомъ близко къ сердцу принялъ спорный виленскій вопросъ, если для разрѣшенія его избралъ испытанную имъ особу, которой передъ тѣмъ ввѣрено было безцѣнное Родителю нравственное образованіе его державнаго Сына?

Наконецъ—справедливо-ли поступилъ Топильскій, умолчавъ о томъ, что до прибытія въ Вильну Кавелина, прежній предсѣдатель Назимовъ успѣлъ уже разобрать порученное ему дѣло (за исключеніемъ послѣдняго слова объ эмисарѣ Залѣсскомъ) безапелляціонно открыть не слыханные, преступные, отчаянно—дерзкіе подлоги прежнихъ

слѣдователей и, не взирая на сильное противодѣйствіе мѣстной власти, освободить первую серію невинно пострадавшихъ?

Неужели Топильскій полагалъ, что отдавая должное безспорной заслугѣ Назимова, онъ уменьшитъ этимъ блескъ подвига Кавелина, который, руководствуясь свойственнымъ ему безпристрастіемъ, не скрылъ отъ государя невольныхъ заблужденій и крупныхъ ошибокъ кругомъ обманутаго Мирковича, и вмѣстѣ съ тѣмъ съумѣлъ сберечь ему прежнее уваженіе и довѣріе Монарха?

Неужели, въ концѣ концовъ, Топильскій могъ думать, что г. Бергъ будетъ не доволенъ, если онъ укажетъ ошибки, вкравшіяся въ записки, долженствовавшія служить матеріаломъ для исторіи?

ПРОЛОГЪ.

Еслибы описанію замѣчательныхъ событій 1840 и 1841 годовъ, названныхъ мною Виленской драмой, я предпослалъ оцѣнку дѣйствовавшихъ въ ней лицъ, она, преждевременно ознакомивъ читателя съ героями драмы, лишила-бы разсказъ мой интереса неизвѣстности, потому что читатель, судя по характеру дѣйствующихъ лицъ, заранѣе могъ бы предвидѣть, какой именно развязки можетъ онъ ожидать отъ того, или другаго изъ разсматриваемыхъ имъ событій при извѣстной ихъ обстановкѣ.

Вотъ почему я счелъ нужнымъ краткому прологу отвести мѣсто послѣ драмы.

О несчастныхъ орудіяхъ обмана—Заливакѣ, Павловскомъ—и слугѣ Мяновскаго—Пашковскомъ умалчиваю. Они преступники, но невмѣняемы.

Подвиги Анисимова, Покровскаго и Городецкаго на столько извѣстны читателю и оцѣнены имъ по достоинству, что мнѣ остается повторить только, что первый изъ нихъ занималъ должность совѣтника Виленскаго губернскаго правленія; второй—чиновникъ особыхъ порученій и домашній человѣкъ генералъ-губернатора, привезенный Мирковичемъ изъ Петербурга. Онъ, какъ ревностный пособникъ Анисимова по изобрѣтенію подлоговъ, замѣчателенъ и тѣмъ еще, что осмѣлился однажды посадить

профессора Мяновскаго *) на хлѣбъ и на воду, а знаменитый Городецкій, служившій плацъ-адъютантомъ при плацъ-маіорѣ Богдановичѣ, не только погубилъ своего достойнаго начальника (католика) фальшивыми доносами, но успѣлъ выхлопотать себѣ чинъ маіора и назначеніе на мѣсто отставленнаго отъ службы и посаженнаго въ казематъ георгіевскаго кавалера и безжалостно притѣснялъ его во время полутора-годичнаго, ни чѣмъ незаслуженнаго ареста!

Не буду распространяться о полковникѣ Юферовѣ. Дѣло показываетъ, что этотъ умный и образованный человѣкъ имѣлъ сильное вліяніе на Мирковича и злоупотреблялъ имъ. Поступивъ вновь на службу и дослужась до чина генералъ-маіора, онъ былъ убитъ въ венгерскую кампанію.

Корпуса жандармовъ подполковникъ Лобри и маіоръ Гарижскій, также какъ и секретарь жандармскаго округа Стратановичъ, по лѣности и халатному отношенію къ важному государственному дѣлу, ввели въ заблужденіе начальника ихъ, генерала Фрейганга. Невыносимо грубое, дерзкое и безчеловѣчное обращеніе Лобри съ арестантами было причиной самоубійства студента Горнича (Глава V драмы).

Занимавшійся до моего прибытія въ Вильну (около 9 мѣсяцевъ) и смѣненный мною Гарижскій обязанъ былъ, но не хотѣлъ знать преступныхъ подлоговъ Анисимова, а Стратановичъ, кромѣ того, самъ исправилъ редакцію донесенія Мирковичу, назвавъ выданный Заливакою

---

*) Мяновскій всегда помнилъ, кто былъ орудіемъ его спасенія и блестящей карріеры. Въ послѣдній разъ онъ обнялъ меня 13 декабря 1875 года урвавъ минуту, когда могъ отойти отъ постели великой княгини Маріи Николаевны.

и представленный Государю знаменитый списокъ заговорщиковъ найденнымъ въ воротникѣ его шинели!... Невинная ошибка!!!

Здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ объ остальномъ, рѣдко присутствовавшемъ въ коммисіи, членѣ, полковникѣ Новицкомъ, томъ самомъ, который въ V главѣ «Записокъ Жандарма», напечатанныхъ въ апрѣльской книгѣ «Вѣстника Европы» 1872 года, спрятанъ былъ мною подъ буквою Н. Читатель помнитъ, что часто повторявшіяся имъ неосновательныя сужденія заставили однажды предсѣдателя Назимова обратиться къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ: «скажите, полковникъ, что, по вашему мнѣнію, лучше для Государя, не раскрыть вполнѣ преступленія, или, напутавъ небылицъ, обвинить невиннаго?»—Новицкій отвѣчалъ рѣшительно: «лучше обвинить невиннаго, потому, что они здѣсь всѣ виноваты ракаліи!» И этотъ судья былъ, въ 1863 году, презусомъ слѣдственной коммисіи въ Кіевѣ!...

Имя Новицкаго было пощажено и въ другой разъ. въ главѣ IX тѣхъ же записокъ при разборѣ коммисіей присланнаго генералъ-губернаторомъ мнѣнія его (22 іюня 1841 года, за № 167), о непонравившемся ему, Новицкому, методѣ дѣйствій коммисіи новаго состава, послѣ удаленія Анисимова и другихъ его пособниковъ. Мнѣніе это признано было крайне нелѣпымъ и не заслуживавшимъ вниманія, съ чѣмъ вполнѣ согласилась впослѣдствіи и повѣрочная коммисія Кавелина. Записки мои напечатаны были при жизни Новицкаго и не вызвали возраженій. Онъ молчалъ.

Между тѣмъ по кончинѣ Новицкаго, который, въ чинѣ генерала отъ артиллеріи, занималъ послѣднее время постъ кіевскаго коменданта, въ іюньской и іюльской книгахъ Русской Старины 1878 года появился, сообщенный П. М. Соковичемъ, біографическій очеркъ Георгія

Васильевича Новицкаго, въ которомъ, къ изумленію моему, я дочитался до возмутительно несправедливыхъ сужденій Г. В. Новицкаго о покойномъ В. П. Назимовѣ,

Вотъ почему я считалъ бы не честнымъ съ моей стороны умолчать здѣсь о той по истинѣ жалкой роли, какая выпала въ 1841 году на долю Новицкаго въ виленскомъ слѣдствіи и которая, стало быть, лишала его всякаго авторитета судить о дѣйствіяхъ не геніальнаго, но въ высшей степени честнаго, правдиваго и добраго Назимова, память о которомъ для меня священна.

Миссія Кавелина главнымъ образомъ заключалась въ томъ, чтобы разобрать на мѣстѣ: кто заблуждался, Мирковичъ или Назимовъ, убѣжденія которыхъ были діаметрально противоположны?

Благородный Кавелинъ, связанный съ Мирковичемъ узами дружбы съ самаго дѣтства, фактически доказалъ, что Назимовъ былъ правъ, а Мирковичъ заблуждался.

Закончивъ этимъ общимъ выводомъ виленскую драму, каждое слово которой легко провѣрить документами, хранящимися въ канцеляріи военнаго министра, графа Дмитрія Алексѣевича Милютина, съ разрѣшенія котораго я сдѣлалъ, въ октябрѣ 1861 года, нужныя мнѣ выписки, я перехожу къ голубому мундиру и, не мудрствуя лукаво, скажу нѣсколько словъ объ упраздненномъ не давно III отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи.

Вызванныя реформами Петра Великаго народныя волненія были, какъ извѣстно, поводомъ къ учрежденію въ 1718 г. особенно грозной тайной канцеляріи, уничто-

женной Екатериною I въ 1726 году. Ровно черезъ сто лѣтъ сформированъ, при III отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи, отдѣльный корпусъ жандармовъ. Это послѣднее учрежденіе, извѣстное въ Россіи подъ именемъ тайной полиціи, направлено было, главнымъ образомъ, противъ подпольной работы, нарушителей общественнаго спокойствія, поколебленнаго декабрскими событіями, современными вступленію на Престолъ Императора Николая, а также къ огражденію народа отъ злоупотребленія безконтрольныхъ мѣстныхъ властей, ужасающаго взяточничества, самоуправства и необузданнаго произвола администраціи, доходившаго иногда до безнаказаннаго самодурства. Эта послѣдняя цѣль, съ 20 ноября 1864 г. вполнѣ достигается и безъ жандармовъ судомъ гласнымъ и нѣкоторою свободою печатнаго слова. На сколько же учрежденіе это было въ свое время цѣлесообразно, всегда ли, во всемъ ли, соотвѣтствовало оно видамъ и добрымъ желаніямъ покойнаго Государя, судить не смѣю, тѣмъ болѣе, что и самъ я, въ теченіи слишкомъ пяти лѣтъ, имѣлъ честь носить голубой мундиръ, которому обязанъ счастіемъ быть извѣстнымъ и въ Бозѣ почившему Государю и нынѣ царствующему Монарху.

Жандармы долго не имѣли опредѣленной инструкціи, которой тщетно добивался первой Шефъ ихъ, графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ. Извѣстно, что покойный Государь, на неоднократно повторенную просьбу Шефа объ инструкціи, вмѣсто отвѣта подалъ ему однажды бѣлый платокъ сказавъ: «не упускай случаевъ утирать слезы несчастнымъ и обиженнымъ — вотъ тебѣ **инструкція**».

И дѣйствительно, до введенія новыхъ судебныхъ учрежденій вовсе не существовало строго опредѣленныхъ указаній о порядкѣ дѣйствій чиновъ корпуса жандармовъ, подобныхъ Высочайше утвержденнымъ 19 мая 1871 года

правиламъ. была только краткая инструкція, но не всѣ жандармы дѣйствовали по ней одинаково: одни понимали ее слишкомъ широко и дѣйствовали произвольно и почти безконтрольно, а другіе, ничего не дѣлая и ни во что не вмѣшиваясь, благодушествовали, не подозрѣвая, что они уподобляются огороднымъ чучеламъ, только при сильномъ вѣтрѣ пугающимъ птицъ размахиваніемъ рукъ. Въ настоящее время всѣ газетные толки, суды, пересуды, предположенія, догадки и радужныя надежды. вызванные закрытіемъ 4 минувшаго Августа верховной распорядительной коммисіи и упраздненіемъ III отдѣленія, вмѣстѣ съ настойчивыми слухами о предстоящей въ близкомъ будущемъ централизаціи всѣхъ отраслей управленія въ одномъ лицѣ губернатора, до такой степени сбивчивы. разнорѣчивы, и одни другимъ діаметрально противоположны, что судить о нихъ, по меньшей мѣрѣ. равновременно.

Не надо забывать, однакожъ, что сущность всѣхъ обвиненій, упадающихъ на отжившее свой вѣкъ III отдѣленіе, сводится главнымъ образомъ къ тому, что дѣйствія этого учрежденія стояли внѣ контроля, и оно не всегда подчинялось общимъ законамъ имперіи по крайней мѣрѣ въ началѣ, и имѣло возможность перепачивать рѣшенія Сената и Сунода и до такой степени было неуязвимо, что свободно вмѣшивалось во всѣ отрасли управленія, которымъ зачастую приходилось оглядываться при мысли: «а что скажетъ на это III отдѣленіе?

Куда не проникало вліяніе III отдѣленія? и крупные подряды, и соблазнительные откупа, и расторженіе браковъ и золотые пріиски—вездѣ имя управлявшаго отдѣленіемъ Леонтія Васильевича Дубельта, поддерживаемое шефами жандармовъ, имѣло почетное мѣсто. Доказать это вовсе не трудно. Со времени графа Петра Андреевича Шувалова и введенія общихъ судебныхъ учрежде-

ній, роль жандармовъ выяснилась и вліяніе ихъ на ходъ дѣлъ значительно уменьшилось.

Мнѣ неизвѣстно, въ какихъ именно золотыхъ пріискахъ имѣлъ пан покойный Леонтій Васильевичъ Дубельтъ и какъ велики были его матеріальныя средства, о которыхъ намекаетъ печать, но въ доказательство сильнаго вліянія его на дѣла вообще позволю себѣ упомянуть здѣсь о двухъ только особенно выдающихся случаяхъ. Вотъ они:

а) Родной братъ Леонтія Васильевича, генералъ-маіоръ Петръ Васильевичъ Дубельтъ, просилъ Минскаго католическаго епископа Липскаго, о расторженіи брака съ женою его, урожденною дворянкою Александрой Константиновной Замайскою, съ которою прижилъ шестерыхъ дѣтей. Предлогомъ къ разводу съ этой достойной особой былъ выставленъ въ прошеніи мужа такой ничтожный физическій недостатокъ, который не только христіанскими, но даже магометанскими и еврейскими законами не могъ бы быть уваженъ, но тѣмъ не менѣе дѣло это могло затянуться на долго и дочь Грубешовскаго аптекаря безнаказанно носила бы имя новой жены Дубельта.

Но едва письмо ко мнѣ Леонтія Васильевича, съ презрѣніемъ отзывавшагося о низкомъ поступкѣ роднаго брата его, было предъявлено епископу, какъ онъ не затруднился формально и безаппеляціонно отказать просителю, вскорѣ затѣмъ уволенному отъ службы, а обиженная имъ жена и дѣти до самой кончины Леонтія Васильевича пользовались его покровительствомъ и благодѣяніями, и

б) Когда сооруженіе петербургско-московской желѣзной дороги было утверждено и участки оной розданы подряд-

чикамъ, одному изъ послѣднихъ, если не ошибаюсь, Корфу, понадобились крупные залоги. Его повѣренный снабженъ былъ собственно-ручными рекомендательными письмами Леонтія Васильевича. Одно изъ нихъ было получено мною, а другое другомъ Дубельта, Минскимъ губернаторомъ Григоріемъ Гавриловичемъ Допельмайеромъ, который, желая угодить Дубельту, до того увлекся, что не взирая на предостереженіе въ неправильности залогового свидѣтельства утвердилъ его, и за то поплатился—судомъ и службою, а потомъ—и жизнію!

Къ чести покойнаго Леонтія Васильевича Дубельта необходимо однакожъ сказать, что онъ былъ чрезвычайно строгъ, остороженъ и разборчивъ въ исключительно отъ него зависѣвшемъ выборѣ людей, искавшихъ службы въ подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ.

Еще недовно въ «Русской Старинѣ» помѣщенъ былъ разсказъ Пензенскаго землевладѣльца Селиванова, который по капризу губернатора Панчулидзева, былъ административнымъ порядкомъ сосланъ, въ Вятку. Онъ съ благоговѣйною признательностію упоминаетъ о сотрудникахъ Дубельта покойныхъ: Андреѣ Александровичѣ Куцинскомъ, Михаилѣ Максимовичѣ Поповѣ и о третьей особѣ. Ф. Ф. К—цѣ, котораго назвать полнымъ именемъ не смѣю, такъ какъ онъ, благодареніе Богу, еще здравствуетъ.

За тѣмъ изъ опасенія утомить читателя разсказами обстоятельствъ, предшествовавшихъ опредѣленію моему въ корпусъ жандармовъ, скажу коротко, что высочайшимъ приказомъ 27 декабря 1837 г. я былъ переведенъ, изъ капитановъ генеральнаго штаба въ корпусъ жандармовъ маіоромъ, съ назначеніемъ Минскимъ губернскимъ штабъ-офицеромъ.

Рядъ случаевъ, которые вкратцѣ изложу въ голубомъ мундирѣ, дастъ читателю вѣрное понятіе о томъ, пом-

нилъ ли я бѣлый платокъ, понималъ ли мои обязанности и какъ смотрѣли на мои дѣйствія III отдѣленіе и штабъ корпуса жандармовъ, въ главѣ которыхъ de facto постоянно стоялъ въ мое время Л. В. Дубельтъ.

ГОЛУБОЙ МУНДИРЪ

Часть II.

А. ЛОМАЧЕВСКАГО.

Голубой шпицъ.

Въ Большомъ театрѣ, 17 декабря 1837 года, давали балетъ «Сильфиду» съ участіемъ знаменитой Тальони. Когда покойному Государю, сидѣвшему съ Императрицей въ боковой ложѣ, дежурный флигель-адъютантъ доложилъ, что Зимній дворецъ загорѣлся: — «Поѣзжай туда, сказалъ Государь и прикажи оберъ-полиціймейстеру, чтобы кабинетъ мой былъ перевезенъ въ крѣпость, а я, между тѣмъ, приготовлю Императрицу».

Черезъ полчаса Государь присутствовалъ уже на оцѣпленной войсками площади Зимняго дворца и также спокойно, какъ на маневрахъ, отдавалъ приказанія, а Императрица смотрѣла на пожаръ изъ оконъ государственнаго канцлера, графа Нессельроде.

Изъ дома военной академіи, гдѣ я жилъ тогда *), видно было большое зарево. Я бросился на пожаръ и провелъ тамъ всю ночь, любуясь самоотверженіемъ пожарныхъ командъ, полиціи и гвардейцевъ, одушевленныхъ присутствіемъ монарха, съ явною опасностію жизни боровшихся съ огнемъ при вытаскиваніи церковной утвари и драгоцѣнныхъ вещей изъ объятаго сверху до низу страшнымъ пламенемъ великолѣпнаго дворца. Не

*) Покойный А. И. Нейдгардъ, бывшій генералъ-квартирмейстеръ, желая обезпечить за мною предназначенную мнѣ должность лектора обязанностей офицера генеральнаго штаба въ мирное и военное время, далъ мнѣ казенную квартиру въ зданіи академіи, но не успѣвъ устроить меня, получилъ другое назначеніе. Вотъ почему я рѣшился перемѣнить родъ службы.

скрою, что это грозное, но величественное зрѣлище ужаснаго разрушенія невольно навело меня на самыя грустныя мысли и, быть можетъ, послужило дурнымъ предзнаменованіемъ для результатовъ той перемѣны, къ которой я готовился. Надо же было случиться что въ числѣ бумагъ, застигнутыхъ пожаромъ въ кабинетѣ Государя, было и представленіе покойнаго графа Бенкендорфа о переводѣ моемъ изъ капитановъ генеральнаго штаба въ корпусъ жандармовъ маіоромъ. Но каково было мое удивленіе, когда на слѣдующій день утвержденное Государемъ представленіе шефа было уже возвращено ему! Дѣятельность по истинѣ изумительная! Скоро-ли можно найдти и частнаго человѣка, который, при подобныхъ условіяхъ, былъ бы въ состояніи спокойно заниматься своими обыкновенными текущими дѣлами?

Мнѣ пришлось перевѣсить аксельбанты съ праваго на лѣвое плечо и перемѣнить свитскій (какъ тогда называли) на голубой мундиръ. Какъ молодому человѣку мнѣ, конечно, пріятно было надѣть въ первый разъ густые эполеты, но мысль, что съ этими эполетами и голубымъ мундиромъ соединяются новыя, не знакомыя мнѣ обязанности, сильно тревожила меня, справлюсь-ли я съ этими обязанностями? Съумѣю-ли отличить мишуру отъ чистаго золота и кажущееся отъ дѣйствительнаго? Вотъ вопросы, надъ которыми нельзя было не призадуматься!

Черезъ нѣсколько дней я представлялся шефу, который, объяснивъ мнѣ въ общихъ выраженіяхъ краткую инструкцію губернскаго штабъ-офицера, прибавилъ, что званіе это требуетъ не одного только честнаго, благороднаго и вполнѣ безукоризненнаго образа дѣйствій, но и осторожности дипломата, потому что, какъ выразился онъ, Государь нашъ, опредѣляя въ каждую губернію особаго жандармскаго штабъ-офицера, желаетъ имѣть въ немъ такого же посланника, такого же че-

стнаго и полезнаго представителя правительства, какого имѣетъ оно въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Римѣ, Стокгольмѣ и Парижѣ.

Не замедливъ прибытіемъ въ Минскъ, я вступилъ въ новую должность. Губернаторъ, князь Давыдовъ, принялъ меня чрезвычайно радушно и видимо желалъ сблизиться со мною, тѣмъ болѣе, что съ предмѣстникомъ моимъ, полковникомъ Флиге, онъ былъ, что называется, на ножахъ. Старикъ Флиге, какъ послѣ удостовѣрился я, дѣйствительно любилъ вмѣшиваться въ пустыя дѣла, если они касались лицъ, не запскивавшихъ его благосклоннаго расположенія и готовъ былъ вступаться за негодяя, который предъ нимъ раболѣпствовалъ.

Извѣстіе о назначеніи вашемъ въ Минскъ, сказалъ мнѣ губернаторъ, было принято здѣсь съ особеннымъ удовольствіемъ. Общество хотя и мало знаетъ васъ, прибавилъ онъ, но глубоко уважая бывшаго начальника вашего, графа С- Г. Строганова *) видитъ въ васъ человѣка, который пользовался особеннымъ вниманіемъ и довѣріемъ этого въ высшей степени благороднаго, образованнаго и гуманнаго вельможи и считая васъ ученикомъ его, надѣется, что вы будете подражать ему.

Въ Минской губерніи дѣйствительно не найдется ни одного старожила, который не сохранилъ бы до сихъ поръ литографированнаго портрета графа Строганова, и я, въ качествѣ ученика его, цѣлые полвѣка изучавшаго и изучающаго своего дорогаго учителя, могъ бы наполнить мои безыскуственныя воспоминанія множествомъ случаевъ, живо обрисовывающихъ своеобразный характеръ и твердыя правила великодушнаго русскаго барина, но

*) Во время мятежа 1831 года, свиты Его Величества генералъ-маіоръ графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ имѣлъ особое, секретное порученіе въ Ригѣ, гдѣ я его впервые видѣлъ, а въ августѣ, послѣ взятія Варшавы, былъ назначенъ временнымъ военнымъ губернаторомъ въ Минскъ, гдѣ я состоялъ при его особѣ.

меня удерживаетъ въ этомъ опасеніе оскорбить присущую ему доселѣ необыкновенно чудкую деликатность его честной души. При всемъ томъ пусть проститъ онъ меня, если я, переносясь мысленно въ давно прошедшее, не утерплю отмѣтить здѣсь только три эпизода изъ его восьми мѣсячной жизни въ Минскѣ и упомянуть о впечатлѣніи, которое онъ произвелъ на добрыхъ минчуковъ того времени.

а) Изъ всѣхъ концовъ Привислянсваго края ожидалось разновременное прибытіе на минскій сборный пунктъ тринадцати тысячъ плѣнныхъ поляковъ. По распоряженію графа, каждую партію ихъ встрѣчала въ минскомъ острогѣ цѣлая вереница врачей, хорошо вытопленная баня, чистое бѣлье, новая, на три роста сшитая одежда, прочная обувь и сытная пища, а потомъ уже, послѣ отдыха, — внимательный разборъ положенія каждаго субъекта отдѣльно.

Эта послѣдняя обязанность такъ какъ и храненіе и пересылка имѣвшихся у нѣкоторыхъ цѣнныхъ денегъ — возложена была на меня.

Если, при допрашиваніи каждаго плѣннаго и при перекрестной, въ случаѣ надобности, провѣркѣ словъ его, оказывалось, что онъ семьянинъ, необходомый домашнему очагу, или холостякъ, отсутствіе котораго особенно гибельно отозвалось на остальныхъ членахъ оспротѣвшаго семейства, то объ этомъ, для доклада графу, дѣлались въ спискахъ особыя отмѣтки и люди эти, по предоставленной военному губернатору власти, совершенно освобождались и высылались, для водворенія въ общество, обратно на родину, подъ предлогомъ не совершенной годности ихъ къ военной службѣ, а остальные за тѣмъ распредѣлялись въ войска и безотлагательно высылались въ мѣста назначенія.

Какъ великъ оказался процентъ освобожденныхъ поляковъ, теперь не упомню, но думаю, что не менѣе 10%.

Кромѣ выслушиванія докладовъ и пріема во всякое время просителей, графъ почти ежедневно занимался съ командиромъ мѣстнаго гарнизоннаго батальона Лейдловымъ, представлявшимъ ему на утвержденіе образцы сукна, холста и сапожнаго товара для экипировки плѣнныхъ и содержанія арестантовъ. Графъ собственноручно прикладывалъ къ образцамъ свою печать.

Однажды Лейдловъ откланялся графу въ ту минуту, когда онъ шелъ уже кушать; не успѣли подать втораго блюда, какъ запыхавшійся жандармъ доложилъ, что подполковникъ Лейдловъ скоропостижно скончался. »Поѣзжайте туда, Ломачевскій, и посмотрите, что тамъ дѣлается, сказалъ мнѣ графъ».—Я увидѣлъ тяжелую сцену и запечатанный кабинетъ покойника. Туда успѣли уже прежде меня сбѣжаться жандармскій штабъ-офицеръ Рейндеръ, инспекторъ врачебной управы Бернардъ, полиціймейстеръ Гембачъ и прокуроръ.

Недѣли черезъ двѣ, сдѣлавъ сочувственный визитъ вдовѣ, узналъ я отъ нея, что у покойнаго не достанетъ двухъ тысячь рублей казенныхъ денегъ, которыя безъ росписки были даны имъ подрядчику еврею,—обязавшемуся построить для плѣнныхъ 11,000 шинелей.

Когда я доложилъ объ этомъ графу, онъ шевельнулъ только усами и сказалъ: «да, это скверно, но вы позовите жида и постарайтесь усовѣстить его.

Приглашенный мною подрядчикъ Янкель Любалинъ (онъ же Чемоданчикъ) на вопросъ мой о двухъ тысячахъ отозвался, что вдова ошибается, потому, что онъ дѣйствительно занялъ деньги у покойнаго, но не двѣ, какъ говоритъ полковница, а три тысячи рублей и сейчасъ же привезъ эти деньги.

Поступокъ вашъ благороденъ, сказалъ графъ еврею. Послѣ этого я предлагаю вамъ, пока я здѣсь, брать какіе угодно подряды безъ залога: я вашъ поручитель. Не сознайся—Чемоданчикъ, графъ конечно не задумался бы, для успокоенія вдовы, пополнить казенныя деньги изъ своего кармана.

Чемоданчикъ до самой смерти носилъ при себѣ тотъ № «Сѣверной Пчелы», въ которомъ я подробно описалъ его честный поступокъ, упомянувъ притомъ, что этотъ же Чемоданчикъ не задолго передъ тѣмъ публично поднялъ горячую ссору за холодную шинель, сшитую мнѣ незаписаннымъ въ цехъ портнымъ.

б) Много графъ имѣлъ не предвидимыхъ издержекъ, много тратилъ онъ на пріѣзжавшихъ въ Минскъ по разнымъ случаямъ бѣдныхъ людей, въ томъ числѣ и на сиротѣвшихъ по милости войны женъ и дѣтей.

Къ числу добрыхъ женъ, нетерпѣливо ожидавшихъ возвращенія съ войны уцѣлѣвшихъ мужей, принадлежала и пріѣхавшая изъ Казани на долгихъ молодая супруга командира 1 конно-артиллерійской баттареи, если не ошибаюсь, Шелехова. Она, по заблаговременно сообщенному ей мужемъ маршруту, разсчитывала сдѣлать сюрпризъ ему въ Несвижѣ, но, доѣхавъ до Минска и узнавъ, что маршрутъ измѣнился, рѣшилась обождать тамъ и наняла скромное помѣщеніе для себя, двухъ малютокъ, прислуги и лошадей у священника Екатерининской церкви, отца Димитрія Заренкевича, за 19 лѣтъ предъ тѣмъ поминавшаго въ этой церкви императора Наполеона!

Недѣль черезъ шесть, рано утромъ, зашелъ ко мнѣ старичокъ и по секрету сказалъ, что жилица его заложила жиду обручальное кольцо.

Узнавъ объ этомъ, графъ поручилъ мнѣ повидаться съ заѣзжей барыней и увѣрить ее, будто у насъ есть экстро-ординарная сумма, изъ которой нуждающіеся за-

нимаютъ деньги, съ указаніемъ только источника, откуда онѣ пополнятся. Съ трудно удерживаемыми слезами благодарности соломоменная вдовушка выслушала меня, повѣрила и призналась, что ей нужно бы 500 р., которые и вручены мнѣ графомъ.

Вмѣстѣ съ выдачею этихъ денегъ я объявилъ ей вновь полученный маршрутъ обратнаго движенія нашихъ войскъ—и въ томъ числѣ баттареи ея мужа.

Вскорѣ послѣ этого счастливый мужъ и отецъ пріѣзжалъ изъ Несвижа въ Минскъ благодарить графа и пополнить экстро-ординарную сумму.

в) Въ апрѣлѣ 1832 года, когда разборъ дѣлъ, возбужденныхъ мятежомъ, былъ оконченъ, графъ Сергій Григорьевичъ, освобожденный отъ обязанностей временнаго военнаго губернатора, получилъ орденъ св. Владиміра 2 степени, оставилъ Минскъ и возвратился въ Петербургъ черезъ Ригу, гдѣ онъ также оставилъ добрую память о себѣ.

Черезъ полгода депутація минскаго дворянства, съ губернскимъ предводителемъ Ошторцомъ во главѣ, явилась въ Петербургъ и вмѣстѣ съ благодарственнымъ адресомъ за истинно христіанскіе труды графа поднесла ему золотой кубокъ изящной работы. Это было далеко не во вкусѣ графа и онъ непринялъ бы подарка, но съ одной стороны, отказъ этотъ глубоко оскорбилъ бы благоговѣйно уважавшихъ его дворянъ, имена которыхъ вырѣзаны были на кубкѣ, а съ другой—они хорошо знали, что стоимость этого кубка несоотвѣтствовала и десятой долѣ сдѣланныхъ графомъ крупныхъ затратъ — на добрыя дѣла его.

Возвращаясь къ прерванному замѣчаніемъ князя Давыдова разсказу, считаю не лишнимъ упомянуть, какъ пред-

ставлялись мнѣ тогда положеніе сѣверо-западнаго края съ точки зрѣнія минскаго жандарма.

Начну съ того, что въ Вильнѣ производилось тогда слѣдствіе надъ эмисаромъ Симономъ Канарскимъ, казненнымъ 15-го февраля 1839 го года, его передержателями и соумышленниками. Хотя подобныя этому слѣдствія, со времени подавленія мятежа 1831-го года, безпрерывно возобновлялись то въ Варшавѣ, то въ Вильнѣ, то въ Кіевѣ, но край не могъ освоиться съ этой тревогой и былъ постоянно въ какомъ-то напряженномъ, далеко не нормальномъ состояніи.

Не взирая на все это, въ Вильнѣ жилось, если не весело, то по крайней мѣрѣ очень шумно и роскошно. Разбѣжавшееся послѣ мятежа 1831-го года высшее общество успѣло уже мало-по-малу возвратиться въ свои великолѣпные палацы и дружно тѣснилось около генералъ-губернатора князя Долгорукова, окруженнаго царскимъ блескомъ. Никогда еще Вильна не видала въ своихъ салонахъ такого обилія звѣздъ и такой пестрой толпы камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, какою окруженъ былъ тогдашній начальникъ края. Вильна далеко не походила тогда на древле-русскій городъ *). Въ высшемъ и среднемъ кругу общества нельзя было услышать ни одного русскаго звука. Польскій и французскій языки были господствующими. Не только богатые помѣщики (въ главѣ которыхъ стоялъ тогда старикъ Цусловскій въ Кунтушѣ и звѣздахъ), но и самъ генералъ-губернаторъ не иначе выѣзжалъ, какъ въ польскихъ шорахъ и съ жокеями. Даже почтовыя станціи, окружающія Вильну, въ подражаніе прусскимъ, измѣнили свою обычную физіономію.

*) При посѣщеніи Вильны св. Димитріемъ Ростовскимъ, тамъ было до 30-ти православныхъ церквей. Въ одной изъ нихъ, возобновленной покойнымъ графомъ М. Н. Муравьевымъ, и именно Пятницкой, не далѣе какъ въ 1841-мъ году, я былъ съ почтеннымъ архимандритомъ Платономъ, нынѣшнимъ архіепископомъ одесскимъ и нашли въ ней—еврейскую конюшню!

Бритые ямщики опущены были въ огромные ботфорты, и вмѣсто татарскаго кнута и валдайскаго колокольчика снабжены были сигнальными трубами и длинными бичами. Придумываемыя католическимъ духовенствомъ, подъ разными предлогами, безпрестанныя процессіи, и днемъ и ночью тянулись, бывало, при звукахъ музыки, по главнымъ улицамъ Вильны и тѣмъ довершали картину Ватикана, въ которомъ рѣдко, очень рѣдко, можно было встрѣтить скромно пробирающееся сторонкой духовное лицо православнаго исповѣданія. Какое-то неизъяснимо тяжелое чувство овладѣвало душою, когда въѣзжаешь, бывало, въ эту древнюю столицу когда-то православной Литвы, гдѣ все напоминало извѣстныя тенденціи Чаргорижскаго и Лелевеля, гдѣ русскіе дѣятели, тѣснимые католиками, отодвинуты были на задній планъ, а господствующее православіе, не имѣвшее, наравнѣ съ латинскимъ, своего архипастыря, какъ бы изъ милости едва находило скромный пріютъ себѣ. Нынѣшнее зданіе, въ которомъ, противъ великолѣпнаго Свято-Янскаго костела, помѣщается почтовая контора, называлось тогда Кардиналіей. Въ немъ, до возвращенія края русской имперіи, останавливались командируемые папами нунціи и кардиналы.

Тѣ немногіе, изъ служившихъ при особѣ князя, русскихъ, которые по своему положенію и вліянію проникали въ высшій кругъ общества, по-неволѣ принимали участіе въ искусно утонченномъ обжорствѣ, заманчиво облагороженномъ пьянствѣ и роскошной охотѣ всѣхъ возможныхъ родовъ, начиная съ бѣловѣжскихъ зубровъ, этихъ замѣчательныхъ животныхъ, сохранившихся только въ Россіи, и кончая куропатками. Все это упоительно дѣйствовало на вновь закинутыхъ въ край русскихъ пришельцевъ; но если что въ особенности поражало ихъ своею новизною, своею прелестью, такъ это по истинѣ

неподражаемое искусство соблазнительныхъ героинь мазурки отуманить и вскружить не только пустенькую, но и какую угодно, дѣльную головушку....

Къ этому нельзя не добавить, что строгій и трудолюбивый князь былъ молодъ и вдовъ, а ловкія, очаровательныя польки, добиваясь вліянія, хотя бы цѣною самопожертвованія, наперерывъ одна передъ другою искали его предпочтенія, взаимно подставляя свои обворожительныя ножки; но когда одна изъ этихъ великосвѣтскихъ дамъ вышла побѣдительницей и согласилась развестись съ красавцемъ-мужемъ, для того, чтобы занять вакантное мѣсто, покойный государь предупредилъ князя, что въ случаѣ женитьбы этой, онъ ему не слуга въ Вильнѣ. Такъ и случилось.

Переведенному въ Харьковъ князю Долгорукову наслѣдовалъ генералъ-лейтенантъ Ѳедоръ Яковлевичъ Мирковичъ (бывшій директоръ 2-го кадетскаго корпуса), а Дребушу — генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Петръ Ивановичъ Фрейгангъ. Оба они знакомы уже читателю по виленской драмѣ. Чѣмъ болѣе знакомился я съ принципомъ новой моей службы, чѣмъ глубже всматривался въ мое новое положеніе, тѣмъ болѣе убѣждался, что если мнѣ ограничиться однимъ лишь рутиннымъ исполненіемъ порученій начальства, отказавшись вовсе отъ разбора до безконечности разнообразныхъ жалобъ и просьбъ, съ которыми ко мнѣ обращались и лично и письменно, то пользы отъ меня какъ правительству, такъ и обществу будетъ не много. Но разборъ жалобъ и ходатайство по нимъ скоро убѣдили меня въ моей неопытности и неразлучныхъ съ нею ошибкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ я, подобно «послу» или «консулу», ходатайствовать за то или другое лицо, спорить о дѣлѣ въ томъ или въ другомъ присутственномъ мѣстѣ, когда наравнѣ съ большинствомъ военныхъ, я не имѣлъ еще

точнаго понятія о цѣли учрежденія, границахъ власти, размѣрѣ обязанностей и степени отвѣтственности какихъ-то земскихъ, словесныхъ, сиротскихъ и уѣздныхъ судовъ, консисторій, магистровъ, кагаловъ, ратушъ, думъ, приказовъ, откуповъ, коммисій, конторъ, опекъ, правленій и палатъ? Но нужда всему научитъ. Изучая внимательно всѣ проявленія жизни окружавшей меня среды во всей ихъ наготѣ, я пришелъ къ убѣжденію, что имѣю, если захочу, полную возможность бездѣйствовать и щеголять равнодушіемъ ко всему, что творилось предъ моими глазами; но мнѣ всегда казалось, что быть тунеядцемъ постыдно, и что тотъ, кто обязанъ дѣйствовать, но не дѣйствуетъ, или рано перестаетъ дѣйствовать, составляетъ гнилой наростъ на здоровомъ общественномъ тѣлѣ. Вотъ почему я работалъ и учился. Успѣхъ въ моихъ ходатайствахъ по просьбамъ и жалобамъ просителей доставлялъ мнѣ невыразимое удовольствіе, и чѣмъ труднѣе доставлялся мнѣ этотъ успѣхъ, чѣмъ сложнѣе была задача, тѣмъ болѣе заохочивался я къ новымъ попыткамъ, къ новой борьбѣ, хотя хорошо понималъ, что многое, очень многое, дѣлалось не изъ уваженія къ истинѣ, не по сердечному побужденію того или другого лица, но потому только, что я былъ смѣлымъ, вліятельнымъ и терпѣливымъ защитникомъ слабой стороны.

Способы, къ которымъ прибѣгалъ я въ роли защитника, какъ и самые поводы къ нимъ, были до безконечности разнообразны. Я слишкомъ утомилъ бы самаго снисходительнаго читателя, еслибъ вздумалъ познакомить его съ ежедневными моими занятіями, съ этими по видимому мелочами; но кто не согласится, что и вся жизнь наша слагается изъ мелочей? И вотъ почему я позволяю себѣ разсказать здѣсь на выдержку нѣсколько сохранившихся въ памяти отдѣльныхъ случаевъ изъ моей жандармской практики.

I.

Однажды посѣтилъ меня протоіерей минскаго Екатерининскаго собора Ксаверій Шишко, съ цѣлью просить моего совѣта по важному для него дѣлу. Онъ, какъ потомственный дворянинъ и отецъ большаго семейства. просилъ, гдѣ слѣдовало, объ опредѣленіи двухъ сыновей его въ полоцкій кадетскій корпусъ. Ему не отказали. На просьбу эту покойный Я. И. Ростовцевъ увѣдомилъ, что сыновья его зачислены кандидатами, но нумера ихъ кандидатуры оказались настолько крупными, что судя по числу ежегодно открывавшихся вакансій сыновьямъ г. Шишко пришлось бы тогда только поступить въ корпусъ, когда ихъ собственныя дѣти потребовали бы воспитанія! Что оставалось въ этомъ положеніи дѣлать дѣду будущихъ внуковъ?

Когда онъ, обивъ по-пустому пороги мѣстныхъ властей, обратился ко мнѣ, я, конечно, отвѣчалъ ему, что вхожу въ его затруднительное положеніе, но къ сожалѣнію не вижу никакой возможности помочь его горю по той простой причинѣ, что съ одной стороны, порядокъ замѣщенія открывающихся въ военно-учебныхъ заведеніяхъ вакансій опредѣленъ закономъ, а съ другой и потому еще, что каждый изъ родителей, желающихъ помѣстить дѣтей въ казенныя заведенія, имѣетъ неотъемлемое право требовать, чтобы начальство этихъ заведеній строго соблюдало очередь въ замѣщеніи открывающихся вакансій.

«Не знаю, какъ вы это сдѣлаете, настаивалъ о. Ксаверій, но убѣжденъ, что вы мнѣ поможете»,—и мы разстались. Не далѣе, какъ недѣли черезъ три, я имѣлъ невыразимое удовольствіе, зайдя къ почтенному протоіерею, предъявить ему сообщенное мнѣ шефомъ жандармовъ высочайшее повелѣніе о перечисленіи сыновей его

изъ обыкновенныхъ въ экстренные кандидаты полоцкаго корпуса. Понятно, что я нисколько не отвѣтствовалъ бы, отказавъ учтиво въ просьбѣ г. Шишко; это было бы вполнѣ законно и правильно. Стоило только, съ возвращеніемъ оставленныхъ у меня бумагъ, черкнуть о. Ксаверію, что при всемъ желаніи и пр. и пр.,—но мнѣ казалось недобросовѣстнымъ такъ прозаически и несочувственно отнестись къ затруднительному положенію человѣка, который имѣлъ, по моимъ понятіямъ, быть можетъ неизвѣстное въ Петербургѣ, право на особое къ нему вниманіе правительства. Я рѣшился попытать счастія и донеся объ этомъ шефу жандармовъ, выставить въ приличномъ свѣтѣ, что о. Шишко заслуживаетъ быть выдвинутымъ изъ толпы. Онъ былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ дѣятельный сотрудникъ и товарищъ по воспитанію знаменитаго въ лѣтописяхъ церкви нашей митрополита Іосифа Сямашки. Какъ человѣкъ образованный и вліятельный, о. Шишко былъ особенно полезенъ въ эпоху присоединенія уніи и именно при отбираніи подписокъ отъ уніатскаго духовенства о готовности его, отложась отъ папы, подчиниться святѣйшему суноду. Головою о. Ксаверія думали многіе, его авторитетъ былъ весьма замѣтенъ и принесъ свою долю существенной пользы. Если бы онъ не былъ семьяниномъ (подобно Іосифу Симашкѣ, Антонію Зубко и другимъ холостымъ священникамъ, что въ уніи допускалось всегда, а у насъ разрѣшено только въ послѣднее время), онъ безъ сомнѣнія, наравнѣ съ ними, занималъ бы одну изъ высшихъ іерархическихъ степеней.

Вотъ все, что я могъ и счелъ обязанностью представить моему начальству, которое, согласясь со мною, довело объ этомъ до высочайшаго свѣдѣнія и исходатайствовало перечисленіе сыновей о- Ксаверія изъ обыкновенныхъ въ экстренные кандидаты.

II.

Вслѣдъ за этою удачей мнѣ пришлось выиграть и другое, болѣе трудное дѣло. Министерство внутреннихъ дѣлъ отказало генералъ-губернатору Мирковичу въ опредѣленіи титулярнаго совѣтника Богушевича въ должность совѣтника минскаго губернскаго правленія, сославшись не на законъ, но на принятое будто бы министерствомъ правило не иначе замѣщать вакантныя мѣста, состоящія въ VI-мъ классѣ, какъ чиновниками штабъ-офицерскаго званія. Генералъ Мирковичъ, какъ человѣкъ новый, не обратилъ особеннаго вниманія на этотъ отказъ, но болѣе опытный и энергичный минскій губернаторъ Н. В. Сушковъ принялъ его очень и очень неравнодушно.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ то же самое министерство (по другому только департаменту) опредѣлило титулярнаго совѣтника Порай-Кошица непремѣннымъ членомъ минскаго приказа общественнаго призрѣнія. Должность эта также состоитъ въ VI классѣ, а новоопредѣленный, такъ же какъ и Богушевичъ, не былъ штабъ-офицеромъ. Изъ сопоставленія этихъ двухъ противоположныхъ примѣровъ возникло недоразумѣніе, породившее въ обществѣ невыгодное для новаго генералъ-губернатора толки. Чуть не кричали, что при предмѣстникѣ Мирковича, князѣ Долгоруковѣ, подобное этому невниманіе къ ходатайству главнаго начальника края было немыслимо. Отсюда выводили заключеніе, что бывшій директоръ 2-го кадетскаго корпуса не имѣетъ въ Петербургѣ никакого вѣса и поддержки, если министерство, отказавъ ему въ опредѣленіи Богушевича, сочло достаточнымъ сослаться на такое правило, которымъ само такъ откровенно пренебрегло въ отношеніи къ Порай-Кошицу. О поводѣ и значеніи толковъ

этихъ я счелъ себя обязаннымъ донести графу Бенкендорфу, и хотя не получилъ отъ него отвѣта и вовсе не слѣдилъ за дальнѣйшимъ ходомъ этого дѣла, но мнѣ пріятно было узнать, что министерство поправило свою ошибку, если въ отмѣну прежняго своего распоряженія неожиданно утвердило Богушевича совѣтникомъ минскаго губернскаго правленія.

Сушковъ благодарилъ меня и торжествовалъ.

III.

Въ минскомъ острогѣ случилось мнѣ встрѣтиться съ евреемъ Іосолемъ Капланомъ, которому было уже объявлено рѣшеніе уголовной палаты о лишеніи его правъ состоянія, наказаніи плетьми и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе за разныя преступленія, изъ которыхъ главнѣйшее заключалось въ сокрытіи отъ ревизіи его самого, жены и дѣтей. Обвиненный клялся мнѣ, что общество, въ отмщеніе за обнаруженное имъ плутовство отдатчика рекрутъ Романова, невинно оклеветало его, къ чему всего болѣе способствовала доставленная будто бы изъ казенной палаты фальшивая справка о пропускѣ Каплана по ревизскимъ сказскамъ, тогда какъ этотъ несчастный указалъ мнѣ №, подъ которымъ записанъ онъ и все его семейство. Не имѣя обыкновенія откладывать до завтра того, что можно сдѣлать сегодня, прямо изъ острога отправился я въ казенную палату и, осмотрѣвъ переписку, убѣдился, что на вопросъ уголовной палаты о томъ, значится ли подъ такимъ-то № ревизскихъ сказокъ еврей Іосель Капланъ, казенная палата отвѣчала, что *Капкана* (а не *Каплана*) вовсе по ревизскимъ сказкамъ не значится. Окончательно погубившій Каплана отвѣтъ казенной палаты основанъ былъ на докладѣ совѣтника

ревизскаго отдѣленія, а самый докладъ на справкѣ, поданной столоначальникомъ и засвидѣтельствованной подписью писца на подлинномъ отношеніи уголовной палаты. Подкупленный евреями писецъ оправдывался неразборчивостью почерка въ бумагѣ, гдѣ спрашивали будто бы не о Капланѣ, но о Капканѣ. Я бросился къ губернатору.

Поднялась тревога. Рѣшеніе уголовной палаты было уже утверждено Сушковымъ и потому поправить дѣло не иначе было возможно, какъ исходатайствованіемъ разрѣшенія сената на пересмотръ дѣла. Губернаторъ сознался въ недосмотрѣ. Сенатъ согласился. Преслѣдованіе оправдало Каплана. Бѣднякъ былъ спасенъ, а виновные подверглись заслуженной отвѣтственности.

IV.

«Выслушай насъ, баринъ, сказалъ мнѣ какъ-то одинъ изъ двухъ русскихъ мужичковъ, стоявшихъ въ числѣ просителей въ моей пріемной. Мы настоящіе благочестивые старовѣры, сказалъ онъ. Прадѣды наши бѣжали изъ русской земли въ эту сторону съ той поры, какъ патріархъ Никонъ велѣлъ перемѣнить тѣ церковныя книги, по которымъ молились угодники, признаваемые за святыхъ. Поселясь здѣсь и продолжая молиться по старопечатнымъ книгамъ, мы нанимали у помѣщиковъ земли и работали. Такъ прошло болѣе ста лѣтъ, а теперь нашъ панъ, графъ Хоткевичъ, прикрѣпилъ насъ къ своему имѣнію Петрикову. Лѣтъ тридцать ужъ прошло, какъ мы съ нимъ тягаемся. Уѣздный судъ *четыре раза* рѣшалъ дѣло *въ нашу пользу* *), а когда графъ переносилъ

*) Въ донесеніе шефу выставлено было, что въ продолженіи 30-ти лѣтъ комплектъ суда, состоявшій изъ дворянъ, помѣщиковъ того же уѣзда, измѣнялся, но постоянно рѣшалъ въ пользу добивавшихся свободы петриковцевъ. Трудно предположить, чтобы при перевѣсѣ правъ и доводовъ Хоткевича на владѣніе петриковцами, дворяне-судьи тянули въ пользу послѣднихъ и рѣшали вопросъ противъ своего собрата.

дѣло по аппеляціи въ гражданскую палату, она видимо тянула и теперь тянетъ въ его пользу».

Крестьянамъ этимъ объяснено было, что я не имѣю ни малѣйшаго права вмѣшиваться въ дѣла судебныхъ учрежденій, но они отвѣчали, что и не просятъ объ этомъ, а желаютъ только, чтобъ я помогъ имъ какъ-нибудь добыть первую ревизскую сказку, писанную въ то время, когда Екатерина, присоединивъ отторгнутый отъ Россіи западный край, приказала переписать всѣхъ его обитателей. Изъ этой переписи, по словамъ просителей, можно было удостовѣриться, что поселившіеся въ м. Петриковѣ русскіе бѣглецы никогда не были крѣпостными крестьянами петриковскихъ помѣщиковъ, но были только приписаны къ мѣстечку для отбыванія государственныхъ повинностей. Къ этому просители прибавили, что этой именно сказки они давно добиваются, но не могутъ найти въ казенной палатѣ.

По настоятельной просьбѣ ихъ я обѣщалъ въ тотъ же день сдѣлать справку, по которой оказалось, что при дѣлахъ казенной палаты дѣйствительно нѣтъ искомой просителями ревизской сказки, потому, какъ объяснили мнѣ, что передъ нашествіемъ непріятеля въ 1812-мъ году всѣ дѣла прежняго времени цѣлыми возами отправлены были во внутреннія губерніи и хотя давно уже возвращены и разосланы по принадлежности во всѣ присутственныя мѣста губерніи, но еще не разобраны казенною палатою и хранятся опечатанными, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ доставлены изъ гражданской палаты, занимавшейся разсортировкою возвращенныхъ дѣлъ. Когда же мнѣ объяснили, что кули съ старыми дѣлами потому только не распечатаны, что гражданская палата, не взирая на неоднократныя требованія казенной, не присылаетъ своего депутата для присутствія при вскрытіи и описи дѣлъ, то я поручилъ состоявшему при мнѣ за

адъютанта, офицеру Грибовскому сказать предсѣдателю гражданской палаты, что не выйду изъ присутствія, пока не будетъ присланъ требуемый казенною палатою депутатъ.

Онъ явился; ревизская сказка найдена, и въ ней тотчасъ обнаружился неудачно сдѣланный въ пользу графа Хоткевича подлогъ, заключавшійся въ томъ, что въ словахъ «списокъ жителей, принадлежащихъ къ м. Петрикову» прилагательное *принадлежащихъ*, кромѣ перваго слога, написано другими чернилами, по подскобленному и притомъ такъ, что поддѣлыватель, несообразивъ, что въ словѣ *надлежащихъ* двумя буквами болѣе чѣмъ въ словѣ *писанныхъ*, не умѣлъ вписнуть все слово «надлежащихъ», отчего послѣднія двѣ буквы принужденъ былъ написать гораздо мельче и тѣснѣе остальныхъ. Другой, не менѣе осязательный, признакъ подлога заключался въ томъ, что если бы петриковцы были названы въ первой переписи не *приписанными* но *принадлежащими* м. Петрикову, то не было бы надобности въ предлогѣ *къ*, тогда какъ онъ необходимъ при допущеніи понятія, заключающагося въ словѣ **приписанный**.

Обо всемъ этомъ тутъ же составленъ былъ подробный актъ, копія съ котораго вручена просителямъ и донесено мною шефу жандармовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта находка помогла петриковцамъ выиграть процессъ, длившійся около 30-ти лѣтъ. Сенатъ призналъ ихъ свободными и поручилъ казенной палатѣ приписать ихъ въ мѣщане, куда пожелаютъ.

V.

Былъ случай, что вслѣдствіе жалобы станціоннаго смотрителя Замбржицкаго, пришелъ я къ губернскому почтмейстеру Коваленко съ незапечатаннымъ письмомъ

на имя близко знакомаго мнѣ Ѳ. П. Прянишникова, служившаго тогда директоромъ почтоваго департамента и петербургскимъ почтъ-директоромъ. Въ письмѣ этомъ категорически объяснено было, что г. Коваленко. не довольствуясь обще-извѣстными процентами, платимыми почтмейстерамъ содержателями почтовыхъ станцій *), вымогаетъ отъ бѣдныхъ станціонныхъ смотрителей взятки, и тѣхъ изъ нихъ, которые почему-либо не вносятъ ему въ опредѣленные сроки назначенную съ нихъ дань, онъ положительно уничтожаетъ безпрестанными откомандировками въ губернскую контору, разжалованіемъ въ почталіоны или разстройствомъ нищенскаго хозяйства ихъ посредствомъ частыхъ переводовъ, *для пользы службы*, съ одного края губерніи въ другой.

— Отъ васъ зависитъ, сказалъ я г. Коваленкѣ, отдавая письмо, или разорвать его съ условіемъ измѣнить образъ дѣйствій вашихъ и сейчасъ же возвратить смотрителя Забржицкаго къ мѣсту его служенія, или отправить это письмо по назначенію.

Коваленко покоробился, но разорвалъ письмо и конечно проклялъ въ душѣ *голубой мундиръ*.

VI.

— Скажите, Асинкритъ Ивановичъ, спросилъ меня однажды, въ минуту откровенности, губернскій предводитель Ошторинъ: какимъ образомъ вы знаете все, что дѣлается у насъ въ губерніи? Вы непремѣнно имѣете повсюду своихъ агентовъ, которые сообщаютъ вамъ нужныя свѣдѣнія. Иначе быть не можетъ. Желалъ бы я

*) Пользованіе этими доходами такъ было общеизвѣстно и настолько было допущено, что нѣкоторые губернскіе почтмейстеры просили выдачи имъ шнуровыхъ книгъ для веденія счета прихода и расхода этихъ поборовъ, безъ которыхъ и самая служба въ конторахъ была немыслима при томъ нищенскомъ содержаніи, которымъ пользовались тогда почтовые чиновники.

знать, прибавилъ покойный Левъ Францовичъ, къ какому разряду людей принадлежатъ ваши агенты? Кто они такіе?

— Вамъ непремѣнно угодно знать моихъ агентовъ, отвѣчалъ я. Извольте, я охотно назову вамъ лучшаго изъ нихъ: это вы сами!—Какъ это можетъ быть! возразилъ Оштopпъ, почти вскочивъ со стула.—Очень просто. Понимая васъ за честнаго и благонамѣреннаго человѣка, я не сомнѣваюсь, что всякая несправедливость, дошедшая до вашего свѣдѣнія, способна возмутить васъ и вы вѣрно не захотите, потворствуя злу, скрывать его и молчать. Стало быть я услышу. Дѣйствующія лица, причастныя къ этому дѣлу, по естественному порядку вещей, раздѣляются на двѣ категоріи: на такихъ, кому выгодно зло и такихъ, кому оно вредно. Послѣднія молчать не станутъ. Я опять услышу. Кромѣ этого, если въ обществѣ сложится убѣжденіе, что я не пустой фатъ, не лѣнтяй, что съумѣю разобрать сущность дѣла, какъ бы оно сложно и запутано ни было, не затруднюсь отличить правду отъ лжи, мишуру отъ чистаго золота и кажущееся отъ дѣйствительнаго, то всѣ заинтересованныя въ несправедливомъ дѣлѣ лица сами позаботятся, чтобы я какъ можно скорѣе узналъ о событіи и взглянулъ на него съ той точки зрѣнія, откуда оно представляется въ желаемомъ ими видѣ. Вотъ мои средства, вотъ мои агенты; другихъ у меня нѣтъ; заключилъ я, добавя однакожъ, что бываютъ и такіе случаи, гдѣ всѣ участвующіе довольны результатами злоупотребленія и, стало быть, всѣ молчатъ. Тутъ уже трудно добиться правды; а это всего чаще можетъ случиться съ казнокрадствомъ.

VII.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, встрѣтился мнѣ случай и другимъ способомъ узнать о про-

исшествіи. Сѣлъ я играть въ одной партіи съ губернаторомъ Сушковымъ. «А что вы скажете, пытливо спросилъ онъ меня, тасуя карты, о происшествіи въ имѣніи Стоцкой»?—Не имѣя и тѣни понятія объ этомъ происшествіи и не считая выгоднымъ признаться въ моемъ невѣдѣніи, я отвѣчалъ уклончиво: «Да вѣдь это еще не вполнѣ подтвердилось».—Какъ не подтвердилось, возразилъ онъ иронически. Вы, стало быть, не знаете, что поваръ во всемъ признался?—Вотъ этого я еще не слыхалъ.—Тѣмъ и кончился нашъ разговоръ.

Послѣ партіи виста подошелъ я къ сидѣвшему въ другой комнатѣ вице-губернатору, Ивану Ѳедоровичу Чмыхову. «А что, сказалъ я, опускаясь на сосѣдній съ нимъ стулъ, поваръ-то сознался во всемъ?—А, такъ вы уже знаете и подробности, отвѣчалъ онъ, и вслѣдъ затѣмъ разсказалъ мнѣ слово въ слово донесеніе исправника о кровавомъ событіи, сущность котораго заключалась въ томъ, что молодая, очень пригожая горничная дѣвушка (покоювка) пожилой вдовы, Стоцкой, была до смерти засѣчена своею госпожей, которая приревновала ее къ своему любимцу слугѣ.

Приготовленія къ этой казни и ея совершеніе, какъ открыто слѣдствіемъ, заключались въ томъ, что бездушная душевладѣлица прежде, чѣмъ приведена была жертва ея кровожадности въ назначенную на этотъ предметъ жилую комнату, приказала ввернуть въ полъ желѣзныя кольца въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ считала нужнымъ, на время истязаній, привязать руки и ноги своей несчастной жертвы. Потомъ принесенъ былъ огромный запасъ намоченныхъ въ соленой водѣ розогъ, и наконецъ, введена была въ одной сорочкѣ, босая, дрожавшая всѣмъ тѣломъ и блѣдная, какъ смерть, шестнадцати-лѣтняя преступница! Стоцкая велѣла подвести ее къ себѣ ближе, ласково и нѣжно погладила ее по головкѣ, потре-

пала по щечкѣ, дотронулась до подвородка и груди и слегка придерживая за руку, тихимъ и смиреннымъ голосомъ принялась увѣщевать опустившуюся на колѣни предъ нею дѣвушку, чтобы она не плакала, не просила пощады, но терпѣливо и безропотно перенесла ожидающія ея страданія, внушая ей, что они ничто въ сравненіи съ тѣми адскими мученіями, которыми она обязана ея красивому личику и которыя невыносимо терзаютъ ея душу съ той минуты, когда впервые почувствовала она ядъ ревности!... Послѣ этого предисловія тихо, почти шопотомъ, приказала она осторожно и не торопясь разложить, привязать и обнажить невинную мученицу и потомъ, когда въ рукахъ служителей засвистѣли розги съ двухъ сторонъ, Стоцкая, движеніемъ руки, дала понять, чтобъ били какъ можно сильнѣе, но рѣже. Она жадными глазами впилась въ быстро багровѣвшее нѣжное тѣло красавицы, съ видимымъ наслажденіемъ слушая страдальческіе стоны ея, спокойно отирала носовымъ платкомъ разлетавшіяся по стѣнамъ и попадавшія ей въ лицо обильныя брызги крови!... Когда же голосъ мученицы сталъ замирать, женщина-извергъ приказала пріостановить удары и кротко, дружески совѣтовала полумертвой выкушать нѣсколько глотковъ поднесенной ей воды, отдохнуть и собраться съ новыми силами. При этомъ она приговаривала: «Знаю, что тебѣ, моя сердечная, очень больно; понимаю, голубушка, что твоему дѣвичьему тѣлу невыносимо наказаніе; понимаю и то, что ты, какъ скромная дѣвушка, стыдишься быть можетъ при мужчинахъ обнаженія этого тѣла, что для тебя все это вдвойнѣ мучительно, но что-жъ дѣлать? Не вини меня, мой другъ! Я тебя берегла и любила, какъ дочь, а теперь душа моя ненасытимо требуетъ мщенія и наслаждается имъ: я не вольна совладать съ собою! Не сѣтуй на меня». Послѣ этихъ увѣщаній и кратковременной паузы, Стоцкая, при-

казавъ обнажить и остальную часть тѣла до самой головы, велѣла какъ можно сильнѣе, но съ разстановкою сѣчь по спинкѣ, какъ выражалась она, по шейкѣ, по плечикамъ и ножкамъ; наконецъ, когда все безъ исключенія тѣло покрылось сплошными кровавыми язвами и послѣдніе стоны страдалицы едва только, и то изрѣдка, стали доходить до слуха тигрицы въ юбкѣ, она распорядилась еще разъ пріостановиться, повернуть беззащитную соперницу вверхъ лицомъ, снова привязать къ желѣзнымъ кольцамъ и продолжать медленную казнь мученицы!!! Далѣе, когда замѣтила ея предсмертныя судороги, приказала съ удвоенною силою и чаще наносить ей послѣдніе удары по животу и груди до тѣхъ поръ, пока не убѣдилась, что жертва ея сатанинской мести обратилась наконецъ въ бездыханный трупъ! Но жажда крови и тутъ еще не утолилась вполнѣ! Женщина-палачъ приказываетъ поварамъ разрѣзать на куски тѣло убитой, вынести его, сварить и передъ ея окнами отдать на съѣденіе псамъ!!!

Приговоренная къ каторгѣ, Стоцкая отравилась и умерла въ острогѣ...

Вотъ, до какого страшнаго безобразія, до какого ужаснаго варварства возможно было доходить душевладѣльцамъ въ былое, оплакиваемое крѣпостниками время, и если не такія, то близко похожія на это событія проходили иногда совершенно безнаказанно! Но 19-е февраля 1861-го года, обезсмертивъ Александра II опустило уже завѣсу и навсегда скрыло отъ глазъ нашихъ то, чему съ трудомъ повѣритъ потомство и что между тѣмъ творилось на всемъ пространствѣ необъятной Россіи...

VIII.

Незадолго до окончательнаго присоединенія уніи, начальникомъ края, княземъ П. А. Долгоруковымъ было донесено

покойному государю, что Бѣлостокской области, Бѣльскаго уѣзда, въ селахъ Чижовѣ и Новоберезовѣ, молодые уніатскіе священники Паевскій и Паньковскій, подстрекаемые ксендзами, не только сами не раздѣляютъ убѣжденій правительства и не расположены присоединиться къ православію, но открыто, съ амвоновъ, проповѣдуютъ своимъ прихожанамъ, будто правительство насильственно ломаетъ вѣру отцовъ ихъ, и тѣмъ до такой степени встревожили и взволновали простолюдиновъ, что они, какъ древніе новгородцы, сбѣгаются къ церкви и бьютъ въ набатъ, когда завидятъ подъѣзжающаго къ селу исправника, или другое должностное лицо.

Для производства строжайшаго на мѣстѣ дознанія и прекращенія безпорядковъ повелѣно было командировать благонадежнаго жандармскаго штабъ-офицера, а священниковъ, если образъ дѣйствія ихъ окажется существенно вреднымъ, отправить въ пермскую епархію.

Выборъ этотъ палъ на меня. Переговоривъ съ преосвященнымъ Никаноромъ, я поскакалъ на мѣсто въ сопровожденіи двухъ молодцовъ-жандармовъ.

Проживъ въ Чижовѣ и Новоберезовѣ для порученнаго мнѣ дознанія около двухъ недѣль, къ крайнему удивленію моему, я не встрѣтилъ тамъ ничего похожаго на то, что было донесено государю. Хотя оба священника дѣйствительно не дали подписокъ о готовности присоединиться къ православію и продолжали отправлять свои обязанности по уніатскимъ обрядамъ и поминать папу; но, съ одной стороны, они нисколько не упорствовали, потому что христіанское желаніе правительства было извѣстно Паевскому и Паньковскому только частнымъ образомъ отъ ревизоровъ, задолго передъ тѣмъ посѣщавшихъ приходы ихъ, а съ другой, и самое предложеніе подписки было сдѣлано имъ не агентомъ духовнаго ихъ начальства, какъ бы слѣдовало, но мѣстнымъ исправникомъ

Малининымъ; стало быть, давъ требуемыя Малининымъ подписки, они имѣли бы полное основаніе опасаться быть поставленными въ неловкое положеніе къ своему прямому епархіальному начальству. Въ этомъ положеніи вещей я счелъ нужнымъ, не открывая Паевскому и Паньковскому сущности возложеннаго на меня порученія, а тѣмъ болѣе предстоявшаго имъ путешествія въ Пермь, тотчасъ же отправиться въ Бѣлостокъ и лично объясниться съ правителемъ области, г. Гунаропуло, по представленію котораго возникло это дѣло.

Изъ предъявленной мнѣ правителемъ области переписки и сличенія оной съ собранными на мѣстѣ свѣдѣніями оказалось, что не только донесенія исправника Малинина, но и дознаніе, сдѣланное для повѣрки ихъ командированнымъ въ Бѣльскій уѣздъ чиновникомъ, не заслуживали тревоги, возбужденной недоразумѣніями съ обѣихъ сторонъ.

При личномъ объясненіи г. Гуранопуло, въ моемъ присутствіи, съ исправникомъ и слѣдователемъ открылось, что поводомъ къ возникновенію донесеній Малинина было неточное пониманіе имъ своихъ обязанностей, неумѣстное вмѣшательство его въ чужое дѣло, желаніе выказать свое всестороннее вліяніе и излишнее усердіе, а со стороны слѣдователя — явное потворство Малинину, желаніе поддержать этого человѣка, въ ущербъ истинѣ и, наконецъ дѣйствительное опасеніе провести нѣсколько дней между взбунтовавшимися по увѣренію Малинина, чижевскими и новоберезовскими прихожанами.

По доведеніи до свѣдѣнія покойнаго государя результата поѣздки моей въ Бѣлостокъ, повелѣніе объ отсылкѣ Паевскаго и Паньковскаго въ Пермь было отмѣнено, и оба священника эти, вызванные на время въ Жировицкій монастырь (гдѣ въ то время жили преосвященные Антоній Зубко и Михаилъ Голубовичъ), остались при

своихъ приходахъ, а Малининъ и помогавшій ему слѣдователь были удалены отъ должностей.

Паевскій давно скончался, а съ благочиннымъ протоіереемъ Паньковскимъ мнѣ суждено было неожиданно встрѣтиться 28-го іюня 1865-го года въ проѣздъ мой чрезъ м. Дзензіолы, его приходъ, близъ Слонима. И тутъ только узналъ я, что ему извѣстно было предстоявшее когда-то путешествіе въ Пермскую губернію. При прощаньѣ почтенный старецъ, обнимая меня, со слезами сказалъ: «вы первый научили меня уважать голубой мундиръ, а не пугаться его».

IX.

Въ началѣ 1839-го года въ Минскѣ проживала бѣдная, больная, обремененная большимъ семействомъ вдова маіора Козакевича. Мужъ ея, украшенный орденами, израненый, изувѣченный, скончался, оставя жену и шестерыхъ дѣтей рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ существованію. Козакевичъ по религіи былъ католикъ, а по службѣ и ранамъ русскій вѣрноподданный.

По кончинѣ мужа, вдова Козакевичъ просила о назначеніи ей съ дѣтьми пенсіи, но комитетъ о раненыхъ отозвался, что какъ мужъ ея скончался не отъ послѣдствій полученныхъ имъ ранъ, то онъ не можетъ ходатайствовать о назначеніи ей пенсіи, а министерство внутреннихъ дѣлъ приказало объявить вдовѣ, что какъ мужъ ея, по служенію минскимъ полиціймейстеромъ, три раза подлежалъ суду (два раза за выданныя имъ высокія справочныя цѣны госпитальнымъ припасамъ, а одинъ— за медленность взысканія денегъ по заемному письму) и избавленъ отвѣтственности по этимъ дѣламъ за силою манифеста 22-го августа 1826-го года, то вдовѣ Козакевичъ не только нельзя получить пенсіи, но и едино-

временнаго пособія, какъ женѣ чиновника, умершаго внѣ службы-

Подобные этимъ законные, но холодные отказы вдова эта получила и отъ генералъ-губернатора князя Долгорукова, изъ коммисіи прошеній и отъ главнаго начальника моего, шефа жандармовъ.

Узнавъ случайно, что дѣла, по которымъ Козакевичъ подлежалъ суду, были слишкомъ ничтожны и должны бы ограничиться однимъ лишь незначительнымъ денежнымъ взысканіемъ, которое по закону не воспрепятствовало бы назначенію пенсіи его семейству, я пригласилъ къ себѣ вдову и разсмотрѣлъ со вниманіемъ принесенныя ею бумаги, въ числѣ которыхъ были и полученные ею изъ разныхъ мѣстъ отказы. Между бумагами этими я нашелъ особое свидѣтельство, выданное Козакевичу дивизіоннымъ генераломъ Ротомъ, о томъ, что послѣ бородинской битвы, Козакевичъ, страшно израненый и совершенно изувѣченный, найденъ былъ случайно между убитыми.

Около этого времени въ Бозѣ почившій государь, желая увѣковѣчить память незабвеннаго въ лѣтописяхъ отечества нашего сраженія бородинскаго, приготовлялся къ торжественному открытію памятника въ селѣ Бородинѣ, а какъ Козакевичъ неоспоримо принадлежалъ къ числу героевъ этого ужаснаго побоища, то я рѣшился, описавъ бѣдственное положеніе вдовы и дѣтей Козакевича и не стѣсняясь ни буквою закона, ни полученными вдовою отказами, войти съ представленіемъ къ графу Бенкендорфу *) который, снесясь съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ А. Г. Строгановымъ, участь семейства Козакевича повергнулъ всемилостивѣйшему воззрѣнію и вслѣдъ затѣмъ увѣдомилъ меня, что государь императоръ, согласно съ заключеніемъ комитета гг.

*) Или пожаловаться шефу жандармовъ на шефа жандармовъ.

министровъ, повелѣлъ назначить вдовѣ и дѣтямъ маіора Козаксвича 712 руб. пожизненной пенсіи и выдать оную со дня кончины мужа.

X.

Въ іюнѣ 1839-го года, часть арестантовъ работала въ огородѣ, принадлежащемъ минскому острогу. Конвойные довѣрчиво дремали, опершись на ружья. Вдругъ одинъ изъ арестантовъ бросился бѣжать вмѣстѣ съ тремя конвойными, оставившими ружья и аммуницію (одинъ изъ солдатъ былъ вольно-опредѣлившійся, виленскій дворянинъ, князь Гедройцъ, 18-ти лѣтъ). Въ погоню за ними кинулось человѣкъ пять караульныхъ, которымъ съ ружьями трудно было настичъ бѣглецовъ, скрывшихся вскорѣ въ подгородномъ лѣсу помѣщика Неморшанскаго; но едва усталые бѣглецы достигли чащи лѣса, какъ на опушкѣ его показалась фигура женщины, которая движеніемъ рукъ торопила приближавшихся солдатъ, показывая имъ направленіе, по которому уходили бѣглые.

Оказалось, что прежде, чѣмъ конвойные достигли лѣса, арестантъ-разбойникъ успѣлъ броситься съ ножемъ на помогавшую конвойнымъ женщину Шумелеву, дочь отставного солдата и что послѣдняя, защищаясь, нанесла разбойнику попавшеюся подъ руку костью смертельную рану въ лобъ.

Началось слѣдствіе. Несчастную Шумелеву засадили въ острогъ, какъ убійцу. Двухъ бѣглыхъ солдатъ поймали, а его сіятельство, князь Гедройцъ, бывшій ученикъ виленской католической семинаріи, измученный голодомъ, явился самъ.

Черезъ двѣ недѣли Шумелова вышла изъ острога съ присланными ей отъ государя ста рублями и серебряною медалью на груди съ надписью *«за усердіе»*.

Гласнаго суда тогда не было. Подобное дѣло могло

затянуться на нѣсколько лѣтъ. Шумелова сгнила бы въ острогѣ, если бы обо всемъ этомъ не было подробно донесено графу Бенкендорфу.

XI.

Въ деревнѣ Брилевичахъ, въ пяти верстахъ отъ Минска, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, мирно доживалъ вѣкъ свой 83-хъ лѣтній старецъ, отставной полковникъ Тольсдорфъ, особенно примѣчательный тѣмъ, что онъ первый, по присоединеніи западнаго края къ россійской державѣ, вступилъ въ военную службу нашу.

Изъ бумагъ Тольсдорфа видно было, что онъ вступилъ въ службу кадетомъ въ Кіевскій драгунскій полкъ въ 1792-мъ году и, вѣрный присягѣ, черезъ два года дрался уже противъ возмутившихся собратій его подъ Вильною, Вилькомиромъ и Видзами (1794). Съ того времени Тольсдорфъ участвовалъ съ полкомъ во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Подъ Бородинымъ, въ чинѣ маіора, остался самъ третій и командовалъ полкомъ до окончанія отечественной войны, а 1-го марта 1816-го года, за болѣзнію, уволенъ отъ службы полковникомъ, съ мундиромъ и съ опредѣленіемъ, по дѣйствовавшимъ тогда законамъ, на инвалидное содержаніе.

Тольсдорфъ прослужилъ только 24 года, но служба его ознаменована была длиннымъ рядомъ отличій, а именно: за усердіе, распорядительность, мужество и примѣрную храбрость, онъ разновременно удостоился получить ордена: св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, св. Анны 2 ст. съ брилліантами, прусскій за заслуги (pour le mérite), двѣ золотыя сабли, изъ коихъ, взамѣнъ послѣдней, награжденъ высочайшимъ благоволеніемъ. Сверхъ того за особый геройскій подвигъ, заключавшійся въ томъ, что Тольсдорфъ, 15-го августа 1813-го года, въ Силезіи, съ двумя эскадронами драгунъ, врубился въ непріятельскую

пѣхоту, взялъ одну пушку и 98 человѣкъ въ плѣнъ, онъ удостоился получить св. Георгія 4 степени, а полкъ, въ его командованіе, получилъ на кивера надпись: «за отличіе» и георгіевскія знамена.

Состояніе Тольсдорфа заключалось въ заложенной деревнѣ Брилевичахъ съ 37-ю душами, а инвалидное содержаніе, или выслуженная пенсія, состояла изъ 4 р. и 39 к. въ мѣсяцъ.

Много и мало суть понятія относительныя. Рядомъ съ Тольсдорфомъ въ спискѣ пенсіонеровъ стоялъ не нюхавшій пороха, прослужившій всего только 10-ть лѣтъ и уволенный отъ службы за болѣзнію, тоже подгородный помѣщикъ, штабсъ-капитанъ Верига, получавшій 102 руб. годовой пенсіи (вдвое болѣе Тольсдорфа),

Въ бытность мою предсѣдателемъ минской казенной палаты я обратилъ вниманіе бывшаго министра П. Ѳ. Брока на эту несообразность и крайне стѣсненное положеніе Тольсдорфа. Министръ финансовъ препроводилъ замѣтку мою военному министру и 11-го іюля 1851 года, за № 5450, получено было увѣдомленіе, что по всеподданнѣйшему докладу военнаго министра, Тольсдорфу, ни о чемъ не просившему государя, всемилостивѣйше пожаловано въ пособіе 1.000 руб. сер. *).

Глава XII

Совершенно неожиданно получилъ я по эстафетѣ, 28-го ноября 1840-го года, предписаніе генералъ-губернатора Мирковича немедленно отправиться въ Пинскій уѣздъ, и отыскавъ тамъ бывшаго предводителя дворянства Зеленскаго, сдѣлать строжайшій обыскъ въ его бумагахъ, и, затѣмъ, съ жандармами отправить его въ Вильну,

Черезъ два часа я былъ уже на пути въ Пинскъ.

*) Это сдѣлано не жандармомъ, но въ томъ же духѣ.

Проживъ въ Пинскѣ дня три, ежедневно бесѣдовалъ я съ умнымъ, наблюдательнымъ человѣкомъ, архимандритомъ Феофаномъ, который положительно зналъ весь уѣздъ какъ свои пять пальцевъ. Изъ разговоровъ съ нимъ я успѣлъ незамѣтно разузнать, въ числѣ многихъ другихъ лицъ, и о Зеленскомъ, настоящая фамилія котораго была не Зеленскій, но Заленскій. Это былъ владѣлецъ слишкомъ 500 душъ (имѣніе Червище), человѣкъ среднихъ лѣтъ, высокаго образованія, примѣрной нравственности, долго служившій предсѣдателемъ гродненской гражданской палаты, награжденный орденами и, по выходѣ въ отставку, посвятившій себя исключительно семейной жизни. Въ дополненіе къ этому узналъ я позднѣе, что жена Заленскаго, мать пятерыхъ дѣтей, со дня на день ожидала появленія шестаго, такъ что неожиданный визитъ жандармовъ и арестъ мужа легко могли стоить ей жизни. Между тѣмъ изъ предписанія, мнѣ даннаго, не видно было, чѣмъ именно Заленскій навлекъ на себя подозрѣніе, побудившее начальство прибѣгнуть къ такой тяжкой и рѣшительной мѣрѣ. По опыту мнѣ хорошо было извѣстно, что поводомъ къ подобному аресту могло послужить тогда самое ничтожное обстоятельство въ родѣ того, напримѣръ, что какой-нибудь прощалыга высказалъ въ слѣдственной коммиссіи, что ему извѣстенъ Заленскій за человѣка, ведущаго заграничную переписку съ выходцами изъ края и вообще неблагонамѣреннаго къ правительству. Арестовать Заленскаго безъ всякихъ разсужденій было легко и удобно, но мысль, что если тутъ вкралась ошибка и что, возвратясь изъ Вильны, онъ не найдетъ, быть можетъ, матери дѣтей его, меня ужасала! Оставить Заленскаго въ покоѣ и, быть можетъ, дать ему средство скрыться и избѣгнуть заслуженной имъ кары, значило принять на себя огромную отвѣтственность и рисковать будущею участью собственной семьи. Положеніе

мое въ этомъ случаѣ было одно изъ самыхъ тяжкихъ! Я отправился въ Червищи, гдѣ была и почтовая станція. «А что, спросилъ я у станціоннаго писаря, допивая второй стаканъ чаю: здѣшній помѣщикъ дома?» Получивъ утвердительный отвѣтъ писаря и при дальнѣйшихъ объясненіяхъ узнавъ, что въ барскомъ домѣ, кромѣ sage-femme, никакихъ гостей нѣтъ, я могъ бы тотчасъ приступить къ исполненію возложеннаго на меня порученія, но внутренній голосъ громко говорилъ мнѣ въ пользу Заленскаго, а сознаніе святости долга и чувство самохраненія— противъ него. Я долго колебался, взвѣшивалъ обстоятельства, разсчитывалъ послѣдствія и повѣрялъ себя. Рѣшась наконецъ не трогать Заленскаго до полученія разрѣшенія, можно ли арестовать бывшаго предсѣдателя Заленскаго вмѣсто бывшаго предводителя Зеленскаго (котораго въ Пинскомъ уѣздѣ не оказалось), я не могъ, конечно, прямо изъ Червищъ вернуться въ Минскъ, чтобы не надѣлать тревоги обнаруженіемъ цѣли моей поѣздки, и потому пустился далѣе. Но какъ слѣдующая къ югу станція была уже Волынской губерніи и по хорошей зимней дорогѣ я могъ въ одни сутки доѣхать до знаменитаго въ церковной исторіи Почаевскаго монастыря и увидѣться съ преосвященнымъ Никаноромъ, за 9 мѣсяцевъ передъ тѣмъ уѣхавшимъ изъ Минска, то, не долго разсуждая, я скоро очутился въ Почаевѣ.

Было уже около 11-ти часовъ вечера, когда я взобрался на одну изъ высокихъ Карпатскихъ горъ, служащую подножіемъ Почаевскому монастырю, построенному на самой границѣ Галиціи. Не только у воротъ монастыря и на обширномъ дворѣ, но и на порадномъ крыльцѣ, ведущемъ въ келіи настоятеля, замѣтилъ я часовыхъ пограничной стражи, которымъ однакожъ до меня не было никакого дѣла, такъ какъ я пріѣхалъ не изъ Радзивилова и не изъ Бродъ, этихъ гнѣздилищъ контрабанды,

а изъ Дубно. Пока сопровождавшій меня жандармъ отыскивалъ и будилъ іеромонаха Макарія, этого постояннаго спутника преосвященнаго Никанора, я съ изумленіемъ разсматривалъ окаймляющія монастырскій дворъ одноэтажныя каменныя строенія и, признаюсь, не могъ въ первыя минуты сообразить, какимъ образомъ обращенныя внаружу великолѣпныя строенія прилѣплены къ скаламъ горы такъ, что внутри двора видны только одно-этажныя, а кругомъ монастыря красуются трехъ-и-четырехъ-этажныя готическія зданія.

Выбѣжавшій наконецъ изъ своей келіи о. Макарій бросился мнѣ на шею, не вѣря глазамъ, что видитъ передъ собою одного изъ любимыхъ преосвященнымъ мнечуковъ, еще такъ недавно провожавшихъ своего архипастыря на служеніе новой, счастливой паствѣ.

Сколько не упрашивалъ я о. Макарія, чтобы не безпокоилъ преосвященнаго до утра, но онъ и слышать не хотѣлъ.

Проводивъ меня въ пріемную залу, Макарій отправился будить владыку, который не заставилъ себя долго ждать и не вышелъ, а почти выбѣжалъ ко мнѣ въ халатѣ и туфляхъ. «Вижу, сказалъ мнѣ архипастырь, что ты, Асинкритъ Ивановичъ, не забылъ старца», и онъ обнялъ меня, какъ обнимаетъ отецъ любимаго сына. Пока о. Макарій, по приказанію преосвященнаго, хлопоталъ о стерляжей ухѣ, а засланные служки накрывали на столъ, разспросамъ съ обѣихъ сторонъ не было конца. Ночь была свѣтлая, лунная. «Полюбуйся этимъ чуднымъ видомъ, сказалъ мнѣ преосвященный, подведя меня къ окну, обращенному къ открытой мѣстности. Видишь-ли вдали эти три храма?—Всѣ они въ Галиціи и хотя еще остаются въ уніи, но прихожане ихъ, вѣруя въ чудодѣйственность здѣшней иконы Божіей Матери, постоянно посѣщаютъ лавру, особенно когда знаютъ, что въ ней архіерейское

служеніе. Говорятъ они не польскимъ, но чистымъ, какъ въ пинскомъ уѣздѣ, малороссійскимъ языкомъ и рано или поздно, непремѣнно возвратятся на лоно святой Руси.»

За ужиномъ преосвященный сдѣлалъ мнѣ компанію, скушавъ двѣ или три ложки ухи. Попотчивавъ меня старымъ венгерскимъ виномъ, преосвященный замѣтилъ, что оно не покупное, но оставшееся въ наслѣдство отъ базиліанъ, которые въ 1771-мъ году захватили въ свои руки почаевскую лавру и во время мятежа 1831-го года усердно занимались печатаніемъ въ монастырской типографіи и распространеніемъ возмутительныхъ воззваній Рѣчи Посполитой. Въ заключеніе велѣно было подать шампанское. «Пью за здоровье твое, Асинкритъ, сказалъ незабвенный архипастырь, и Александры Петровны, этой примѣрной христіанки, супруги и матери, а какъ она не можетъ выкушать съ нами этой шипучки, то не откажись отвезти ей на память этотъ бокалъ отъ старика, который умѣлъ и умѣетъ цѣнить и уважать ее».—Бесѣда наша длилась ровно до 2-хъ часовъ ночи. Послѣ чего о. Макарію приказано было уложить великолѣпный серебряный бокалъ въ мой чемоданъ, а въ слѣдующее утро показать мнѣ ризницу и другія рѣдкости, уцѣлѣвшія въ лаврѣ. Вниманіе владыки къ неизбалованному и нетребовательному гостю было такъ велико, что онъ пришелъ посмотрѣть, гдѣ и какъ приготовлена была постель ему.

На другой день я удостоился отслужить молебенъ Божіей Матери, образъ который былъ подаренъ въ 1559-мъ году греческимъ митрополитомъ Неофитомъ православной болярынѣ Аннѣ Гойской, а ею пожертвованъ почаевскому монастырю и почитается чудотворнымъ по множеству исцѣленій, испытанныхъ не только православными, католиками и лютеранами, но даже и евреями, которые въ несчастныхъ случаяхъ тайно поклоняются этой

иконѣ. Ризница лавры, для того, кто подобно мнѣ, имѣлъ случай видѣть кіевскую или святотроицкую ризницы, не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ того, что въ продолженіи 60-ти лѣтняго состоянія лавры въ рукахъ антагонистовъ православія, базиліанъ, она сохранила всѣ греческія облаченія своихъ настоятелей, ихъ митры и посохи.

Въ память бытности моей въ Почаевѣ, покойный владыко приказалъ устроить торжество постриженія въ монахи, привезеннаго имъ изъ Минска вдоваго діакона Никиты, который искренно благодарилъ меня за ускореніе совершенія давно ожидаемаго имъ священнаго обряда и предоставленный мнѣ выборъ ему новаго имени Леонтія.

Никогда не забуду я тѣхъ отрадныхъ, тѣхъ счастливыхъ минутъ, которыя провелъ я въ Почаевской лаврѣ, въ сообществѣ примѣрнаго архипастыря и въ высшей степени благороднаго человѣка, обладавшаго необыкновенною способностью привязывать къ себѣ сердца людей, имѣющихъ сердце. Pour l'aimer et l'estimer, говорили здѣшніе аристократы, il ne faut que le connaitre. Они цѣнили въ этомъ человѣкѣ его умъ, образованіе, снисходительность къ другимъ и строгость къ себѣ.

Познакомясь съ достопримѣчательностями почаевскаго монастыря, нельзя, съ чувствомъ искренней признательности, не припомнить здѣсь, что если бы принимавшій лавру эту отъ бизиліанъ (весною 1832 года) Алексѣй Ивановичъ Войцеховичъ не умѣлъ найти благонадежнаго и опытнаго посредника въ этомъ дѣлѣ, то рисковалъ быть обманутымъ, и Лавра могла бы лишиться многихъ драгоцѣнностей, которыми обладаетъ теперь. Алексѣй Ивановичъ сдѣлалъ еще болѣе. Избравъ посредниковъ и руководителемъ своимъ хорошо знакомаго съ положеніемъ Лавры, убѣленнаго сѣдинами, вдоваго протоіерея, законоучителя кременецкой гимназіи, онъ вскорѣ потомъ исхо-

датайствовалъ ему у святѣйшаго сунода разрѣшеніе постричься въ монашество (чего онъ давно и тщетно домогался) и не болѣе какъ лѣтъ черезъ десять имѣлъ уже честь видѣть въ немъ петербургскаго митрополита Антонія Рафальскаго.

По возвращеніи въ Минскъ, я тотчасъ донесъ генералъ губернатору, что хотя по сдѣланному мною секретному дознанію оказалось, что Пинскаго уѣзда въ собственномъ имѣніи Червищахъ проживаетъ помѣщикъ Заленскій, но какъ, съ одной стороны, онъ по образу жизни и обстановкѣ не подаетъ ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію въ неблагонамѣренности къ правительству, а съ другой, никогда не служилъ предводителемъ и называется не Зеленскимъ, а Заленскимъ, то для избѣжаній грубой и ничѣмъ уже неисправимый ошибки, я не рѣшился арестовать его.

Признаюсь, что развязки этого вопроса я ожидалъ не безъ опасенія и хотя тщательно старался скрывать его даже отъ жены, но не переставалъ повѣрять себя и спрашивать мою совѣсть: не измѣнилъ ли я своему долгу?

Въ этомъ мучительномъ ожиданіи прошло шесть тяжелыхъ дней; но какъ изобразить мой восторгъ, мое восхищеніе, когда генералъ-губернаторъ письменно объявилъ мнѣ благодарность за осторожность и предусмотрительность, объясняя, что вмѣстѣ съ моимъ донесеніемъ о Заленскомъ, онъ получилъ увѣдомленіе кіевскаго генералъ-губернатора Бибикова, что арестантъ, оговорившій Заленскаго, сознался во лжи?! *) **)

Впослѣдствіи мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что лѣтъ черезъ шесть послѣ поѣздки моей въ Червищи и Почаевъ, Заленскій узналъ наконецъ въ Вильнѣ, отъ близкаго къ

*) Ничтожнымъ мальчишкамъ, затѣявшимъ какую-то манифестацію, нужно было указать на какое-либо значительное лицо, стоящее будто бы въ главѣ ихъ предпріятія. Они назвали сосѣдняго помѣщика, котораго не знали въ глаза.

**) Случалось-ли вамъ, читатель, получать благодарность за ослушаніе?

генералъ-губернатору человѣка, графа Гинтера, о тучѣ, которая готова была разразиться надъ нимъ и его семействомъ, но миновалась благополучно.

Такія отрадныя событія не забываются!

XIII.

Минскій губернаторъ Николай Васильевичъ Сушковъ терпѣть немогъ всѣми любимаго губернскаго предводителя дворянства, Льва Францовича Онторпа, занимавшаго этотъ постъ сряду 9 трехлѣтій. Ненависть эта еще болѣе усилилась, когда покойный государь, вмѣстѣ съ другими предводителями дворянства сѣверо-западнаго края, наградилъ и Онторпа орденомъ св. Анны 1 степени*) за выраженную дворянами готовность учредить и содержать на ихъ средства брестскій кадетскій корпусъ.

Приближались новые выборы. Соперникомъ Онторпа изъявилъ желаніе быть любимецъ, Сушкова, ближайшій къ Минску помѣщикъ Евстафій Прошинскій, серіозно образованный и дѣльный господинъ, занимавшій по выборамъ постъ предсѣдателя гражданской палаты.

Кому изъ двухъ соперниковъ нужно было желать успѣха—Онторпу или Прошинскому?—Послѣдній неоспоримо былъ дѣльнѣе перваго, но, съ другой стороны, политично-ли было сойти со сцены тому, кто только что удостоился получить крупную награду и въ лицѣ котораго награждено было все минское дворянство?

Сушковъ, почему-то считавшій меня за человѣка, имѣющаго нѣкоторое вліяніе на толпу, чрезвычайно не доволенъ былъ, мною за то, что я, по примѣру его, не кричу въ пользу Прошинскаго, тогда какъ губернатору и мнѣ всѣхъ болѣе слѣдовало держать себя нейтрально.

Какъ громомъ поразило Сушкова извѣстіе, что выбранъ снова Онторпъ, который, впредь до высочайшаго утверж-

*) Котораго Сушковъ не имѣлъ еще.

денія, сдалъ должность и собирается уѣхать въ Вильну благодарить генералъ-губернатора Мирковича за награду.

Сушковъ бѣснуется, да дѣлать нѣчего! —Но вдругъ ему блеснула мысль насолить Ошторпу самымъ оригинальнымъ образомъ.

Не долго думая, онъ даетъ предложеніе губернскому правленію о томъ, что до его свѣдѣнія дошло, что пріѣхавшая изъ имѣнія Дукоры дѣйствительная статская совѣтница Ошторпъ имѣетъ съ собой до 40 человѣкъ безпаспортной прислуги и потому велитъ поручить совѣтнику Малафееву произвести строжайшее слѣдствіе для обнаруженія зла.

Начинается слѣдствіе. Сегодня требуютъ поголовно всѣхъ поваровъ и кондиторовъ, на другой день кучеровъ, форейторовъ и берейторовъ, потомъ гуртомъ—всю женскую прислугу и т. д.

Еще неокончилось это пресловутое слѣдствіе, какъ губернаторъ, новымъ предложеніемъ, поручаетъ тому же правленію опубликовать въ губернскихъ вѣдомостяхъ, что изъ Минска, безъ всякаго вида, отлучился неизвѣстно куда Д. С. С. Левъ Ошторпъ; примѣтами онъ: съ двумя звѣздами и колтуномъ, о чемъ донесъ и Мирковичу.

Донесеніе это подано было генералъ-губернатору въ ту минуту, когда онъ поднялъ бокалъ за здоровье новаго аннинскаго кавалера.

Пожалѣли Минчуки добраго Сушкова. Черезъ двѣ недѣли онъ былъ уволенъ безъ прошенія, но вслѣдъ за тѣмъ получилъ пенсію по званію губернатора.

XIV.

Послѣ увольненія Сушкова 13 мѣсяцовъ управлялъ губерніей вице-губернаторъ, Иванъ Федоровичъ Чмыховъ, дѣльный, умный, опытный и вполнѣ честный человѣкъ,

не получившій впрочемъ никакого образованія. Ему пришлось раскапывать старыя дѣла.

Однажды я пришолъ къ нему съ экземпляромъ губернскихъ вѣдомостей, которыми отыскивался неутвержденный въ дворянскомъ достоинствѣ шляхтичъ Слуцкаго уѣзда Онуфрій Сухозанетъ, съ сыновьями: Иваномъ, Николаемъ и Петромъ, для избранія рода жизни податнаго состоянія. Когда я ему объяснилъ, что Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ, съ 14 декабря 1825 года, генералъ-адъютантъ и женатъ на княжнѣ Бѣлосельской; что Николай—старый генералъ-лейтенантъ и женатъ на дочери генерала отъ артиллеріи Князя Яшвиля, а Петръ, въ чинѣ полковника, убитъ былъ въ 1812 году и похороненъ въ М. Друѣ, дисненскаго уѣзда, Чмыховъ искренно благодарилъ меня и тотчасъ же распорядился о напечатаніи дополнительнаго приказанія на счетъ прекращенія иска.

Это было въ 1842 году, а если Сухозанеты получили образованіе въ 1 кадетскомъ корпусѣ и въ 1812 году были уже въ полковничьихъ чинахъ, то спрашивается, когда же отецъ ихъ, Онуфрій Сухозанетъ, началъ отыскивать свое дворянство и сколько десятковъ лѣтъ прошеніе его отдыхало въ герольдіи?

Невѣроятно, но справедливо.

XV.

Въ іюнѣ 1842 года въ Минскѣ было получено свѣдѣніе, что Узміонскій и Леонпольскій приходы дисненскаго уѣзда, присоединенные къ православію, изъ уніатовъ, по подстрекательству бернардынскихъ монаховъ сосѣдняго съ ними монастыря, не только перестали посѣщать православные храмы, но и не обращаются къ священникамъ, съ требами браковъ, крестинъ, погребенія умершихъ

и т. д. Мѣстныя власти не въ силахъ были прекратить этотъ безпорядокъ.

По важности случая и по желанію бывшаго архіепископа Антонія Зубки (находящагося съ 1848 года на покоѣ въ пожайскомъ монастырѣ, близь Ковны) я вызвался отправиться на мѣсто, для производства дознанія.

Въ сообществѣ депутатовъ православнаго и разныхъ католическихъ орденовъ, я поспѣшилъ прибыть въ Дисну и, пригласивъ съ собою тамошняго предводителя дворянства Оброшпальскаго и мѣстнаго исправника Сумарокова (католикъ) отправился на мѣсто, въ Узміоны, съ двумя молодцами жандармами.

Управлявшій этимъ барскимъ имѣніемъ шляхтичь Корженевскій очень любезно встрѣтилъ весь нашъ кортежъ и пригласилъ обѣдать. Я принялъ предложеніе.

Столъ сервированъ былъ великолѣпно; закуска разставлена заманчиво. Приглашаютъ на вудечку. Благодарю и, потирая руки, оглядываюсь. какъ бы ища кого-то. — Корженевскій подбѣгаетъ и спрашиваетъ, что мнѣ угодно?

— Отвѣчаю: нельзя приступить къ закускѣ; главнаго лица не вижу,—гдѣ же мѣстный священникъ, отецъ Николай Лукошевичъ?—Ахъ, я пошлю за нимъ, сказалъ Корженевскій.—Нѣтъ, замѣтилъ я, потрудитесь сами сходить къ нему; онъ, вѣроятно, не откажетъ сдѣлать вамъ честь откушать въ нашемъ обществѣ.

Покривился мой Корженевскій, но пошелъ къ О. Николаю.

Народъ видитъ это и не вѣритъ глазамъ...

Что ни подаютъ голубому мундиру; что ни наливаютъ ему, онъ даетъ понять, чтобы начинали съ старшаго... Начало было сдѣлано.

У васъ сегодня будетъ всенощная, спросилъ я отца Николая? и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ:

мы всѣ, услышавъ благовѣстъ, явимся въ церковь помолиться вмѣстѣ, за завтрашнюю новорожденную.

Докладываютъ, что пріѣхали явиться ко мнѣ два бернардынскіе іеромонаха. Перекинувшись съ ними нѣсколькими словами, спрашиваю: въ которомъ часу завтра будетъ у васъ молебенъ по случаю дня рожденія императрицы? Ровно въ8 часовъ утра.—Мы всѣ явимся въ Костелъ, а оттуда, вмѣстѣ съ вами, отправимся въ православный храмъ.—Намъ нельзя быть тамъ, отвѣчаютъ они рѣшительно; мы обязаны подписками.—Какими подписками?—Никогда не служить въ православной церкви.—Совершенно справедливо. До 12 февраля 1839 года вамъ не воспрещалось служить обѣдню въ церкви, а уніатскому священнику въ костелѣ, а теперь когда уніаты возвращены православію—другое дѣло. Вамъ никто непозволитъ уже служить въ нашей церкви, но вы непремѣнно будете завтра присутствовать на молебнѣ нашемъ.

Такъ и случилось. Мы не пропустили ихъ молебна, а бернардыны, volens-nolens отправились въ нашу церковь и, выслушавъ колѣнопреклоненно теплыя молитвы о здравіи и многолѣтіи царицы русской, смиренно приложились къ предложенному имъ О. Николаемъ—православному кресту.

Народъ не вѣрилъ глазамъ... мнѣ только это и нужно было. Разборовъ и арестовъ не было.

Тоже повторялось и въ другомъ приходѣ.

Народъ успокоился. Безпорядки устранились и болѣе не возобновлялись.

XVI.

Въ бытность мою въ Петербургѣ въ 1842 году, узналъ я, что командиръ минскаго гарнизоннаго баталіона подполковникъ Фриде удаленъ отъ должности и преданъ суду.

Удивленный этою новостію я бросился за справкою въ штабъ внутренней стражи и прочиталъ представленный военному министру докладъ корпуснаго командира приблизительно слѣдующаго содержанія:

Командиръ минскаго гарнизоннаго баталіона подполковникъ Фриде, въ короткое время командованія баталіономъ допустилъ разные безпорядки и злоупотребленія, доказывающіе неспособность его управлять отдѣльною частію.

Предполагается: уволить Фриде отъ службы на общемъ основаніи и опредѣлить на его мѣсто минскаго пѣхотнаго полка подполковника Рейхнау.

Князь Чернышовъ отвѣчалъ, что на опредѣленіе Рейхнау государь соизволяетъ, но Фриде, допустившаго злоупотребленія, повелѣваетъ, по сдачѣ должности, предать военному суду при бобруйскомъ ордонансгаузѣ.

Не упоминая здѣсь о тяжести удара, нанесеннаго этимъ событіемъ семейству честнаго служаки Фриде, скажу только, что оказалось по справкѣ моей:

а) Составитель доклада короткимъ срокомъ командованія назвалъ 8 лѣтъ.

б) Онъ забылъ упомянуть въ докладѣ, что по представленіямъ бывшаго командира корпуса Капцевича Фриде, за отличіе по службѣ, удостоился получить чинъ подполковника и орденъ Станислава 2 ст: и

в) не объяснилъ, что все, въ чемъ можно было упрекнуть Фриде, заключалось только въ томъ, что онъ не донесъ объ утерянныхъ казначеемъ Корпцкимъ орденскихъ знакахъ за 20 лѣтъ службы, присланныхъ для раздачи нижнимъ чинамъ и позволилъ, взамѣнъ потерянныхъ, сдѣлать другіе подъ тѣми же нумерами.

На донесеніе объ этомъ вопіющемъ дѣлѣ шефу-жандармовъ мнѣ дано знать, что рапортъ мой былъ предъявленъ командиру корпуса, который, не возражая противъ

его содержанія, отозвался, что Ломачевскій не вполнѣ знаетъ сущность дѣла, а я, въ свою очередь, отвѣчалъ, что ему несравненно удобнѣе сказать, что я ошибаюсь, чѣмъ доказать это.

Хотя въ то время не было еще благодѣтельнаго гласнаго суда, но и прежній не зналъ, въ чемъ можно обвинить Фриде и потому заключилъ: уволить его отъ службы съ пенсіею и мундиромъ, но безъ повышенія чиномъ и возвратить ему весь экономическій запасъ сукна, холста и другихъ вещей, оказавшихся лишними при сдачѣ баталіона.

Старшій сынъ Фриде, генералъ-маіоръ, командовавшій въ Калугѣ артиллерійскою бригадою, слѣдуя въ Турцію, заболѣлъ на походѣ и, по настоянію профессора Пирогова, долженъ былъ предпринять продолжительное леченіе, но изъ опасенія быть заподозрѣннымъ въ уклоненіи отъ службы пренебрегъ добрымъ совѣтомъ и скончался въ Кіевѣ въ 1877 году.

Умирая въ полномъ сознаніи, онъ говорилъ съѣхавшимся въ Кіевъ братьямъ и сестрамъ, что еслибы онъ не былъ католикомъ, то послушался бы Пирогова.

Похоронная церемонія молодаго генерала была необыкновенно трогательна. Ею главнымъ образомъ распоряжались сестры милосердія и въ главѣ ихъ—супруга генералъ-адъютанта Дрентельна.

XVII.

Два родные брата Вечерскіе, крестьяне Витебской губерніи, Лепельскаго уѣзда, деревни Лючицы, помѣщика Гарновскаго, въ 1840 году лично подали покойному Государю просьбу о томъ, что возбужденное ихъ жалобами на помѣщика слѣдствіе, по неизвѣстной имъ причинѣ, не кончается болѣе 4-хъ лѣтъ, тогда какъ господинъ

ихъ преступникъ, закопавшій въ землю двухъ живыхъ крестьянъ своихъ и не разрѣшающій ни одной дѣвушкѣ выдти замужъ. прежде, чѣмъ она пожертвуетъ ему своею невинностію, тогда какъ двѣ изъ нихъ поплатились жизнію отъ слишкомъ ранней жертвы, принесенной ими безнравственному рабовладѣльцу Гарновскому.

Къ порученному мнѣ, согласно Высочайшему повелѣнію, разбору этой вопіющей жалобы необходимо было приступить съ большою осторожностію.

Просидѣвъ въ Лепелѣ нѣсколько дней за чтеніемъ не копченнаго дѣла, я не прежде отправился въ Лючицы съ мѣстнымъ исправникомъ Стефановскимъ и двумя священниками, православнымъ и католическимъ, какъ по прибытіи ко мнѣ назначеннаго дворянствомъ депутата, которому предстояло быть главнымъ свидѣтелемъ безпристрастнаго разбора дѣла. Здѣсь необходимо упомянуть, что дѣло это долго тянулось съ одной стороны потому, что командируемые къ участію въ его разборѣ депутаты, въ виду сложности дѣла, тотчасъ же сказывались больными и, уѣзжая изъ Лючицъ, останавливали слѣдствіе, а съ другой и потому, что первый изъ слѣдователей умеръ, не кончивъ дѣла, а второй, произведенный изъ полковниковъ въ генералъ-маіоры, бросилъ слѣдствіе, получивъ новое назначеніе.

Эта медленность побудила Вечерскихъ къ рѣшимости жаловаться самому Государю. Хотя въ то время жандармскіе офицеры, при командировкахъ по порученіямъ, не пользовались, какъ теперь, пособіями въ видѣ подъемныхъ или суточныхъ денегъ, но я просилъ исправника распорядиться, такъ, чтобы вся наша коммисія имѣла возможность размѣститься по походному въ какомъ нибудь сараѣ и довольствовалась бы тѣмъ, что мною будетъ куплено и приготовлено импровизованнымъ поваромъ—моимъ деньщикомъ.

Всѣ вообще допросы производились въ присутствіи обвиняемаго Гарновскаго, который показалъ, что онъ дѣйствительно распорядился закопать въ землю безъ гробовъ двухъ крестьянъ, умершихъ отъ холеры, на томъ основаніи, что она сначала считалась до того прилипчивою, что къ умершимъ и близкіе родные не рѣшались прикоснуться и спихивали ихъ въ яму длинными шестами, а тѣ дѣвушки, которыя умерли не отъ насилія, или побоевъ, но отъ ранняго, будто бы, лишенія ихъ невинности, скончались — одна 19-ти, а другая 21 года, что подтвердилось и метрическими выписями, и показаніями родныхъ.

Изъ всѣхъ крестьянокъ Гарновскаго одна только, въ защиту помѣщика, обозвала ихъ безсовѣстными, сказавъ: «да кто же изъ васъ не охотно являлся къ холостому барину, который за услугу всегда давалъ гостинцы?—Нѣкоторыя изъ женщинъ дѣйствительно жаловались на Гарновскаго, не на то, что вынуждены были платить ему дань самопожертвованія, но на то, что въ ожиданіи брачнаго вѣнца онъ слишкомъ долго выдерживалъ ихъ на испытаніи, а другія обвиняли его въ глаза въ такомъ цинизмѣ, въ такой безцеремонности обращенія съ ними гдѣ и какъ попало и середь бѣлаго дня, какая присуща только безсловесному скоту!!! Гарновскій и этого обвиненія не опровергалъ и продолжалъ спокойно подписываться на допросахъ, скрѣпляемыхъ безъ сомнѣнія и депутатомъ дворянства.

Дѣло это, какъ оказалось впослѣдствіи, кончилось взятіемъ имѣнія Лючицъ въ опеку.

Да, и такія-ли безобразія, до 19 февраля 1861 года, сходили съ рукъ бездушнымъ рабовладѣльцамъ?

XVIII.

Командированный для усмиренія крестьянъ въ имѣніе Стошаны Пинскаго уѣзда, знакомый читателю совѣтникъ минскаго губернскаго правленія Малафеевъ просилъ губернатора о немедленной присылкѣ въ д. Стошаны батальона солдатъ для водворенія порядка и повиновенія помѣщику Корсаку крестьянъ его, которые продолжаютъ бунтоваться и не идутъ на работу, не взирая и на то, что онъ третій день уже сѣчетъ розгами мужчинъ и женщинъ предъ окнами занимаемой имъ комнаты.

По предварительномъ соглашеніи со мною, управлявшій губерніею вице-губернаторъ Чмыховъ письменно предложилъ мнѣ смѣнить Малафеева и принять законныя мѣры къ водворенію порядка и заставленію крестьянъ повиноваться ихъ помѣщику. Я отправился туда съ однимъ жандармомъ.

Оказалось, что крестьяне отнюдь не бунтовались, не уклонялись отъ работы, не отказывались отъ повиновенія помѣщику и терпѣливо переносили незаслуженныя и поголовныя истязанія ихъ Малафеевымъ, но добивались лишь одного только, чтобы помѣщикъ Корсакъ не требовалъ съ нихъ труда выше силъ и заставлялъ своего эконома добросовѣстно распредѣлять трудъ и непремѣнно засчитывать имъ въ отроботокъ частыя посылки ихъ за полученіемъ корреспонденціи изъ пинской почтовой конторы, на что крестьяне принуждены были, на собственномъ пждивеніи, всякій разъ употреблять по нѣсколько дней безъ зачета въ послугу помѣщику, который—въ концѣ концевъ взыскивалъ съ нихъ, если они не успѣвали вдвоемъ выполнить назначенную экономомъ роботу, на которую по совѣсти приходилось назначить не менѣе трехъ человѣкъ.

Жалобы крестьянъ подтвердились; на работу они пошли безпрекословно, а помѣщикъ обязался строго наблюдать за своими агентами, всякую послугу, согласно инвентарю, засчитывать въ число рабочихъ дней и отмѣчать ихъ въ выдаваемыхъ крестьянамъ разсчетныхъ книжкахъ, что по лѣности и не радѣнію эконома не всегда соблюдалось.

XIX.

Копія съ докладной записки шефа жандармовъ, графа Бенкендорфа, отъ 2 іюня 1842 года, за № 25.

Находящійся въ Минской губерніи, Подполковникъ корпуса жандармовъ Ломачевскій, проситъ содѣйствія моего, къ исходатайствованію ему необходимой, по разстроенному его положенію ссуды двухъ тысячь рублей серебромъ, на 10 лѣтъ безъ процентовъ.

Принимая во вниманіе отличную службу штабъ-офицера сего, сопряженную съ весьма частыми переѣздами по порученіямъ, на него возлагаемымъ, и въ особенности лестное засвидѣтельствованіе о немъ, сдѣланное генералъ-адъютантомъ Кавелинымъ и свиты Вашего Императорскаго Величества генералъ-маіоромъ Назимовымъ, который удостовѣряетъ, что ему обязанъ онъ въ открытіи истины по слѣдственному дѣлу въ Вильнѣ, я осмѣливаюсь испрашивать Всемилостивѣйшаго соизволенія, на выдачу ему просимой имъ ссуды, всеподданнѣйшее присовокупляя, что подполковникъ Ломачевскій, будучи обремененъ семействомъ, не имѣетъ къ поддержанію онаго никакихъ средствъ кромѣ службы, отъ которой при усердіи его можно ожидать большой пользы.

Подписалъ: генералъ-адъютантъ графъ **Бенкендорфъ**.

Скрѣпилъ: генералъ-маіоръ **Дубельтъ**.

На подлинномъ собственною рукою Его Величества написано карандашемъ: «Согласенъ».

Отрывочныя воспоминанія изъ пяти-лѣтней службы моей петербургскимъ полиціймейстеромъ были разновременно помѣщаемы въ Русской старинѣ, но о главномъ событіи, совершенно исковеркавшемъ мою служебную карріеру, считаю не лишнимъ разсказать здѣсь.

Покойный А. А. Кавелинъ, вскорѣ по возвращеніи изъ Вильны, назначенъ былъ, вмѣсто графа Петра Кириловича Эссена, военнымъ генералъ-губернаторомъ въ Петербургъ. Мнѣ дали знать, что Александръ Александровичъ поручилъ оберъ-полиціймейстеру С. А. Кокошкину имѣть меня въ виду въ случаѣ открытія полиціймейстерской вакансіи въ столицѣ

Хотя, съ одной стороны, я вовсе не желалъ разставаться съ корпусомъ жандармовъ, который дорожилъ мною и графъ Бенкендорфъ въ двухъ особенно лестныхъ для меня приказахъ, напечатанныхъ въ январѣ 1842 года, поставилъ меня въ примѣръ другимъ сослуживцамъ но, съ другой, недостаточность средствъ образованія дѣтей въ провинціи, побуждала меня искать перемѣщенія въ Петербургъ, гдѣ въ то именно время преобразовывалась Управа благочинія съ раздѣленіемъ на два департамента. На этомъ основаніи я смѣло обратился къ А. А. Кавелину, съ просьбою о назначеніи меня предсѣдателемъ одного изъ управскихъ департаментовъ.

Отвѣчая мнѣ, 15 января 1843 года, А. А. объяснилъ, что желаемое мною назначеніе прямо зависитъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, который принялъ на себя пріисканіе способныхъ на эти мѣста людей,взамѣнъ чего предложилъ мнѣ принять мѣсто полиціймейстера, чего, добавилъ онъ, и С. А. Кокошкинъ очень желаетъ, а 27 марта давъ знать, что мѣсто для меня уже готово, приглашалъ безотлагательно прибыть въ Петербургъ.

29 апрѣля я вступилъ въ новую должность, а Смоленскій вице-губернаторъ Клевенскій получилъ то мѣсто, на

которое я разсчитывалъ и вскорѣ пріобрѣлъ онъ неограниченное довѣріе графа Льва Алексѣевича Перовскаго и громкую популярность въ столицѣ своею доступностію, честностію и быстротою.

Ни Клевенскаго нога у меня, ни моя у него—никогда не были. Иногда я встрѣчался съ нимъ въ домахъ А. С. Танѣева, Г. В. Казнакова, Е. П. Глинки и С. В. Болотникова, гдѣ игрывали въ карты въ обществѣ заслуженныхъ генераловъ, сенаторовъ, членовъ государственнаго совѣта, и вообще людей, высоко поставленныхъ, въ кругу которыхъ, казалось, не возможно было ожидать отвѣтственности даже и за азартную игру, въ которой подъ часъ не прочь были принять участіе нѣкоторые изъ посѣтителей, а съ ними и я, и мой сослуживецъ, другой полиціймейстеръ А. Г. Трубочеевъ.

Ходили слухи, будто у Албрехта, Болотникова, Трубочеева и Глинки азартная игра доходила порою до крупныхъ счетовъ, и что Ив. Гавр. Клевенскій сильно поплатился имъ, но въ тоже время увѣряли, что избранникъ Перовскаго, и мой соперникъ, женясь на вдовѣ Катакази, получилъ за ней полумилліонное состояніе. Никому не могло придти въ голову, чтобы Клевенскій запустилъ лапу въ казенный сундукъ. Между тѣмъ, 1 февраля 1847 года сдѣлалось извѣстнымъ, что гр. Перовскій, получивъ анонимное письмо о томъ, что въ 1-мъ департаментѣ Управы деньги растрачены, не повѣрилъ доносу и ему же, Клевенскому, поручилъ повѣрить суммы и о послѣдующемъ донести. Оказалось что недоставало 156 т. р.

Строгимъ слѣдствіемъ, произведеннымъ Д. С. С. Ив. Петр. Липранди и чистосердечнымъ сознаніемъ самого Клевенскаго выяснилось:

а) Что анонимное письмо къ Перовскому послано было самимъ Клевенскимъ, въ надеждѣ, что подозрѣніе въ по-

хищеніи денегъ можно будетъ свалить на военные караулы сѣнновской гауптвахты, гдѣ хранился сундукъ съ управскими деньгами и

б) что для удобства пользованія казенными деньгами придуманъ былъ предсѣдателемъ слѣдующій оригинальный способъ:

Одинъ изъ совѣтниковъ, по его назначенію, съ казначеемъ и двумя присяжными приносятъ съ гауптвахты денежный сундукъ и ставятъ на столъ общаго присутствія; повѣряются печати, вынимаются на столъ всѣ суммы, пересчитываются и тутъ же, въ общемъ присутствіи, предсѣдатель поручаетъ одному изъ членовъ отсчитать, напримѣръ 14372 р. и вложилъ ихъ въ пакетъ, запечатать печатью Клевенскаго, который тутъ же, при всѣхъ, дѣлаетъ собственноручно на конвертѣ надпись: № 1, съ 14372-мя рублями, слѣдующими по такому то, близкому къ окончанію, дѣлу въ выдачу такому—то лицу.

Такимъ же образомъ распредѣляются и остальныя суммы, а затѣмъ опечатывается остатокъ, предназначаемый для текущихъ расходовъ.

Всѣ эти пакеты укладываются, по порядку нумеровъ, тутъ же, подъ зерцаломъ до конца присутствія, а члены расходятся по своимъ мѣстамъ, оставляя пакеты передъ глазами предсѣдателя, который имѣетъ полнѣйшую возможность любой изъ денежныхъ пакетовъ спокойно замѣнить другимъ, заблаговременно приготовленнымъ, его же печатью запечатаннымъ и его рукою, какъ выше сказано, надписаннымъ.

Присутствіе оканчивается; члены опять приглашаются; пакеты бережно укладываются ими въ сундукъ; онъ запечатывается нѣсколькими печатями и отвозится обратно на гауптвахту. Предсѣдатель ни дочего не дотрогивается,

а когда, въ теченіе мѣсяца, встрѣтится надобность выдать деньги, то приказываетъ, кому слѣдуетъ, отправиться къ караулу, тамъ же распечатать сундукъ, вынуть изъ него пакетъ за такимъ то № и доставить въ присутствіе, гдѣ его вскрываютъ, пересчитываютъ и вручаютъ по принадлежности.

Когда Клевенскій одинъ за другимъ подмѣнилъ почти всѣ пакеты съ суммами, къ дальнѣйшей задержкѣ которыхъ не было никакихъ благовидныхъ поводовъ, онъ дошелъ до такой крайности, что придумалъ другой способъ къ похищенію, а именно: онъ заготовилъ три совершенно одинаковыхъ портфеля и въ одинъ изъ нихъ въ общемъ присутствіи втиснулъ всю сумму, присланную изъ департамента военныхъ поселеній для выдачи графинѣ Броницкой за купленную у нея землю въ казну; съ этимъ туго набитымъ портфелемъ Клевенскій посадилъ въ свою карету казначея, приготовя другой, точно такой портфель, туго набитый пачками почтовой бумаги и когда, подъѣхали къ гауптвахтѣ и несчастный казначей вылѣзалъ изъ кареты, Его превосходительство, пользуясь темнотою, успѣлъ подмѣнить портфель, подавъ казначею другой портфель, а денежный увезъ съ собою.

Около этого же времени обнаружена была растрата казенныхъ суммъ въ гвардейскомъ штабѣ. Государь огорчился и повелѣлъ и военныхъ и управскихъ предать военному суду.

Если бы все это дѣло разбиралось послѣ 20 ноября 1864 года, исходъ былъ бы другой, а военный судъ 14 декабря 1848 года рѣшилъ:

Д. С. С Клевенскаго лишить чина, орденовъ, дворянства и, по выдержаніи 4-хъ лѣтъ въ арестанскихъ ротахъ, отправить на поселеніе (срока не помню), полиціймейстеровъ полковниковъ Трубочеева и Ломачевскаго

уволить отъ службы, съ тѣмъ, чтобы и впредь къ подобнымъ должностямъ не опредѣлять и сверхъ того:

Съ генерала Албрехта и полковниковъ Глинки. Болотникова и Трубочеева взыскать по 30000 р., а съ Ломачевскаго—100 р.

Ровно черезъ три недѣли послѣ объявленія сентенціи этой мнѣ встрѣтилась надобность переговорить, съ директоромъ канцеляріи военнаго министра, барономъ Вревскимъ.

Можно себѣ представить, какъ этотъ баринъ принялъ меня, если, перекинувшись съ нимъ нѣсколькими словами, я узналъ отъ него странную новость—что я давно умеръ! Пошли распросы...

Въ заключеніе онъ расхохотался и посовѣтовалъ мнѣ сходить въ медицинскій департаментъ и узнать, откуда вышла эта путня?

Вхожу. Что вамъ угодно, спрашиваютъ?

— Узнать о полковникѣ Ломачевскомъ.

— Скончался, отвѣчаютъ мнѣ.

— Онъ этому не вѣритъ, говорю и поручилъ справиться: точно-ли онъ умеръ?

Мнѣ показали подлинный докладъ медицинскаго департамента объ умершихъ 29 декабря чинахъ военнаго вѣдомства и первымъ между ними вижу мою фамилію, противъ которой рукою князя Чернышова сдѣлана надпись:

«Его величеству угодно знать, не тотъ ли это Ломачевскій, который былъ полиціймейстеромъ въ Петербургѣ»?

Оказалось, что о непмѣніи надежды къ моему выздоровленію донесъ пользовавшій меня врачъ родильнаго института Этлингеръ, а писаря департаментскіе перевели эту отмѣтку на свой языкъ.

Мнѣ оставалось благодарить, Царя небеснаго, что Онъ спасъ меня отъ болѣзни, постигшей меня тотчасъ

послѣ прочтенiи сентенцiи, а царя земнаго—за то, что вспомнилъ преступника.

Этотъ покойникъ и преступникъ нашелъ случай лично напомнить о себѣ и своемъ безвыходномъ положенiи бывшему тогда наслѣдникомъ престола, нынѣ царствующему Государю и по рекомендацiи Его высочества поступить на службу въ министерство финансовъ.

Окончивъ этимъ выдержки изъ пріятныхъ мнѣ воспоминанiй жандарма и посвящая ихъ добрымъ дѣтямъ и внукамъ моимъ, я останавливаюсь на мысли, не встрѣтятъ ли они, послѣ моей смерти, недоразумѣнiй по поводу двухъ оскорбительныхъ для меня оглашенiй—а) о прикосновенности моей къ дѣлу похитителя 156 т. казенныхъ денегъ, и б) о поводѣ распубликованiя Правительствующимъ Сенатомъ въ 1875 году причитавшагося съ меня штрафа 17,648-ми рублей, съ наложенiемъ запрещенiя на мое имущество?

На эти два слишкомъ важные для меня вопроса мнѣ необходимо отвѣчать раздѣльно:

На первый пунктъ.

На 7-й страницѣ выданнаго мнѣ при отставкѣ аттестата, вслѣдъ за исчисленiемъ сраженiй, въ которыхъ, въ чинѣ поручика генеральнаго штаба, я участвовалъ въ 1831 году, упомянуто: «былъ прикосновенъ къ военно судному дѣлу о бывшемъ предсѣдателѣ 1 департамента С.-Петербургской Управы Благочинiя Клевенскомъ и высочайшею конфирмацiею 3 декабря 1848 года, на докладѣ генералъ аудиторiата послѣдовавшею, опредѣлено: за непринятiе Ломачевскимъ никакихъ мѣръ къ прекращенiю происходившей въ домахъ

запрещенной банковой игры и *) личное въ ней участіе, вмѣнить ему въ наказаніе отрѣшеніе отъ должности, долговременную бытность подъ слѣдствіемъ и судомъ и содержаніе подъ арестомъ, уволить отъ службы и съ тѣмъ, чтобы впредь къ подобнымъ должностямъ не опредѣлять.»

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Клевенскій, избранникъ, любимецъ и довѣренное лицо бывшаго тогда министра графа Льва Алексѣевича Перовскаго, отказавшаго А. А. Кавелину въ опредѣленіи меня на должность, отданную Клевенскому, судился за похищеніе 156 тыс. казенныхъ денегъ, которыя, по его показанію, онъ проигралъ въ домахъ генерала Албрехта, полковниковъ Глинки, Болотникова и товарища моего, полиціймейстера Трубочеева. Съ каждаго изъ нихъ, на пополненіе похищенной суммы, взыскано по 30 т. р., а съ меня, собственно за игру въ банкъ, 100 р.

Въ чемъ же тутъ прикосновенность Ломачевскаго къ дѣлу Клевенскаго? Я и не думалъ запираться и на слѣдствіи откровенно сказалъ, что мнѣ случалось иногда играть въ банкъ, но въ обществѣ высоко поставленныхъ лицъ, сенаторовъ, генералъ-адъютантовъ и членовъ государственнаго совѣта, я не считалъ себя полиціймейстеромъ и еслибъ кому нибудь изъ нихъ позволилъ себѣ напомнить, что сквитываться въ банкъ или штосъ запрещено, то на меня точно съ тѣмъ же сожалѣніемъ взглянули бы, съ какимъ посмотрѣлъ бы на меня архіерей, наливая сливки въ чай, еслибъ я имѣлъ неосторожность напомнить его преосвященству, что сегодня среда или пятница.

---

*) Объ игрѣ этой въ одной изъ дѣльныхъ статей «Отечественныхъ Записокъ», упоминалось Е. П. Карновичемъ, которому не были вѣроятно вполнѣ извѣстны, какъ подробности дѣла Клевенскаго, такъ и послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ растрата 1.200,000 р. директоромъ канцеляріи комитета о раненыхъ А. Г. Политковскимъ. О такихъ же мастерахъ, какъ Юханцевъ и Струсбергъ въ старину не слыхивали вовсе. Теперь другое дѣло!

Но это только съ одной стороны; а съ другой, и что всего важнѣе: неужели бывшій тогда наслѣдникомъ престола, нынѣ царствующій государь нашъ, удостоилъ бы рекомендовать меня графу Вронченкѣ, еслибъ я дѣйствительно компрометированъ былъ прикосновенностію къ грязному управскому произшествію?

17 августа 1849 года меня причислили къ министерству финансовъ.

Чрезъ четыре мѣсяца послѣ поступленія моего въ это министерство, и именно 25 января 1850 года, крестили у меня двухъ новорожденныхъ близнецовъ Николая и Варвару, а какъ по семейной хроникѣ моей видно, что всѣ 17 дѣтей нашихъ, въ томъ числѣ и эти, были царскими крестниками, то на этотъ разъ, въ лицѣ его величества, воспріемникомъ отъ купели былъ временно находившійся въ Петербургѣ попечитель московскаго учебнаго округа, генералъ-адъютантъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, который пріѣхалъ на крестины прямо съ царскаго обѣда и по окончаніи священнаго обряда, поздравя мою жену, сказалъ ей, что обо мнѣ государь упоминалъ за обѣдомъ и именно, разсказывая графу, какъ москвичу, о пропажѣ денегъ въ гвардейскомъ штабѣ и управѣ благочинія, присовокупилъ, что послѣднее дѣло тѣмъ его величеству прискорбнѣе, что къ нему совершенно неправильно припутали Ломачевскаго, которымъ дорожилъ графъ Бенкендорфъ *).

Эти священныя и отрадныя въ моемъ положеніи слова государя, съ разрѣшенія бывшаго моего минскаго начальника, на другой же день были переданы мною графу Ф. П. Вронченко, по представленію котораго 17 августа 1850 года я назначенъ былъ предсѣдателемъ минской ка-

*) Какъ это, между прочимъ, видно изъ прощальнаго со мною приказа, отданнаго по корпусу жандармовъ въ первыхъ числахъ мая 1843 года, т. е. послѣ перехода моего въ полицеймейстеры,

зенной палаты и занялъ тотъ давно знакомый мнѣ домъ въ которомъ, за 19 лѣтъ предъ тѣмъ, помѣщался графъ С. Г. Строгановъ. Я снова ожилъ и усердно принялся за службу, которая давала мнѣ, кромѣ приличнаго казеннаго содержанія, извѣстное правительству, обычное и постоянное пособіе отъ откупщика, замѣненное, послѣ упраздненія откуповъ, добавочными, процентными, остаточными и другими пособіями, которыми пользуются теперь управляющіе казенными палатами.

Вскорѣ послѣ меня и товарищъ мой Трубочеевъ получилъ такую же должность въ Могилевѣ, что дало острякамъ поводъ говорить, что Ломачевскаго и Трубочеева къ подобнымъ прежней ихъ должности опредѣлять нельзя, а къ безподобнымъ можно.

Тутъ, по поводу наложеннаго на меня министерствомъ и распубликованнаго сенатомъ въ 1875 году громаднаго штрафа, считаю обязанностію отвѣчать на второй пунктъ оглашенія, и отвѣчать такъ, какъ бы я отвѣчалъ гласному суду, при условіи за неправду быть причисленнымъ къ разряду клеветниковъ.

При самомъ вступленіи моемъ въ должность предсѣдателя минской казенной палаты меня поразила чрезвычайная убыль числа душъ еврейскаго населенія, уменьшившагося противъ прежней 8-ревизіи болѣе, чѣмъ на 30%.

Хотя новые сослуживцы мои причину убыли этой и приписывали свирѣпствовавшимъ послѣднее время повальнымъ болѣзнямъ холерѣ и тифу, тогда какъ эпидемія эта не произвела замѣтнаго опустошенія въ другихъ сословіяхъ податнаго состоянія, то я счелъ себя обязаннымъ доискаться настоящей причины исчезновенія такой громадной массы евреевъ.

Съ этою цѣлію, въ видѣ опыта, я распорядился, чтобы хранитель ревизскихъ сказокъ заблаговременно по-

давалъ мнѣ подробную вымѣтку о томъ, всѣ-ли и въ какомъ именно числѣ душъ значатся по ревизскимъ сказкамъ евреи, явившіеся въ палату съ прошеніями?

Оказалось, что изъ десяти просителей двое было умершихъ, а третій показанъ находящимся въ неизвѣстной отлучкѣ. Началась тревога. Обиженные, въ доказательство ихъ невинности, поспѣшили предъявить мнѣ квитанціи кагаловъ какъ въ полученіи отъ нихъ полныхъ ревизскихъ сказокъ., такъ и въ бездоимочной уплатѣ ими податей не только за членовъ собственныхъ семействъ, но и за чужія бѣдныя семейства. Такимъ образомъ тотчасъ выяснилось, что причиной чрезвычайной убыли евреевъ вовсе не тифъ и холера, но явно покровительствуемыя полицейскими властями отчаянныя, невѣроятныя злоупотребленія еврейскихъ кагаловъ, которые смѣло выдавали квитанціи начальникамъ семействъ въ полученіи отъ нихъ полныхъ ревизскихъ сказокъ и изъ этихъ частныхъ документовъ фабриковали и представляли въ казенную палату общія, до того сокращенныя ревизскія сказки, что въ нихъ или со всѣмъ пропущены были сотни и даже тысячи бѣдныхъ евреевъ мужскаго пола, или они отмѣчены были находящимися въ неизвѣстной отлучкѣ, или умершими.

Объ открытіи моемъ*) я тогда же донесъ графу Вронченкѣ (8 января 1851 года, за № 4) и въ отвѣтъ удостоился, получить благодарность министра, объявленную мнѣ въ письмѣ, отъ 17 января, за № 142. Такое благосклонное вниманіе къ моему скромному труду воодушевило и поощрило меня еще болѣе. Напала коса на камень! Противъ отчаянныхъ еврейскихъ плутней я предложилъ министерству, распорядиться такимъ образомъ. Дать евреямъ шести-мѣсячную отсрочку на подачу безъ всякаго штрафа дополнительныхъ ревизскихъ

*) Которое нисколько не входило въ кругъ обязанностей предсѣдателя казенной палаты.

сказокъ, съ тѣмъ, чтобы каждый начальникъ семейства запасся свидѣтельствомъ духовнаго своего Раввина въ томъ, что въ семействѣ этомъ скрытыхъ отъ ревизіи лицъ мужскаго пола нѣтъ. Безъ этого документа не выдавать ни паспорта на жительство, ни подорожной, ни свидѣтельства на торговлю или подряды и за тѣмъ не имѣющихъ ручательства Раввина, но живущихъ внѣ мѣстъ ихъ приписки, отправлять на родину по этапу.

Эта крутая, но рѣшительная мѣра, вызванная дерзостію евреевъ, была вполнѣ одобрена графомъ Вронченкою и сообщена, по принадлежности, министру внутреннихъ дѣлъ, который тотчасъ же предложилъ привести ее въ исполненіе всѣмъ губернаторамъ тѣхъ губерній, въ которыхъ жительство евреямъ дозволено.

Какіе результаты дала эта мѣра въ другихъ губерніяхъ, мнѣ неизвѣстно, но въ одной минской губерніи оказалось пропущенныхъ по ревизіи слишкомъ 16 т. душъ, изъ числа которыхъ 800 человѣкъ, во время крымской войны, поступилъ въ рекруты.

Графъ Вроченко не дожилъ до полной развязки этого дѣла. Далѣе увидимъ, какъ отнеслись къ нему его преемники.

Одновременно съ этою работою мнѣ пришлось разбирать жалобы православнаго духовенства на неисправную выдачу назначеннаго ему Высочайшею властію ежегоднаго денежнаго вознагражденія за отошедшія въ казну имѣнія, принадлежавшія съ давнихъ временъ церковнымъ причтамъ всего западнаго края.

Оказалось, что при переходѣ 13 августа 1843 года въ казну подуховныхъ имѣній Высочайше повелѣно было выдавать причтамъ изъ мѣстныхъ казначействъ суммы, равныя ежегодному доходу съ тѣхъ имѣній, что и исполнялось въ точности до начала 1851 года, а 21 марта этого года, № 9797, было получено предписаніе де-

партамента государственнаго казначейства, по смыслу котораго помянутымъ причтамъ велѣно было выдавать только то количество дохода, какое дѣйствительно поступало въ казну съ отошедшихъ отъ нихъ имѣній.

Въ силу этой перемѣны только тѣмъ причтамъ пришлось получать исправно доходъ, чьи имѣнія, въ моментъ передачи въ казну, находились и остались въ вѣдѣніи арендаторовъ; всѣ же остальныя имѣнія, поступившія въ тогдашнее казенное управленіе, не приносили и пятой доли исчисленнаго съ нихъ дохода, да и тотъ получался причтами не въ опредѣленные сроки, а по мѣрѣ поступленія его въ казначейства.

По представленію моему (№ 161) это стѣснительное и непримѣнимое къ практикѣ распоряженіе (№ 9797) было тотчасъ отмѣнено и поводъ къ справедливому ропоту большей части духовенства устраненъ.

Здѣсь приходится упомянуть о такой крупной и непонятной мнѣ ошибкѣ министерства, которую и теперь, по прошествіи 30 лѣтъ, ни чѣмъ объяснить себѣ не могу, а именно:

23 января 1851 года былъ полученъ ввѣренною мнѣ казенною палатою указъ сената, за № 2,443, съ изложеніемъ Высочайшаго повелѣнія о томъ, чтобы въ предупрежденіе каждогоднаго накопленія недоимокъ на еврейскихъ обществахъ, впредь съ тѣхъ изъ нихъ, которыя не внесутъ лежащія на нихъ недоимки, за каждыя 2. т. р. сер., брать по одному взрослому рекруту.

Черезъ 4 мѣсяца (1 іюня 1851 года, за № 17,523) департаментъ государственнаго казначейства циркулярно предложилъ палатамъ: «по мѣрѣ поступленія штрафныхъ рекрутъ слагать въ тоже самое

время за каждаго изъ нихъ со счетовъ не доимки по двѣ тысячи рублей».

Недоимокъ этихъ по одной Минской губерніи числилось 391 т. р., а по всѣмъ губерніямъ, гдѣ жительство евреямъ дозволено, по всей вѣроятности, не менѣе семи милліоновъ, которые изчезли бы незамѣтно!!!

Изъ всѣхъ предсѣдателей казенныхъ палатъ, до которыхъ относилось это непонятное истолкованіе Высочайшей воли, у одного меня достало на столько гражданскаго мужества, что я на другой же день по полученіи предписанія секретно сообщилъ директору департамента, (11 іюня 1851 года, за № 29), что тутъ вкралась ошибка и что слагать по 2 т. р. со счетовъ недоимки за каждаго штрафнаго рекрута отнюдь не слѣдуетъ.

Министерство встрепенулось...

Графъ Вронченко, предписаніемъ, отъ 13 августа, за № 2310, приказалъ, впредь до особаго распоряженія, оставить предписаніе за № 17523 безъ исполненія.

Евреи какъ громомъ поражены были этимъ оборотомъ дѣла, о которомъ возникла переписка съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, кончившаяся указомъ сената, отъ 16 апрѣля 1852 года, за № 14,064, которымъ спорный вопросъ разрѣшенъ былъ въ томъ смыслѣ, какъ я его понималъ.

Дѣло это находится въ 1 отдѣленіи деп. госуд. к-ва.

Возвращаюсь къ вопросу о сокрытіи евреевъ по ревизіи. Преемникъ скончавшагося въ январѣ 1852 года графа Вронченки, П. Ф. Брокъ, призналъ дѣло это на столько важнымъ, что за одно содѣйствіе мнѣ въ борьбѣ съ евреями, чиновникамъ палаты Иванову и Кононовичу исходатайствовалъ ордена св. Анны 3 степени (3-го февраля 1853 года); что же касается до меня собственно, то я былъ довольно строго

наказанъ за неумѣстную скромность: я не просилъ о сложеніи должныхъ мною въ казну 2 т. р., срокъ уплаты которыхъ кончился 2 іюня 1852 въ самый разгаръ дѣла, принесшаго казнѣ громадную матеріальную выгоду. На вѣроятный успѣхъ, въ этой просьбѣ тѣмъ болѣе было шансовъ, что изъ доклада графа Венкендорфа, которымъ испрашивалась ссуда, видно было, что она пожалована мнѣ главнымъ образомъ въ томъ вниманіи, что частые разъѣзды, съ которыми сопряжено было множество возлагаемыхъ на меня порученій, были для меня раззорительны. На пополненіе этой ссуды изъ жалованья моего вычтено 2,196 р., а ходатайство. П. Г. Бибикова во все не было доведено Брокомъ до Высочайшаго свѣдѣнія (см. 127 стр. драмы).

За обнаруженіе ошибки департамента государственнаго казначейства, относительно сложенія за каждаго штрафнаго еврейскаго рекрута по 2 т. р., бывшій директоръ этого департамента, Александръ Максимовичъ Княжевичъ, благородно отмстилъ мнѣ, занявъ постъ министра финансовъ: при немъ, въ три года, я удостоился, какъ видно изъ аттестата, получить четыре награды, а евреямъ не удалось отдѣлаться отъ уплаты семи милліонной недоимки

---

8 ноября 1863 года я вышелъ въ отставку съ усиленной пенсіей въ 1,400 р., а 4 января 1864 года статсъ-секретарь Рейтернъ, ходатайствуя о пожалованіи мнѣ пособія на уплату долговъ, засвидѣтельствовалъ государю, что въ бытность мою предсѣдателемъ минской казенной палаты я сдѣлалъ до милліона прибыли казнѣ посредствомъ обнаруженія 16,000 пропущенныхъ по ревизіи евреевъ, не упомянувъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, что на долю этой массы евреевъ пришлось поставить 800 рекрутъ, за которыхъ, какъ скрывавшихся отъ этой повинности, по примѣненію къ 613 ст. XIV т. св. зак.

устава о бѣглыхъ, я могъ бы не просить, но требовать обѣщанной закономъ уплаты 24 т. руб., вмѣсто которыхъ мнѣ пожаловано было 1,400 руб., а въ исходѣ 1875 года, т. е. чрезъ 12 лѣтъ послѣ выхода моего въ отставку, департаментъ Неокладныхъ сборовъ неожиданно предъявилъ Костромскому окружному суду искъ ко мнѣ въ 17,648 руб., на пополненіе мнимаго убытка казны, происшедшаго отъ не застрахованія сгорѣвшаго дома житомирскихъ евреекъ Трахтенбергъ и Виленцъ, на которомъ обезпечена была откупная недоимка обанкрутившагося откупщика Макарьевскаго, Костромской губерніи откупа, въ суммѣ 27,025 р.

Вызванный чрезъ публикацію я явился въ Кострому и, обозрѣвъ дѣло, подалъ 9 сентября 1876 года отзывъ, доказывающій что:

а) При отсылкѣ, въ октябрѣ 1862 года, Костромскою казенною палатою въ Волынское губернское правленіе дѣла о подлежавшемъ продажѣ съ публичныхъ торговъ залоговомъ домѣ Трахтенбергъ и Виленцъ, со стороны палаты дѣйствительно было сдѣлано упущеніе, заключавшееся въ невозобновленіи страховаго полиса, но упущеніе это произошло въ отсутствіе мое по дѣламъ службы, когда палатою управлялъ давно умершій совѣтникъ Кессель, за ошибку котораго отвѣтственность отнюдь не можетъ падать на меня.

б) Помянутый домъ сгорѣлъ черезъ три года, послѣ того, когда дѣло о продажѣ его находилось уже въ рукахъ Волынскаго губернскаго правленія, которое обязано было ежегодно страховать его и,

в) Если министерство, не стѣсняясь 1364-ю ст. X т. св. зак. изд. 1876 года, нашло возможнымъ исходатайствовать чрезъ комитетъ министровъ, 15 марта 1868 года, особое снисхожденіе домовладѣлицамъ—еврейкамъ отдачею имъ, безъ согласія прикосновен-

ныхъ къ дѣлу лицъ, подлежавшаго публичной продажѣ дома, вмѣсто 27,025 за 2,992 р. (т. е. за сумму, въ которую оцѣнены были безъ всякой повѣрки остатки сгорѣвшаго дома) стало быть съ уступкою сказаннымъ еврейкамъ остальной недоимки, въ количествѣ 24,033-хъ р., то о взысканіи этой мнимой недоимки съ кого бы то ни было не могло быть и рѣчи.

Окружный судъ не вошелъ, къ несчастію, въ разбирательство этихъ подробностей дѣла, а за пропускомъ десятилѣтней давности, рѣшеніемъ, состоявшимся 29 октября 1876 года, отказалъ въ искѣ департамента

Если бы департаментъ этотъ согласился съ законнымъ рѣшеніемъ суда, и не обжаловалъ его, то мнѣ, освобожденному отъ взысканія, не было бы надобности прибѣгать къ новой, крайне раззорительной для меня, борьбѣ за существованіе и грустное дѣло это было бы тогда же предано забвенію, но жалоба на окружный судъ, поданная въ Московскую судебную палату, заставила меня 14 лишнихъ мѣсяцевъ имѣть дѣло съ ростовщиками, ждать новаго рѣшанія, раззоряться на частые разъѣзды, адвокатовъ, гербовыя пошлины, жизнь внѣ семьи и въ преклонныхъ лѣтахъ испытывать незаслуженныя ни чѣмъ лишенія.

Наконецъ департаменту неокладныхъ сборовъ и судебная палата отказала 16 января 1878 года. Онъ и этимъ не удовлетворился и перенесъ дѣло на кассацію въ Правительствующій сенатъ, который, чрезъ 13 мѣсяцевъ, (21 февраля 1879 г.) равномѣрно отказалъ въ искѣ департамента, предоставивъ мнѣ взыскать съ казны, не за раззореніе меня, но собственно за веденіе дѣла, 1268 р., которые, къ несчастію, не составляютъ и десятой доли всѣхъ матеріальныхъ потерь моихъ, не говоря уже о незаслуженныхъ страданіяхъ, сильно отзывающихся на

здоровьи человѣка, начавшаго службу при императорѣ Александрѣ I.

Таковъ общій результатъ 14-лѣтней, службы моей въ министерствѣ финансовъ, которымъ всѣ просьбы мои о вознагражденіи убытковъ, понесенныхъ неправильнымъ искомъ казны, оставлены безъ послѣдствій.

Неужели лицо, такъ постоянно и такъ настойчиво орудовавшее этимъ дѣломъ, не могло, хотя бы по чувству самохраненія, додуматься до того, чтобы щекотливый вопросъ этотъ направить снова въ комитетъ министровъ и признаться ему, что большую часть мнимой недоимки приходится взыскать съ человѣка, за 12 лѣтъ предъ тѣмъ оставившаго службу и принесшаго казнѣ до милліона чистой и неожиданной прибыли???

Но всей вѣроятности исходъ дѣла былъ бы другой.

Жизнь моя не была бы разбита, я не былъ бы разоренъ въ конецъ, не страдалъ бы почти 5 лѣтъ и не имѣлъ бы права сказать, что служба одному — нѣжная мать, а другому—злая мачиха!

Но и теперь, дописывая эти строки, я смѣло повторяю слова, сказанныя мною его величеству 29 ноября 1841 года, а именно: государю не нужны жертвы, нужна правда. (Виленская драма, стр. 123).

А. Ломачевскій.

БИБЛІОТЕКА

ОПЕЧАТКИ 1-й ЧАСТИ.

Стр.	Напечатано:	Читай:
6	искусстному	искусному
15	Вилинской	Виленской
18	противорѣчавшихъ	противорѣчившихъ
21	Но подобныя	На подобныя
23	пистолѣтныя	пистолетныя
27	и доставленныя	и доставленія
29	занятыя	заняться
—	не уснялось	не уяснялось
—	основательная жалоба	основательныя жалобы
30	Марковичъ	Мирковичъ
41	Врача спокойствія	Врага спокойствія
44	преслоняли	прислоняли
64	Тоже самодѣйствіе	Тоже самое дѣйствіе
71	подписавшихъ кровію	подписавшихся кровію
78	Не представленіи	На представленіе
79	у заливакѣ	У Заливаки
80	Скрепя	скрѣпя
82	Левицкій	Ловицкій
86	супруга	супруги
95	проживавшемъ	проживавшимъ
101	изъ родныхъ изъ родныхъ	изъ родныхъ
110	Новую коммисію	Новою коммисіей
113	представленія	предоставленія
125	генералъ и губернаторъ	генералъ-губернаторъ
156	разновременно	рановременно